

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Вестник
КАЛМЫЦКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

3(55)/2022

ВЕСТНИК КАЛМЫЦКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Научный журнал

ISSN 1995-0713

Основан в 2006 году
Периодичность выхода 4 раза в год

Учредитель:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова»

№3(55) 2022

Журнал входит в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук»

ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации
(по состоянию на 01.02.2022).

Группы научных специальностей:

5.6.1 – Отечественная история (исторические науки), 5.6.3 – Археология (исторические науки), 5.7.7 – Социальная и политическая философия (философские науки), 5.7.8 – Философская антропология, философия культуры (философские науки), 5.7.9 – Философия религии и религиоведение (философские науки), 10.02.02 – Языки народов Российской Федерации (филологические науки), 10.02.19 – Теория языка (филологические науки), 10.02.20 – Сравнительно-историческое типологическое и сопоставительное языкознание (филологические науки).

Редакционный совет:

д-р биол. наук *Б.К. Салаев* (председатель); д-р экон. наук, проф. *Э.И. Мантаева* (зам. председателя); канд. пед. наук, доц. *З.Б. Доржинова* (ред. англ.); канд. пед. наук *Э.В. Эрдниева* (отв. секретарь).

Редакционная коллегия:

д-р ист. наук, проф. *В.Б. Убушаев* (гл. редактор); д-р филос. наук, проф. *В.Н. Бадмаев* (зам. гл. редактора); д-р филол. наук, проф. *Т.С. Есенова* (зам. гл. редактора); д-р ист. наук, проф., академик РАН *Х.А. Амирханов*; д-р ист. наук, проф., академик НАН РК *Б.А. Байтанаев*; д-р филол. наук, проф. *П.Ц. Биткеев*; д-р филос. наук, проф. *З.Т. Голенкова*; д-р филос. наук, проф. *Г.В. Драч*; д-р филол. наук, проф., член-корр. РАН *А.В. Дыбо*; д-р филос. наук, проф. *З.Н. Исмагамбетова*; д-р ист. наук, проф. *М.Е. Колесникова*; д-р ист. наук *П.М. Кольцов*; д-р ист. наук, проф. *А.Н. Команджаев*; д-р филол. наук, проф. *Г.Ц. Пюрбеев*; д-р филол. наук, доц. *Г.В. Файзиева*; д-р филос. наук *М.С. Уланов*; д-р филол. наук, проф. *Е.Э. Хабунова*; д-р ист. наук, проф. *А.В. Цюрюмов*.

BULLETIN OF KALMYK UNIVERSITY

SCIENTIFIC JOURNAL

ISSN 1995-0713

The journal was founded in 2006
The journal is issued four times a year

Founder:

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
“Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov”

№3(55) 2022

This peer-reviewed journal is included into the list of periodicals recommended for publishing doctoral research results by the Higher Attestation Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation (as of February 2, 2022).

Branches of science:

5.6.1 – History of Russia (historical sciences), 5.6.3 – Archeology (historical sciences), 5.7.7 – Social and political philosophy (philosophical sciences), 5.7.8 – Philosophical anthropology, philosophy of culture (philosophical sciences), 5.7.9 – Philosophy of religion and religious studies (philosophical sciences), 10.02.02 – Languages of the peoples of the Russian Federation (philological sciences), 10.02.19 – Linguistics (philological sciences), 10.02.20 – Comparative-historical typological and contrastive linguistics (philological sciences).

Editorial board:

Doctor of Biological Science *B.K. Salaev* (Chairman); Doctor of Economics, Professor *E.I. Mantaeva* (Deputy Chairman); Candidate of Pedagogics, Assistant Professor *Z.B. Dorzhinova* (English version); Candidate of Pedagogics *E.V. Erdnieva* (executive secretary).

Editorial council members:

Doctor of History, Professor *V.B. Ubushaev* (Editor-in-Chief); Doctor of Philosophy, Professor *V.N. Badmaev* (Deputy Editor-in Chief); Doctor of Philology, Professor *T.S. Esenova* (Deputy Editor-in Chief); Doctor of History, Professor, Member of the Russian Academy of Science *H.A. Amirchanov*; Doctor of History, Professor, Member of the Academy of the National Academy of Science of the Republic of Kazakhstan *B.A. Baitanaev*; Doctor of Philology, Professor *P.Ts. Bitkeev*; Doctor of Philosophy, Professor *Z.T. Golenkova*; Doctor of Philosophy, Professor *G.V. Drach*; Doctor of Philology, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Science *A.V. Dybo*; Doctor of Philosophy, Professor *Z.N. Ismagambetova*; Doctor of History, Professor *M.E. Kolesnikova*; Doctor of History, Professor *P.M. Koltsov*; Doctor of History, Professor *A.N. Komandjaev*; Doctor of Philology, Professor *G.Ts. Pyurbeev*; Doctor of Philology, Assistant Professor *G.V. Fayzieva*; Doctor of Philosophy, Professor *M.S. Ulanov*; Doctor of Philology, Professor *E.E. Habunova*; Doctor of History, Professor *A.V. Tsyuryumov*.

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

Бадмаева Е.Н.

Деятельность Краевой астраханской пескоукрепительной организации на территории Калмыкии в 1920-е гг. 6

Батмаев М.М.

Развитие калмыцкого рыболовства в XVIII в. и его регулирование российской администрацией 14

Батыров В.В.

Адаптация калмыцкого овцеводства к административным и природно-климатическим факторам в XIX в. 22

Лю Ецзы

Отражение советско-китайских отношений в газете «Правда» (1949–1953)..... 28

Очирова Н.Г.

Деятели Калмыкии и их вклад в развитие культуры: А.У. Бадмаев (1921–2012)..... 37

Пахомов А.В.

Выступление в кубанских воинских частях в период подъема революционного движения в 1905 г. 44

Туфанов Е.В., Карпенко И.Н.

Социокультурный облик представителя партийно-государственной номенклатуры – рождение и развитие в 1920–1930-е гг. (на материалах Северного Кавказа)..... 52

Убушаев В.Б., Виноградов С.В.

Калмыцкая автономная область в период политического и экономического кризисов в СССР в 1923–1925 гг. 60

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Боктаева В.Л., Никитина Л.А.

Концепт лошадь в пословичных текстах в языковом сознании английского и русского народов 70

Есенова Г.Б.

Образ отца в романе-хронике А.М. Амур-Санана «Мудрешкин сын» 76

Манджиева З.И.

К вопросу о классификации дунсянского языка 82

Маруневич О.В., Майба В.В. Искажение информации как способ языкового манипулирования в современном российском медиадискурсе.....	89
Сусеева Д.А., Эрдниева Э.В. К вопросу об основных понятиях словообразовательной системы монгольского языка.....	98
Убушиева Ж.А. Символика желтого цвета в языковой традиции калмыков	106

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

Димитрова С.В., Кальдинова Г.П., Кярова М.А. О новых типах солидарности в условиях глобальных рисков.....	116
Крючкова С.Е., Храпов С.А. Инновации в обществе: проблема субъекта	124
Равочкин Н.Н., Петров М.А., Качай И.С. Роль креативных индустрий и фабрик мысли в социальном развитии	133
Уланов М.С., Грищенко А.М. Буддизм и православие в социокультурном пространстве современной Калмыкии: опыт межконфессионального диалога	143
Урбанаева И.С. Реальность как конструкт и смысл <i>таковости</i> : к философской специфике Мадхьямаки и махаянского мира	151
Эрендженова Ю.Ю. Применение методов естественно-технических наук в буддологических исследованиях	159
ОБ АВТОРАХ	167
ABOUT THE AUTHORS	170
CONTENTS.....	173

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

Е.Н. Бадмаева

Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КРАЕВОЙ АСТРАХАНСКОЙ ПЕСКОУКРЕПИТЕЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ НА ТЕРРИТОРИИ КАЛМЫКИИ В 1920-е гг.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научно-исследовательского проекта № 22-18-00313, <https://rscf.ru/project/22-18-00313/> «Трансформация кочевых обществ Юга России в контексте природно-климатических факторов (XIX-XX) вв.»

Статья посвящена деятельности Краевой астраханской пескоукрепительной организации в начале 1920-х гг. Исследование дает возможность более осмысленно изучить организацию и проведение планомерной помощи пескоукрепительной организации в борьбе с сыпучими песками. Цели и задачи заявленной статьи заключаются в выявлении просчетов и достижений в борьбе с опустыниванием территории и организации помощи Калмыцкой автономной области. Научная публикация построена исключительно на материалах Государственного архива Астраханской области, полученных в ходе научной экспедиции в июле 2022 года. Некоторые из них впервые введены в научный оборот. Архивные документы содержат сведения о планомерном развитии пескоукрепительных работ на территории Калмыцкой автономной области и Астраханской губернии. В исследовании применялись научные методы: историзма для изучения объекта в историческом контексте; детерминизма, следующего из причинно-следственных связей между исследуемыми природными явлениями; источниковедческого анализа опубликованных и неопубликованных документов; сравнительно-исторического методов работы с данными и это позволило оценить деятельность Крапо на территории Калмыцкой автономной области.

Ключевые слова: *Крапо, Калмыцкая автономная область, Астраханская губерния, природно-климатический климат, опустынивание, пескоукрепительные работы.*

Е.Н. Badmaeva

Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov

ACTIVITIES OF THE REGIONAL ASTRAKHAN ORGANIZATION PREVENTING SAND MOVEMENT ON THE TERRITORY OF KALMYKIA IN THE 1920s

The article is devoted to the activities of the Regional Astrakhan organization preventing sand movement the early 1920s. The study makes it possible to study the work of the organization which provided systematic assistance to the organizations in the fight against loose sands. The goals and objectives of the stated article are to identify miscalculations and achievements in the fight against desertification of the territory and the organization of assistance to the Kalmyk Autonomous Region. The scientific publication is built exclusively on the materials of the State Archive of the Astrakhan Region obtained during a scientific expedition in July 2022. Some of the materials are introduced into scientific circulation for the first time. Archival documents contain information about the systematic development of works for preventing sand movement on the territory of the Kalmyk Autonomous Region and the Astrakhan Governorate. The study used scientific methods: historicism to study the object in a historical context; determinism resulting from cause-and-effect relationships between the studied natural phenomena; source analysis of published and unpublished documents; comparative-historical methods of working with data and this made it possible to evaluate the activities of Krapo on the territory of the Kalmyk Autonomous Region.

Key words: *Krapo, Kalmyk Autonomous Region, Astrakhan Province, natural and climatic climate, desertification, sand-fixing works.*

Одной из важнейших государственных задач Российской Федерации сегодня является охрана природных ресурсов и обеспечение экологической безопасности страны. Это актуальная проблема для федеральных и региональных органов государственной власти, природоохранных организаций и всего российского общества. В Калмыкии в настоящее время из-за экстенсивного использования земельной территории наблюдается критическое нарушение экологического равновесия, приведшее к серьезным изменениям природной окружающей среды. Очевидно, что для восстановления экологического баланса на территории республики нужно не только полное понимание степени ответственности регионального правительства и калмыцкого общества за состояние окружающей природы, но и выработка ими совместно с федеральными органами власти первоочередных шагов по решению существующих экологических проблем. В этом, смеем полагать, поможет сделанный нами исторический дискурс деятельности областного и федерального органов власти в 1920-е гг., населения Калмыцкой автономии по решению проблемы с наступлением песков в регионе. Актуальность настоящей статьи видится в показе как положительных достижений, так и недочетов в деле борьбы с опустыниванием территории с тем, чтобы на современном этапе власть и общество могли избежать и не повторять прошлых ошибок, успешно противостоять грозящему для территории серьезному бедствию – наступлению песков.

В российской историографии анализируемой нами проблематике не уделялось достаточного внимания. Вопросы опустынивания земель если и рассматривались, то в основном в общем контексте развития сельского хозяйства. В советский период только в 1927 г. выходит работа первого руководителя КРАПО Ф. Аверьянова [1]. По мнению ученых-исследователей того времени, действенным рычагом в решении пескоукрепительной проблемы являлось создание средозащитных лесных насаждений и посевов, выполняющих многофункциональную роль в поддержании экологического равновесия в борьбе с песками [18; 22].

Калмыцкие ученые в советский период практически не касались проблемы опустынивания территории Калмыкии, констатируя лишь ее наличие. Только в последние десятилетия в национальной историографии появились научные работы, рассматривающие борьбу с песками в Калмыцкой степи в дореволюционный период [19; 20]. Отдельные аспекты названной проблематики затрагивались в монографии Е.Бадмаевой, исследовавшей проводимые пескоукрепительные работы в регионе в контексте общественных работ в период борьбы с голодом 1921–1922 гг. [2].

В написании данной статьи нами использованы в основном материалы, представленные из Государственного архива Астраханской области. Некоторые из них впервые введены в научный оборот. Архивные документы содержат сведения о планомерном развитии пескоукрепительных работ на территории Астраханского края, в том числе в отдельных улусах Калмыцкой автономной области.

В Астраханской губернии в имперский период песчаные степи занимали всю восточную часть Калмыцкой степи на правой стороне Волги и все левобережье, начиная от Черного Яра. Надо сказать, что в дореволюционный период пескоукрепительные мероприятия в подверженных деградации землях Средней Азии, Казахстана, некоторых губерний России носили строго систематический и планомерный характер. В Калмыцкой степи начало пескоукрепительных работ, как свидетельствуют архивные материалы, относится к 1908 году. До революции 1917 г. из общей площади Калмыцкой степи, насчитывающей более 350 тыс. дес., пескоукрепительные работы были проведены на 181122 дес. [3, Л. 57]. На территории Калмыкии, ввиду особенностей местной природы и хозяйственно-экономической обстановки, организация работы по борьбе с песками и методы их закрепления на местности значительно отличались от

тех, которые были приняты в других губерниях. Дореволюционные специалисты, работавшие в специфических условиях региона, не имели достаточного практического опыта в области пескоукрепления, наработанных связей с аналогичными специалистами из других пустынных и полупустынных территорий страны, тем не менее они проделали огромную работу в таком важном деле закрепления песков на уже деградированных землях Астраханской губернии и Калмыкии.

Годы гражданской войны, военные разрушительные действия двух противоборствующих сторон – Белой и Красной армий – нанесли огромный ущерб пескоукрепительным участкам Астраханской губернии и Калмыцкой степи. Так в некоторых улусных центрах Калмыкии были разграблены соответствующий инвентарь и оборудование, сожжены или уничтожены действующие хозяйственные постройки. Естественно, в таких условиях пескоукрепительные мероприятия в целом в регионе были приостановлены, в основном велась только охрана пескоукрепительных участков Песчано-Овражным отделением.

В первые послевоенные годы, ввиду объективных причин, главным образом из-за отсутствия финансирования, а также сложившегося общего депрессивного положения пескоукрепительных участков на Юго-Востоке страны, общее состояние оставалось стагнационным [4, Л. 112об]. Заметное оживление в работе по пескоукреплению в пустынных и полупустынных районах страны наметилось после выхода в апреле 1921 г. Постановления № 251 Совета Труда и Оборона (СТО). В данном государственном документе отмечалась необходимость проведения работ по «укреплению оврагов и песков путем древесных насаждений, в особенности в районах Саратовской, Самарской, Царицынской, Астраханской, Тульской и в Донской области» [21, с. 489–491]. Там же указывалось, что в некоторых губерниях, в том числе в Астраханской губернии с Калмыцкой и Киргизской областями, пескоукрепление должно быть развито до максимума [5, Л. 59]. Высшие органы власти советского государства обязали Наркозем, исходя из экстремальных условий некоторых территорий страны, организовать в них агрономические и мелиоративные работы.

Деградация земель является давней проблемой Калмыкии и Астраханской губернии. Ухудшение качества пастбищных земель в отдельных местностях региона произошло как в силу природно-климатических условий, так и в результате производственной деятельности человека. В 1920-е гг. власти констатировали запущенность данной актуальной проблемы, и решить ее собственными силами было практически невозможно. Огромные степные массивы Калмыкии и Астраханской области требовали специальной государственной поддержки лесомелиоративной деятельности: проведение мероприятий по укреплению и облесению песков, оврагов, пустырей, солонцов; улучшение почвенного режима; устройство защитных и снегосборных полос; озеленение населенных пунктов и прочие виды работ. В число первоочередных задач также входило: укрепление песков; установление правильных приемов использования зарощенных пространств; выработка рациональных методов использования песчаных почв; ознакомление населения степи с правильными приемами обращения с зарощенными песками и песчаными почвами. Решение этих задач стали определяющими в борьбе с засухой и восстановлении сельского хозяйства двух соседних территорий. Калмыцкая автономная область совместно с Астраханской губернией начинают активно развивать на государственном уровне агролесомелиоративные работы. В соответствии с климатическими, почвенными и водными, бытовыми условиями территории работы по борьбе с песками в 1920-е гг. стали базироваться на широком применении травосеяния. Другие способы укрепления – с помощью культуры леса – если и применялись, то в ограниченных размерах [3, Л. 57].

В 1922 г. создается Краевая астраханская пескоукрепительная организация (Крапо), призванная централизованно и планомерно проводить работу по пескоукреплению в Астраханской губернии и Калмыцкой автономной области. В своей деятельности Крапо подчинялась Центральному управлению лесами Наркомата земледелия РСФСР, а научно-методическое руководство осуществлялось Центральной лесной опытной станцией при Управлении лесами. С организацией Крапо пескоукрепительные проблемы в регионе стали решаться более оперативно и масштабно. Данная организация вместе с земельными органами на местах начала уделять больше внимания агромероприятиям. Союзные и республиканские (РСФСР) органы власти стали оказывать подобным учреждениям централизованные меры государственной помощи. Так, Наркомом земледелия был утвержден 10-летний план закрепления всех песков [4, Л. 112об], а вся Астраханская губерния в песчано-административном отношении была поделена на районы. В состав района входили или территория целого уезда, или его части [6, Л. 3об]. Были выделены три административные единицы: Астраханская губерния, Калмыцкая автономная область и Букеевская губерния Казахской республики [1, С. 5]. С выделением из состава Астраханского края Киргизской степи (Букеевской губернии) в отдельную федеративную единицу, в ведении Песчаной организации (Песчано-Овражное отделение Губземотдела) остались пески, расположенные на территории Калмыцкой области и 3-х уездов Астраханского края [7, Л. 4об].

Калмыцкая автономная область в песчаном отношении была поделена на две части, абсолютно разные и резко отличающиеся по своему климату: Западную – в состав которой вошли Малодербетовский, Маньчский и Икицохуровский улусы; Восточную – с пятью улусами: Багацохуровский, Харахусовский, Хошеутовский, Эркетеневский, Яндыко-Мочажный. При этом в Западной части на территории с 3 млн. дес. насчитывалось песков общей площадью до 9 тыс. дес. и песчаность равнялась 0,28%, а в Восточной – на площади около 3-х млн дес. залегало свыше 250 тыс. дес. песков, что давало песчаность, равную 9,32% [8, Л. 5].

Площадь песков в регионе определили исходя из данных рекогносцированной съемки Савицкого 1890-х гг., согласно которой песчаные участки по отдельным улусам Калмыцкой степи распределились следующим образом: Багацохуровский – 8713 дес., Харахусовский – 12961 дес., Хошеутовский – 139399 дес., Эркетеневский – 65174 дес. и Яндыко-Мочажный – 42028 дес. [8, Л. 5]. Данные о площади песков в регионе, приведенные исследователем, за 30-летний период если изменились, то только в сторону увеличения, в связи с продолжавшимся устойчивым расширением зоны песчаного ареала территории. На основании данных рекогносцированной съемки Савицкого об участках с выделенными песками Калмыцкой степи, в улусах КАО были образованы пескоукрепительные участки: в Эркетеневском улусе: Ново-Гайдукский (19289,5 дес.), Овордыкский (23219 дес.), Гайдукский (11827,01 дес.), Белозерский (4617,37 дес.), Кунцано-Бартхинский (24348,55 дес.); Яндыко-Мочажном улусе: Адрькский (3584,55 дес.), Маштыкский (5488,50 дес.); Александровском (37594,40 дес.): Сереб-Джабский (45191,00 дес.), Маштыкский (5962,50 дес.). Обследование пескоукрепительных участков показало, что на многих из них состояние песков достигло стадии закрепления, в частности, имелся хороший травостой – в Гайдукском, Ново-Гайдукском, Овордыкском, Маштыкском, Адрькском участках. А на участках Александровский, Сереб-Джабский, Маштыкский № 2 пески закрепились на 50–60% и обладали вполне удовлетворительным травостоем. Участки Купцано-Бартхинский и Халгано-Басунский находились еще на стадии закрепления [9, Л. 58].

В регионе некоторое время работали два пескозакрепляющих участка Калмыцкой степи – Южно-Калмыцкий и Северо-Калмыцкий. Первый участок был ликвидирован из-за невозможности осуществления своей деятельности в силу недостаточной численности населения на его подведомственной территории и активной деятельности вооруженных организованных преступных групп. Пескоукрепление продолжало существовать только в Александровском улусе, а обслуживающий его земли пескозакрепляющий участок территориально вошел в объединенный Северо-Калмыцкий пескоукрепительный район. Пескоукрепительная организация, находившаяся в Александровском улусе, несмотря на все финансовые, материальные и прочие трудности, вела, насколько это было возможно в тех условиях, производственную деятельность. Тем не менее данный пескоукрепительный участок, как и все аналогичные участки, располагавшиеся в Южно-Калмыцком районе – Яндыко-Мочажном и Эркетеневском улусах, после обследования Крапо в 1923 г. было решено передать в землеустроительный фонд облЗУ. В общем в данный фонд было передано 123025 дес. из 200786 дес. Кроме того, в указанный землеустроительный фонд дополнительно передали 55 тыс. дес. закрепленных земельных угодий из состава Александровского и Сереб-Джабского участков [4, Л. 112об]. Как отмечало руководство Крапо: «передачу рекультивированных нарушенных земель в землеустроительный фонд облЗУ можно считать актом чрезвычайной важности» [10, Л. 113]. В докладе Крапо в КалмЦИК особо подчеркивалось, что проведенные на участках пескоукрепительные работы соответствуют всем требованиям ведения калмыцким крестьянством номадного скотоводства и что укрепление песков путем травосеяния вполне себя оправдало, так как доказало свою целесообразность с точки зрения улучшения кормового потенциала пастбищ. Борьба с опустыниванием и наступлением песков в КАО, по мнению руководства Крапо, должна вестись строго в соответствии с государственными задачами по борьбе с песками на Юго-Востоке и востоке республики [10, Л. 113].

В этот период пескоукрепительные мероприятия в КАО сосредоточиваются главным образом на территории Хошеутовского улуса (бывшего Александровского), в составе Александровско-Джакуевского (бывшего Сереб-Джабского), Халгано-Басунского, Маштыкского №2 пескоукрепительных участков. Все прочие пескоукрепительные участки по результатам постоянного мониторинга подверженных опустыниванию земель, рекогносцированного обследования их особыми комиссиями признаны вполне закрепившимися и подлежащими передаче в пользование населению в порядке землеустройства на следующих основаниях:

- пользование зарощенными пространствами должно допускаться лишь по особо выработанным Крапо эксплуатационным планам;
- контроль над пользованием и приостановка последних в случае, если они начинают принимать хищнический характер;
- население материально ответственно за нарушение планов использования, в т.ч. образование голых песков, и последующая необходимость в закреплении их вторично;
- характер и размер работ, выполненных в течение революционных лет [9, Л. 58].

С целью предотвращения дальнейшего процесса опустынивания земель, обусловленных главным образом несоблюдением нормы выпаса скота на гектар пастбищ, в Калмыкии начиная с 1917 года была введена платная эксплуатация пастбищных участков за сенокосение, выпас скота. В 1924 г. к этим видам платежей прибавились оплаты за заготовку топлива, сбор кумарчика. Введение подобного рода налогов, в частности, за выпас скота, вызывалось необходимостью уберечь степь от нещадной

эксплуатации в виде чрезмерной концентрации скота на ней, приведшей к полной или частичной деградации земель в восточных улусах Калмыкии. Даже заметное сокращение скота в регионе в 1914-1920-х гг., произошедшее вследствие первой мировой и гражданской войн, не сказалось на движении песков в глубь территории, так как не производилось никаких работ по пескоукреплению. Однако те налоговые поступления от эксплуатации степи, установленные местными властями с разрешения КалмЦИКа, не обеспечивали самые неотложные нужды единственного пескоукрепительного района, существование и деятельность которого поддерживалось в основном за счет ресурсов Астраханского пескоукрепительного округа [10, Л.113].

Таблица 1

Суммы доходных поступлений: [12, Л. 60]

Виды эксплуатации	1917	1918	1919	1920	1920	1921	1922	1923	1924
Выпас Сенокосение	29026,67	15819,96					40578,70	42879	1147,85 7,06
Заготовка топлива и пр. пост Сбор кумарчика									154,63 95,13
Всего	29026,67	15819,96					40578,70	42879	1319,54

Архивные документы показывают, что эксплуатация велась по выработанным планам, согласно с состоянием участков в смысле запаса кормовой массы, с физическим состоянием почв их образующих. Таксовые расценки за различные виды пользования устанавливало само местное руководство, и в разные годы они были разными. Так, в годы гражданской войны таксовая стоимость выпаса одной головы рогатого скота в течение трех месяцев (одного периода) составляла всего 25% от таксы мирного времени. Как отмечали специалисты Крапо, даже при столь низкой расценке ими допускалось освобождение от платы беднейшего населения, имеющего не более 2-х гол. молочного скота для продовольственных надобностей своей семьи [12, Л. 60].

Исходя из доходных поступлений, приведенных в таблице №1, видно, что уровень финансовой обеспеченности пескоукрепительных работ был низким, не позволявший самостоятельно планировать песчаное хозяйство Калмыцкому пескоукрепительному округу. При этом допускаемые населению льготы отражались на общей доходности в сторону его понижения, что объяснялось трудностью учета скотовладельцев в условиях кочевого быта населения Калмыцкой степи. В то же время, как отмечало руководство КРАПО, Калмыцкое областное земельное управление неоднократно использовало на свои нужды финансовые кредиты, переводимые Наркоматом Земледелия на пескоукрепительные мероприятия.

Крапо, говоря о завершении совместной работы в борьбе с песками с местными земельными органами в период с 1921 по 1923 гг., отметило имевшиеся трудности в работе в КАО, в частности, ограниченное финансирование из центра на лесомелиоративные мероприятия; низкую заинтересованность местных властей, что подтверждалось дефицитом денежных средств по линии областного земельного управления [13, Л. 61].

В качестве пожелания по улучшению и совершенствованию работы в автономной области Крапо рекомендовало калмыцкой пескоукрепительной организации:

1. Достичь полного взаимодействия с облземуправлением, в целях сохранения единства и координирования мероприятий по борьбе с песками опираясь на «Положение о Крапо»;

2. Просить через КалмЦИК и Облзу Наркомат Земледелия об увеличении размера кредитов на пескоукрепительные мероприятия в степи;

3. Принять меры к закладке лесных полос сельскохозяйственного значения в земельском районе области. Обсадка древесной растительностью поселков в противопожарных целях, закладка показательных плодовых садов и питомника на предмет спасения посадочными материалами населения и пескоукрепительных участков;

4. Путем опытно-агрономических начинаний через опытную мелиоративную станцию Крапо организовать ряд работ, нацеленных к изучению кормового вопроса в степи, условий, способствующих улучшению дикой флоры на зарощенных песчаных просторах и др.

Отсутствие у Крапо финансовых средств на дальнейшее ведение пескоукрепительных работ в калмыцкой степи вынудило организацию представить Калмыцкому ЦИКу особый доклад об изыскании средств на их продление, если пескоукрепительные работы в степи необходимы. Со своей стороны Крапо заблаговременно предприняло все меры, направленные на предоставление кредита на лесомелиоративные работы в Калмыцкой автономной области, в том числе ЦК Последгола [114, Л. 111].

Огромным подспорьем в ведении пескоукрепительных работ, кроме выделенных денег Наркомземом, стали выделенные Последголом финансовые средства в виде хлеб-ссуды [15, Л. 113]. Стоимость выделенной хлеб-ссуды из 4600 пуд. составила 2570 в червонных рублях 1923 года. Из этих средств на сумму 2250 червонных руб. в летний и осенний период были выполнены следующие виды работ: заготовлено 500 мешков семян песчаного овса; произведено 1268 дес. посевов песчаного овса; восстановлены дороги на протяжении 100 саж. на уроч.Балясы Маштыкского пескоукрепительного участка на площади 3,7 дес.; подготовлены почвы на площади 3,6 дес. На уроч. Сюсюкин залив под лесокультуры; проведено рекогносцировочное обследование десяти пескоукрепительных участков, общей площадью 19149268 дес. в Яндыко-Мочажном, Хошеутовском и Эркетеневском улусах по установлению степени их зарощенности; произведены строительные работы по разборке кордонов на ликвидированных участках и переброска их в намеченные пункты; осуществлен инструментальный отвод песков и земель, опасных в песчаном отношении в Хошеутовском улусе со съемкой внутренней ситуации, согласно постановлению ОблЗу от 26 августа 1923 г. [16, Л. 113об].

Полноценные пескоукрепительные работы на территории региона не велись в течение нескольких лет, но только в 1923 г. был преодолен кризис благодаря дотационным финансовым ассигнованиям, полученным из центра. Всего за 1923 год из средств Крапо Калмыцкому округу было выделено 97002,60 руб. в знаках 1923 года [17, Л. 114]. Хотя доход от эксплуатации пескоукрепительных участков Северо-Калмыцкого участка составил 42870 руб. Учитывая данный факт, центральные власти приняли решение перевести Крапо на хозрасчет, оказавшее в дальнейшем негативное влияние на пескоукрепительные мероприятия в КАО.

Итак, результаты напряженной и сосредоточенной работы Крапо на территории Калмыкии дали неплохие результаты. В результате проделанной огромной по своему объему работы удалось в начале 1920-х гг. избежать экологической угрозы – деградации калмыцких степей – путем форсирования пескоукрепительных работ в виде

закрепления песчаной площади и превращения их в пастбища. Именно для успешного развития скотоводства требовалась дополнительная кормовая база в Калмыцкой автономной области. К сожалению, в 1924–1925 гг. пескоукрепительные работы потеряли свою строгую планомерность и системность и, скорее, носили эпизодический характер, будучи вызванными или организацией помощи голодающим в порядке общественных работ, или иными случайными ресурсами.

К сожалению, в настоящее время проблема опустынивания калмыцких земель остается по-прежнему главной проблемой для Республики Калмыкия.

Список литературы

1. Аверьянов Ф.А. Пескоукрепительное дело в Астраханской губернии // Наш край. 1927. №3.
2. Бадмаева Е.Н. Калмыкия в начале 1920-х гг.: голод и преодоление его последствий. (Монография).– Элиста: АОр «НПП «Джангар», 2006.– 182 с.
3. Государственный архив Астраханской области (далее ГАСО). Ф.Р-622. Оп. 1. Д. 137. Л. 57.
4. ГАСО. Ф.Р-622. Оп. 1. Д. 126. Л. 112об.
5. ГАСО. Ф.Р-622. Оп. 1. Д. 34. Л. 59.
6. ГАСО. Ф.Р-622. Оп. 1. Д. 71. Л. 3об.
7. ГАСО. Ф.Р-622. Оп. 1. Д. 71. Л. 4об.
8. ГАСО. Ф.Р-622. Оп. 1. Д. 71. Л. 5.
9. ГАСО. Ф.Р-622. Оп. 1. Д. 137. Л. 58.
10. ГАСО. Ф.Р-622. Оп. 1. Д. 126. Л. 113.
11. ГАСО. Ф.Р-622. Оп. 1. Д. 137. Л. 59.
12. ГАСО. Ф.Р-622. Оп. 1. Д. 137. Л. 60.
13. ГАСО. Ф.Р-622. Оп. 1. Д. 137. Л. 61.
14. ГАСО. Ф.Р-622. Оп. 1. Д. 126. Л. 111.
15. ГАСО. Ф.Р-622. Оп. 1. Д. 126. Л. 113.
16. ГАСО. Ф.Р-622. Оп. 1. Д. 126. Л. 113об.
17. ГАСО. Ф.Р-622. Оп. 1. Д. 126. Л. 114.
18. Дьяченко А.Е. Лесные полосы в зоне полупустыни: Опыт Богдин. агролесомелиоративного пункта [Астрах. полупустыни] / Всесоюз. науч.-исслед. ин-т агролесомелиорации. – М.: Сельхозгиз, 1949. – 88 с.
19. Команджаев А.Н., Манджиев О.С. Опустынивание Калмыцких степей в конце XIX – начале XX вв. // Вестник Калмыцкого университета. 2013. №1(17). С. 64–72.
20. Лиджиева И.В. Хозяйство и природопользование в деятельности органов местного самоуправления Калмыцкой степи в XIX – начале XX в. // Вестник Томского государственного университета. История. 2017. № 46. С. 22–27.
21. Постановление Совета Труда и Оборона № 250. О борьбе с засухой // Собрание узаконений и распоряжений. Правительства за 1921 г. – М., 1944. – С. 489–491.
22. Якубов Т.Ф. Опыт облесения и закрепления песков Северного Прикаспия [Текст] / Акад. наук СССР. Почв.ин-т им. В. В. Докучаева.– М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1951. – 100 с.

М.М. Батмаев

Калмыцкий научный центр РАН

РАЗВИТИЕ КАЛМЫЦКОГО РЫБОЛОВСТВА В XVIII в. И ЕГО РЕГУЛИРОВАНИЕ РОССИЙСКОЙ АДМИНИСТРАЦИЕЙ

Исследование проведено в рамках государственной субсидии – проект «Юго-восточный пояс России: исследование политической и культурной истории социальных общностей и групп» (номер госрегистрации: 122022700134-6).

Калмыки, пришедшие в Россию в XVII в., как и некоторые другие кочевые народы, занимались в некоторой степени рыболовством, которое являлось подспорным занятием, доставляя дополнительные компоненты питания. В статье рассматриваются вопросы развития рыболовства у калмыков в XVIII в. и взаимодействия с русской администрацией по вопросам регулирования важных вопросов, связанных с рыбной ловлей. Рыболовство в основном являлось дополнительным занятием. Но в неблагоприятные периоды кочевой жизни, например, в периоды джуртов, огромного падежа скота, оно становилось основным поставщиком средств пропитания. Таким образом, занятия рыболовством в определенной степени вносили изменения в хозяйственно-бытовую реальность калмыцкой жизни. Кроме того, важным являлось и другое значение расширения калмыцкого рыболовства. Оно подспудно способствовало, пусть очень медленно, изменению калмыцкой повседневности. Речь идет о той части калмыцкого народа, которая занималась рыболовством и переходила в связи с этим к оседлости. Изменялся менталитет, появлялись новые привычки, в первую очередь в бытовой сфере. Вместе с тем, и это было очень важным процессом, шло постепенное расширение контактов с соседним русским населением, то есть происходила взаимная аккультурация.

Ключевые слова: *калмыцкое рыболовство, правила рыболовства, политика правительства местной администрации, значение рыболовства для калмыков.*

М.М. Batmaev

Kalmyk Scientific Center of the RAS

THE DEVELOPMENT OF KALMYK FISHING IN THE XVIII CENTURY AND ITS REGULATION BY THE RUSSIAN ADMINISTRATION

The reported study was funded by government subsidy, project no.122022700134-6 'The Southeastern Belt of Russia: Exploring Political and Cultural History of Social Communities and Groups'.

The Kalmyks came to the territory of Russia in the XVII century. Like other nomadic peoples they were engaged in some extent in fishing. It was not their main activity but provided additional food for the population. The article deals with the issues of the development of fishing in the XVIIIth century by the Kalmyks and interactions with the Russian authorities concerning regulation of fish catching in the region. Fishing led part of the Kalmyk population to transfer their lifestyle. It helped the Kalmyks to widen their contacts with the Russian population and provided the way to mutual acculturation.

Key words: *Kalmyk fishing, rules of fishing, the policy of local administration, the meaning of fishing for the Kalmyks.*

Введение

В историографии калмыцкого народа есть темы, которые еще недостаточно изучены. Одна из них – развитие новых хозяйственных занятий в конце XVII–XVIII вв. Прежде всего это земледелие и рыболовство. Изучение и освещение их развития важны сами

по себе, поскольку освещают одну из значимых сторон исторической жизни калмыцкого народа. Кроме того, необходимо подчеркнуть, что надо изучать и освещать не только процесс появления данных видов хозяйственной деятельности в практике калмыков. Не менее, а может быть более, важно изучение влияния новых видов хозяйственной деятельности на дальнейшее сближение калмыков с соседним российским населением, в первую очередь с русским.

У калмыков в XVIII в. происходил процесс аккультурации отдельных элементов повседневной жизни русского населения. Кочевой уклад имел застойный характер. На его фундаменте построить новое было почти безнадежным делом. Значит, надо было перенимать новшества через соседнее население, преимущественно через русских. Перенимание это шло в первую очередь в тех сферах, которые были необходимы для поддержания повседневного существования. Рыболовство было для калмыков, без всякого сомнения, первым наиболее доступным путем аккультурации, которая была объективно необходима. Новая для степняков хозяйственная деятельность утверждалась не без неприязни со стороны соседнего русского населения, но, несмотря ни на что, она продолжала развиваться. Задача исследователя – проследить это развитие и объяснить его объективную предопределенность.

Материалы и методы

Калмыки нового времени (XVII–XVIII вв.), будучи сравнительно немногочисленным народом, тем не менее, оставили заметный след в истории России указанного периода, да и вообще юго-восточной Европы и юга Западной Сибири. В связи с их деятельностью в архивах Москвы отложились документы и материалы, раскрывающие их историческое прошлое. Наиболее насыщенным является фонд 119 «Калмыцкие дела» Российского государственного архива древних актов (РГАДА). Содержание большинства источников, хранящихся в названном фонде, освещает политические события и только sporadически и кратко фиксирует сведения экономического и хозяйственного характера. Подобное же положение фиксируется в фонде 119 «Калмыцкие дела» Архива внешней политики Российской империи. Такое положение становится понятным, если помнить, что в названных архивах и фондах отложились документы и материалы центральных столичных учреждений.

Этот частный недостаток, если так можно выразиться, некоторых фондов столичных архивов в нашем случае компенсируется документальным содержанием местного Национального архива Республики Калмыкии. Здесь надо назвать в первую очередь два фонда: фонд И–36 «Состоящий при калмыцких делах при астраханском губернаторе» и фонд 35 «Калмыцкая экспедиция при Астраханской губернской канцелярии». В фонде 36 отложилась документация с 1713 по 1771 гг., то есть с начала деятельности официального правительственного представителя из военных при калмыцких ханах и наместниках ханства – главной его обязанностью был контроль за действиями главы ханства и наиболее авторитетных и своевольных нойонов и недопущение с их стороны действий и решений, неудобных российскому правительству.

Так как официальный представитель был «состоящий при калмыцких делах», то ему уже в скором времени пришлось начать решать множество дел, далеко не относящихся к его главной задаче. Вот почему в фонде И–36 исследователь может найти документы и материалы, касающиеся различных сторон хозяйственной деятельности калмыков и их регулирования российским правительством. Наконец, по теме данной статьи в фонде имеется достаточно емкий материал о состоянии калмыцкого рыболовства в XVIII в., и он показывает объективную необходимость перехода к нему определенной части калмыцкого населения.

Калмыцкая экспедиция при Астраханской губернской канцелярии была открыта в январе 1771 г., после ухода большей части калмыков во главе с наместником Убаши в пределы Центральной Азии, и работала до июня 1797 г. 29 июня 1797 г. вместо нее было открыто Калмыцкое правление. Делопроизводственная документация, оставшаяся после деятельности Калмыцкой экспедиции, находится в фонде 35 Национального архива Республики Калмыкия. Структура и содержание материалов фонда такие же, как и фонда 36. Единственное, но существенное отличие состоит в том, что в материалах 35-го фонда меньше сведений хозяйственно-бытового содержания. Однако они являются полезным подспорьем для исследователя в деле создания более отчетливой картины хозяйственно-бытовой жизни калмыков в XVIII в.

Для создания по возможности более реальной и приближенной к исторической действительности картины в работе использован исторический подход к исследованию. Как известно, в его основе лежит изучение реальной истории в ее конкретном многообразии, возможно более полное выявление исторических фактов и такое мыслительное воссоздание исторического процесса, при котором раскрывается логика, закономерность его развития.

Обсуждение

В 1846 г. Ф. А. Бюлер, не указывая источника, заявлял, что на рыбные промыслы ныне нанимаются на работы до 9 000 калмыков, а за сто лет до этого до 13 000 [4, с. 97]. Однако первым обратил серьезное внимание на историю калмыцкого рыболовства в XVIII в. главный пристав калмыцкого народа в 60–70-х гг. XIX в. полковник, а затем генерал-майор К. И. Костенков. По его мнению, «не довольствуясь кочевьями по волжскому побережью, калмыки начали заниматься рыбным промыслом и производили таковой как в казенных, так и откупных водах, нарушая тем порядок и причиняя убытки казенному лову и арендаторам. Вследствие того указом Правительствующаго Сената 1-го сентября 1737 г. предписано было отвести калмыкам из оброчных вод для рыболовства удобное место, которое для того их удовольствия из оброка выключить» [7, с. 72–73].

К.И.Костенков писал, что до конца XVIII в. калмыки неохотно занимались рыболовством, и только огромный падеж скота в зиму 1798 г. заставил их всерьез этим заняться. Распоряжения же правительства относительно найма калмыков в работу по рыболовству начались, на его взгляд, только в начале XIX в. [6, с. 141]. К чести главного пристава калмыцкого народа надо сказать, что он нашел необходимым отметить: «Рыбопромышленники и все, кто только имел возможность, закрепощали калмыков за недолов рыбы и другие долги. Словом купля, продажа и закрепощение производились в обширных размерах» [7, с. 43].

М. Г. Новолетов в работе, вышедшей вскоре после публикации К.И.Костенкова, заметил, что якобы в 1752 г. хан Дондук-Даши распорядился, желая досадить российскому правительству, всех бывших на тот момент в работах по найму калмыков загнать в улусы. «Этою мерою он значительно подорвал рыбные промыслы, приостановил работы в самое нужное время» [10, с. 32]. После М. Г. Новолетова упоминания о калмыцком рыболовстве на долгое время исчезают из работ (к тому же довольно редких) по истории калмыцкого народа. Только в 1967 г. в первой обобщающей работе по истории калмыков было кратко отмечено: «Рыболовство, которое в XVII в. носило характер более или менее случайного, подсобного занятия, в XVIII в. получило некоторое развитие. Особый интерес к этому промыслу проявлялся калмыцкой беднотой» [11, с. 165].

У. Э. Эрдниев отмечал, что в XVIII веке «разорившиеся калмыки находили средства к существованию в занятии рыбной ловлей, а правительство России объявило наиболее выгодные районы Волги и Ахтубы сферой эксплуатации казны, чем лишило калмыков доступа к рыболовным местам. Между тем, количество нуждавшихся в рыбной ловле значительно увеличилось». В подтверждение своего вывода У. Эрдниев привел пример, что в 40-х гг. XVIII в. бескотных калмыков насчитывалось уже десятки тысяч [14, с. 41]. Рыболовству калмыков в XVII–XVIII вв. посвящены небольшие части в монографиях, вышедших в более поздний период [3, с. 295–303; 5, с. 105–110], а также работы И. С. Панченко (Крепской) [12; 13; 8] и А. К. Манджиева [9].

Развитие рыболовства

Со времени начала поселения калмыков на Яике и Волге занятие их рыболовством неуклонно расширялось, начиная постепенно задевать интересы соседнего русского населения, владельцев различных рыбных промыслов: ватаг, учугов и т. п. Так, атаман яицких казаков Ф. Семенников сообщал в центр, имея в виду калмыков: «... а всякую от них налогу и тесноту и великое разорение и донныне терпим, и рекою всею завладели и рыбою обловили» [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1701. Д. 6. Л. 1]. Подобные же жалобы поступали и от русского населения Нижнего Поволжья. Однако, как видно из рапортов В. П. Беклемишева, руководившего на месте калмыцкими делами, рыбные ловли калмыков были «невеликие сетями, бреднями и волокушами, да и то мелкую рыбу» [НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 28. Л. 13 об.]. Противниками калмыцкого рыболовства были владельцы откупных вод из купечества. Руководивший Калмыцкими делами из Харькова генерал-фельдмаршал М. М. Голицын приказал астраханскому губернатору И. А. Менгдену запретить откупщикам препятствовать калмыцкой ловле [НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 28. Л. 13 об.].

Более того, хан Дондук-Омбо писал царицынскому коменданту П. Ф. Кольцову 5 сентября 1739 г.: «Скудным и убогим людям нашим от Астрахани вверх даже до Царицына по Волге, Ахтубе и по прочим рекам рыбу ловить и в лодках с неводами ездить запрещают. Также и близ рек по берегам сидящих кибитками людей наших русские люди много побили». На представление хана по этому поводу ответа не последовало [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 115. Л. 22]. Как известно, бичом калмыцкого кочевого скотоводства были частые суровые зимы. Тот же хан Дондук-Омбо писал руководителю калмыцких дел Л. В. Боборыкину в апреле 1740 г., что в прошедшую зиму кочевал по реке Куме, бураны и снега были великие и потому много пало скота, и пропитание теперь калмыки могут иметь лишь рыболовством. Хан просил не запрещать ловить рыбу [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 121. Л. 112].

В это же время обострились отношения яицких казаков с калмыками, кочующими по Яику, из-за рыбной ловли. Казаки неоднократно просили перевести калмыков на какое-либо иное место. Однако правительство не хотело этого делать, объясняя несколькими причинами: 1) уменьшится продажа рыбы в казну; 2) перемещать некуда, ибо и на Волге из-за скудости хозяйства ловлей рыбы стали заниматься много калмыков; 3) из-за переселения люди могут сильно озлобиться, так как и ранее в Яике калмыки, хотя и не так интенсивно, рыбу ловили и люди размещались; 4) перемещать калмыков из этих мест также нельзя было потому, что «казенные работы, не имея иных кроме их работников, вовсе остановиться могут» [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 210. Л. 142–147].

Атмосфера вокруг калмыцкого рыболовства постепенно сгущалась. Рядовое население страдало временами как от произвола своих нойонов, так и от действий российской администрации. Так, в 1729 г., во время междоусобных столкновений,

один из активных участников их «...Дондук-Омбо скудных своих людей, которые кормились подле Волги рыбою лет по десяти и больши, забрал всех с собою» [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 34. Л. 306].

В январе 1742 г. тогда еще наместник ханства Дондук-Даши доводил до сведения астраханского губернатора В. Н. Татищева, что калмыки буквально обнищали и без допущения их к свободной рыбной ловле поправить свои дела не смогут, а без обзаведения скотом они к службе будут негодны. Губернатор ответил, что здешние купцы, «как довольно сведомые о состоянии калмык, представляют, что калмык ловлею рыбы нынешним порядком, не поправить и скота не завести, потому что при ватагах калмыки хотя в год столько вырабатывают, чтоб всякий лошадь купить мог, только не купят потому, что владельцы, зайсанги и посланцы их грабят немилостиво, а деньги, придя, манжники выманивают» [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 140. Л. 35].

Губернатор предлагал: на ватагах может найти работу 1,5–2 тысячи калмыков, и каждый может заработать столько, что за два года может обзавестись лошадью и необходимой скотиной. Для достижения этого он советовал определить на все ватаги строгих надзирателей и велеть им, принимая от промышленников заработанные калмыками деньги, каждому работнику давать на руки только самое необходимое, а остальные, накопив, затратить на покушку скотины. Кроме того, надо строго следить, чтобы работодатели и их служители не занимались грабежами и обманами доверчивых работников. Наместник со всеми предложениями согласился, но жизнь вносила свои поправки, которые были не в пользу работных масс [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 140. Л. 36].

В 1744 г. без указания причины из Астрахани в Гурьев было сообщено: кочующим близ Гурьева калмыкам красную рыбу (белуг, осетров, стерлядей) приезжающим купцам не продавать, а продавать только в Гурьеве в казну. Купцам же у калмыков покупать только ту рыбу, которая поймана разрешенными снастями, то есть только разную рыбу, а не осетровую. Естественно, Дондук-Даши остался недоволен таким решением. Он писал просьбы, чтобы разрешили вольную торговлю, так как только в этом случае его подвластные могут быстрее накопить деньги [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 176. Л. 373–374].

1 ноября 1745 г. Дондук-Даши писал руководителю Калмыцких дел Н. Г. Спицыну: «Известно мне, что с имеющихся при Волге владения моего скудных калмык с каждой лодки берут половных денег по три рубли, о чем я и в прошлом году писал. Однако по худым Татищева замыслам оное и поныне брать не запрещено». Наместник просил запретить подобную практику, ссылаясь на указ о по вольной ловле рыбы [НА РК. Ф. 36. Д. 193. Л. 120].

Надо сказать, что и сами калмыцкие руководители временами нарушали условия договоров о рыбной ловле. Так, в 1745 г. по решению Конторы калмыцких дел и по письму наместника подряжены были владения его разных улусов зайсанги (составители договоров) для рыбного лова в казну, за которых поручился зайсанг Бордон. Под улов рыбы выданы были тем зайсангам немалые суммы денег в задаток, в получении которых расписался тот же Бордон. Однако по тем подрядам многие подрядившиеся не явились. Контора рыбных дел просила Контору калмыцких дел прислать Бордона для расчета в задаточных деньгах [НА РК. Ф. 36. Д. 185. Л. 119].

Взаимные нарушения договоров продолжались. В январе 1748 г. наместник доводил до сведения губернатора И. А. Брылкина, что в 1746 г. астраханский посадский человек И. Ф. Арчаков нанял живущих в округности Астрахани калмыков в рыболовную работу и договорился расплатиться с ними 15 мая 1747 г., в подтверждение чего

вместо векселя дал как бы справку за своей рукой (в оригинале этот документ назван «реэстр»), а поручился за него калмык Шарта. Деньги до января 1748 г. оказались не заплаченными [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 219. Л. 170].

Регулирование калмыцкого рыболовства

Местная российская администрация, кроме обращений за помощью к центральным учреждениям, пыталась на месте своими силами регулировать проблемы, связанные с калмыцким рыболовством. 15 января 1742 г. В. Н. Татищев объявил наместнику, что он с полковником В. Беклемишевым, с привлечением представителя астраханской администрации Ф. И. Кнутова, определили по просьбе самого наместника ловить его подвластным по Волге, озерам и протокам рыбу без запрещения. Только местные купцы просят, чтобы в два месяца, а именно в октябре и ноябре, калмыки в Волге от Песчаного до учугов не ловили, а ловили бы в те месяцы в малых протоках и озерах. Наместник с этой просьбой купцов согласился [НА РК. Ф. 36. Д. 140. Л. 35–36].

Еще одним камнем преткновения в вопросе о калмыцком рыболовстве являлся вопрос о размерах лодок. Правительство, пытаясь удовлетворительно решить эту проблему, поручило решить вопрос Коллегии иностранных дел. Последняя отправила И. А. Брылкину указ от 17 марта 1748 г., в котором говорилось, что наместник Калмыцкого ханства просил губернатора И. А. Брылкина и руководителя Калмыцких дел Н. Г. Спицына установить размер, какой величины лодки должны быть в пользовании калмыков. К тому же он жаловался, что разъездные по Волге казаки, следящие за порядком в рыбной ловле, колот и разрушают без всякого разбора имеющиеся у калмыков лодки длиной в 2,5 и 3 сажени. А между тем те калмыки берут лодки в долг у русских рыбаков, которые с них за те лодки взыскивают излишние, сверх действительной цены, деньги, что ведет к разорению ответчиков [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 231. Л. 94].

Поэтому Н. Г. Спицыным с представителями наместника была послана по ватагам мера лодкам: по борту «без четверти трехсаженная», а сверх этой меры лодки калмыкам ни на какие потребности не давать и не продавать [НА РК. Ф. 36. Д. 231. Л. 94]. Если лодки будут больше положенного размера, то их впредь не раскалывать, а приводить в ближние города и конфисковывать в пользу казны. Однако, не доведя дела до конца, Н. Г. Спицын, по приказу И. А. Брылкина, воздержался от назначения лодкам определенной меры [НА РК. Ф. 36. Д. 231. Л. 95].

Указом от 17 марта 1748 г. повелевалось: 1) по совету с наместником поставить небольшую меру лодкам, в которых бедные калмыки будут ловить рыбу для питания и переезжать с кибитками при перекочевках. Мера должна быть такая, чтоб их на 4 и на 6 вёсел нельзя было расшивать и невозможно было бы использовать для перемещения большого количества человек (чтобы нельзя было «многочислом на грабежи» ездить); 2) после этого если у кого-то из калмыков появятся лодки большего размера, то их отбирать и конфисковывать на казенные нужды; 3) публиковать по городам Астраханской губернии и по ватагам о жестоком наказании за ослушание [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 231. Л. 96].

Еще ранее предлагался другой способ решения проблемы калмыцкого рыболовства. В марте 1741 г. грамотой к хану Дондук-Омбо запрещалось калмыкам кочевать у казенных проток и морских горловин (а это были самые уловистые места) и ловить там рыбу. Можно было ловить лишь в свободных водах. Что же касается отвода калмыкам особых мест для ловли, как считала Камер-коллегия, то в указе Коллегии иностранных дел к астраханскому губернатору М. М. Голицыну говорилось, что этого делать нельзя, так как калмыки кочуют от устья Волги до Самары «и буде во всех местах для них особливые воды отводить, то российским рыбакам [выходит, что калмыки не российские рыбаки. – М.Б.] в ловлении рыбы будет большее утеснение, разве для

таких, которые всегда при Астрахани... кочуют, по усмотрению вашему особливые воды назначить, да и те от времени до времени другими переменять, дабы чрез долгое время не пришло им во обычай тех одних вод своими называть, и в том по их легкомыслию докучные запросы чинить» [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 107. Л. 18–19]. Правда, тут же М. М. Голицыну «накрепко подтверждается», чтоб в свободных водах калмыки всегда «а паче при нынешней их скудости» рыбу ловили и от русских людей без причины «возбраняемы не были» [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 107. Л. 20].

23 декабря 1746 г. И. А. Брылкин, полковник и астраханский комендант Ф. И. Кнутов, «рыбной конторы присутствующие подполковник Кишенской, майор Смольянинов, астраханского магистрата президент Кобяков, бургомистры Лошкарев и Чарин, ратманы Телепнев и Чепраков и все рыбные промышленники» [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 210. Л. 161] слушали составленное В. Н. Татищевым в 1742 г. определение о калмыцком рыболовстве по Волге и при Яике и Гурьеве. Затем, после довольно бурного обсуждения, каким бы лучше способом калмыцкому бедному народу и наместнику ханства достигнуть успехов в рыболовстве и поправить тем свое имущественное положение и чтобы при этом не задеть интересы казенных и частных рыбных промыслов, приняли ряд решений [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 210. Л. 161].

Во-первых, калмыкам в летнее время с 1 мая по 1 октября и зимой до вскрытия воды рыбу ловить, как и раньше, по всей Волге, в протоках и озерах от Саратова до урочища Круглого улочками и сомовьими сетями и неводами, длина которых не превышала бы 100 сажень. Однако было внесено одно важное уточнение, которое намного снижало успешность и значимость ловли. Разрешалось ловить по берегам, а на стрежне, то есть на середине реки, где идет красная рыба, запрещалось [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 210. Л. 162].

Во-вторых, в октябре и ноябре, до покрытия Волги льдом, когда бывает главный ход рыбы, калмыкам в самой Волге и в больших протоках рыбу вообще не ловить, а ловить в малых протоках, заливах и озерах. Далее от вскрытия Волги до 1 мая хотя им и ловить по всей реке, но только малыми снастями и лишь выше Круглого (острова) и по берегам. При учугах казенных и тех протоках, которыми рыба идет из моря, и против них в море не ловить и по ним (протокам) не кочевать и лесу не рубить под жестоким наказанием.

В-третьих, чтоб зимою калмыки в тех местах, где «промышленничей невод ходит и снасти стоят», ...«тоже бы не ловили» [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 210. Л. 163].

В-четвертых, в целом запрещалось калмыкам свободная торговля пойманной рыбой [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 210. Л. 163–164].

В-пятых, бедных, которых уже нельзя будет разместить по ватагам, размещать в Мочагах. Остальные решения касались правил рыболовства на определенных территориях [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 210. Л. 165–166]. После данных правил особых изменений в них не вводилось. Новый этап регулирования калмыцкого рыболовства относится в целом уже к XIX веку.

Заключение

Восемнадцатый век занимает в истории калмыцкого народа очень важное место. Фактически в XVII в. закончился процесс вхождения калмыков в состав России. Имеется в виду не процесс дачи шертей, не тех или иных политических событий. Имеется в виду породнение калмыцкого народа с новой землей, появление чувства сродства народа с новой обстановкой. Как бы это ни казалось надуманным, процессу аккультурации калмыков способствовало и рыболовство. В процессе занятия им, в процессе работы на промыслах, рыбных ватагах и учугах, калмыки не просто ловили

рыбу и зарабатывали на жизнь. Они не просто перенимали тонкости рыбной ловли, они вырабатывали навыки сожительства с русским (и другими) народом. Говоря коротко – шел процесс аккультурации.

Источники

1. НА РК – Национальный архив Республики Калмыкии. Фонд 36. «Состоящий при калмыцких делах при астраханском губернаторе». Описание 1.
2. РГАДА – Российский государственный архив древних актов. Фонд 119 «Калмыцкие дела». Описание 1.

Литература

3. Батмаев М. М. Социально-политический строй и хозяйство калмыков в XVII–XVIII вв.– Элиста: АПП «Джангар», 2002.– 400 с.
4. Бюлер Ф. А. Кочующие и оседло-живущие в Астраханской губернии инородцы. Их история и настоящий быт // Отечественные записки. 1846. Т. 47. № 8.– С. 59–125.
5. Калмыки / отв. ред. Э. П. Бакаева, Н. Л. Жуковская.– М.: Наука, 2010.– 568 с.
6. Костенков К. И. Статистическо-хозяйственное описание Калмыцкой степи Астраханской губернии.– СПб.: Тип. В. Безобразова и К., 1868.– 175 с.
7. Костенков К. И. Исторические и статистические сведения о калмыках, кочующих в Астраханской губернии.– СПб.: М-во гос. имуществ, 1870.– 171 с.
8. Крепская И. С. Калмыки в экономической политике России (1700–1771 гг.): дис. ... канд. ист. наук.– Астрахань, 2008.– 168 с.
9. Манджиев А. К. К вопросу о развитии рыболовства у калмыков в дореволюционный период // Монголоведение. 2020. Т. 12. № 2.– С. 232–243
10. Новолетов М. Калмыки: исторический очерк. – СПб.: Тип. В. Демакова, 1884. – 77 с.
11. Очерки истории Калмыцкой АССР. Дооктябрьский период.– М.: Наука, 1967.– 479 с.
12. Панченко И. С. Политика России и экономическое развитие Калмыкии в первой половине XVIII в. // Известия Алтайского государственного университета. Серия история, политология. 2007. №4/3.– С. 253–257.
13. Панченко И. С. Развитие калмыцкого рыболовства в 40-е гг. XVIII в. // Восточные исследования в Калмыкии: Сб. науч. трудов. Вып.1.– Элиста: Изд-во КГУ, 2006.– С. 35–40.
14. Эрдниев У. Э. Калмыки. Историко-этнографические очерки.– Элиста: Калм. кн. изд-во, 1985.– 282 с.

В.В. Батыров

Калмыцкий государственный университет им. Б.Б.Городовикова

АДАПТАЦИЯ КАЛМЫЦКОГО ОВЦЕВОДСТВА К АДМИНИСТРАТИВНЫМ И ПРИРОДНО-КЛИМАТИЧЕСКИМ ФАКТОРАМ В XIX В.

*Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научно-исследовательского проекта № 22-18-00313, <https://rscf.ru/project/22-18-00313/>.
«Трансформация кочевых обществ Юга России в контексте природно-климатических факторов (XIX–XX) вв.»*

В статье рассматриваются вопросы развития овцеводства в Калмыкии в XIX в. в условиях упадка традиционных отраслей животноводства. Постепенное увеличение роли овцеводства в калмыцком хозяйстве было напрямую связано с административными и природно-климатическими факторами. После реформы 1892 г. скотоводческие хозяйства калмыков стали все больше отходить от натурального производства и ориентироваться на рынок, однако только немногочисленные крупные скотоводческие хозяйства могли успешно функционировать в условиях нехватки территории. В целом к концу XIX в. сложилась ситуация, когда основным видом скота в калмыцком хозяйстве стало повсеместное преобладание овец в мелких хозяйствах, коневодство и тонкорунное овцеводство в крупных многоотраслевых хозяйствах.

Ключевые слова: *история Калмыкии, овцеводство, традиционное хозяйство, адаптация, трансформация кочевых обществ.*

V.V. Batyrov

Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov

ADAPTATION OF KALMYK SHEEP BREEDING TO ADMINISTRATIVE AND CLIMATIC FACTORS IN THE XIX CENTURY

The research is supported by Russian scientific grant within the framework of scientific research project № 22-18-00313

The article deals with the development of sheep breeding in Kalmykia in the XIXth century in the context of the decline of traditional livestock industries. The gradual increase in the role of sheep breeding in the Kalmyk economy was directly related to administrative and climatic factors. After the reform of 1892, the cattle farms of the Kalmyks began to increasingly move away from natural production and focus on the market, but only a few large cattle farms could successfully function in conditions of limited territory. In general, by the end of the XIX century the Kalmyk economy was characterized by the widespread predominance of sheep in small farms, and horse breeding and fine-wool sheep breeding in large diversified farms.

Key words: *history of Kalmykia, sheep breeding, traditional farming, adaptation, transformation of nomadic societies.*

Рассматривая кочевой тип животноводческого хозяйствования у калмыков, всегда следует отмечать высокую степень адаптации кочевых скотоводов. Резко континентальный климат Северного Прикаспия, с его мощными ветрами и отсутствием достаточного количества естественных водоемов, сильно усложнял содержание скота, который весь год находился под открытым небом. В этих условиях любые неблагоприятные явления природы неизменно приводили к падежу скота. Все это объективно

привело к тому, что калмыцкие скотоводы на протяжении столетий путем естественного отбора и селекции создали местные породы скота, максимально приспособленные к суровым природно-климатическим условиям на аридной территории. В результате жесткого естественного отбора калмыцкий скот был адаптирован к неблагоприятным природно-климатическим условиям. Все животные в калмыцком хозяйстве без ущерба для здоровья относительно легко могли переносить продолжительные морозы, холодные ветры, жару и пр.

Важнейшими качествами овец для кочевого хозяйства калмыков являлись их отличные адаптивные способности, а также их способность к использованию в пищу самых разных растений: «из 800 видов растений, произрастающих на степных, пустынных и полупустынных пастбищах, овцы едят более 400, тогда как крупный рогатый скот – 150, а лошади – 90» [11, с. 61]. Благодаря своему строению зубов овцы могут поедать низкорослую, изреженную растительность, и даже на самых скудных пастбищах они всегда найдут себе пищу. Курдючные овцы также могут тратить жир, отложенный в теле (на хвосте, в курдюке), что помогает им лучше переносить бескормицу, когда на пастбищах выпадает очень много снега и т. д. Мясо овец отличается высокими питательными качествами, что делает баранину равноценной говядине и свинине. Последней и наиболее важной особенностью овец является их скороспелость, благодаря чему уже в первый год жизни от овцы можно получить мясо высокого качества.

Различные административные и социально-экономические мероприятия российского правительства на протяжении всего XIX в. вели к тому, что кочевое хозяйство в его традиционном понимании становилось невозможным. Одним из следствий изменений в традиционном хозяйствовании стало постепенное изменение структуры скота в калмыцких хозяйствах. Характерной чертой происходящих процессов в калмыцком обществе стали развитие или упадок тех или иных отраслей животноводства в разные периоды, а также развитие хозяйственной специфики между ранее едиными в хозяйственном отношении улусами.

В начале XIX в. все улусы, независимо от территории кочевания и субэтнической принадлежности населения, имели примерно одинаковый состав скота, приспособленный для дальних переходов, который был связан сезонными кочевками с целью занятия оптимальных пастбищ в тот или иной период времени года. Главный пристав калмыцкого народа С. Л. Халчинский в 1808 г. отмечал, что «образ жизни их самой простой и безпечной, главной промысел имеют в скотоводстве, конных табунах, овечьем стаде и рогатом скоте, которому по обряду вероисповедания их счету никогда не имеется, продают оной хорошими ценами приезжающим по весне в орды» [1, л. 83]. Этим калмыки решали вопросы своевременного обеспечения скота кормом, водой, укрытием от снега или беспокоящих насекомых. Как писали представители российской администрации, «для степняков, использующих большое скотоводство, кочевка или перегон скота для пастбы представляется необходимым условием, потому что при недостатке в степи сенокосов калмыки не имеют возможности заготовлять необходимого количества сена на зиму для своих стад и вследствие этого держат их большую часть года на подножном корму» [5, л. 20].

Определение численности овец в калмыцком хозяйстве в первой половине XIX в. не представляется возможным ввиду того, что все приведенные в отчетах сведения являются весьма условными цифрами из-за открытого нежелания калмыцких владельцев и их подвластных указывать точные данные о численности своего скота.

В 1816 г. Главный пристав калмыцкого народа Я. К. Ваценко признавал неточность подаваемых сведений о количестве калмыцкого скота, но предполагал, что калмыцкие скотоводы имеют примерно 2 млн голов «разного скота» [2, л. 12]. Мы можем также условно показать долю овец в калмыцком хозяйстве на примере Малодербетовского улуса, как наиболее многочисленного по населению. Так, 25 января 1837 г. «исправляющий должность» Малодербетовского попечителя Зубрицкий в своем рапорте на имя Главного попечителя калмыцкого народа А. М. Фадеева сообщал, что на 3 619 калмыцких семей, проживающих в улусе, приходилось <...> 33 200 овец [3, л. 36].

Надо отметить, что овцы наименее приспособлены к кочевкам на большие расстояния. Поэтому наиболее пострадавшие от утери кочевых территорий на левом берегу р. Волги торгутские улусы с начала XIX в. начали постепенно увеличивать долю мелкого рогатого скота в общей структуре хозяйства за счет уменьшения поголовья лошадей и крупного рогатого скота. Хозяйство дербетских и торгутских улусов стало различаться преобладанием лошадей у одних и овец у других. Весной 1822 г. произошел конфликт из-за кочевых территорий по р. Сухате между улусами торгутовского владельца Церен-Убуши и дербетовского владельца Эрдени-тайши Тундутова, в котором первый был вынужден уступить по той причине, что население его улуса в основном выращивало овец и их хозяева уступили территорию большим конским табунам Дербетовского улуса [6, л. 1, 9].

Со второй половины XIX в. рост крестьянской переселенческой деревни привел к сокращению пастбищных территорий. А сами кочевые пастбища стали страдать от перевыпаса скота, когда влияние скота стало вести к угнетению растительности. В калмыцких улусах постоянной проблемой становится деградация пастбищ (прежде всего, по причине перевыпаса). В условиях Калмыкии это привело к массовому переходу калмыцких хозяйств на полукочевой образ жизни и введению в обиход сенокосения. В середине XIX в. российские чиновники уже отмечали, что «на зиму калмыки запасают малое количество сена и строят иногда <...> сараи из дерна для крупного рогатого скота и овец» [10, с. 73].

С переходом населения к новому образу жизни ведущую роль в хозяйствах начинают играть овцы и крупный рогатый скот, вытесняя лошадей и верблюдов как наименее рентабельных при содержании в полукочевом хозяйстве. Это также заметно по наименьшим трудозатратам на содержание скота: «По издавна существующему обычаю у калмыков рогатый скот и овцы пасутся без пастухов и только табуны имеют табунщиков» [4, л. 23].

Следует отметить, что во второй половине XIX в. развитие рыночных отношений в Калмыкии вкупе с переходом на полукочевой образ жизни вызвали радикальные изменения в традиционной структуре хозяйства калмыков. В крупных хозяйствах, ориентированных на российский рынок, стали появляться новые породы скота, слабо или вообще не приспособленные к условиям кочевого быта. С этого времени калмыцкие хозяйства стали разделяться на малые хозяйства с традиционными породами скота, приспособленными к кочевкам, и крупные товарные хозяйства с животными стойлового содержания. Так, в калмыцких улусах стали появляться овцы породы меринос. Однако на пути распространения новых пород скота стали природные условия аридной степи, которые не позволяли даже крупным хозяйствам полностью отказаться от традиционных пород скота, вследствие ограниченных возможностей по заготовке кормов.

Разведение овец тонкорунных пород развивалось только в крупных хозяйствах, принадлежащих калмыцкой аристократии. Такое овцеводство было не связано с кочевым образом жизни, потому что в этих хозяйствах выращивали в основном овец

не традиционных мясных пород, а по большей части породы меринос. Тонкорунные овцы были мало приспособлены к суровым условиям кочевого образа жизни, но отличались высоким качеством шерсти. История разведения тонкорунных овец породы меринос в Калмыкии берет свое начало с деятельности хошеутовских нойонов Тюменей, когда в 1818 г. хошутский нойон Серебджаб Тюмень получил в подарок от князя Юсупова 24 головы овец «шлэнской» породы. В 1846 г. И. Шениан сообщал, что в хозяйстве хошутского нойона У. Тюменя «было 258 мериносовых и 1 872 шленские овцы» [15, с. 120]. Понятно, что обычные калмыки не могли содержать таких овец, которые нуждались в дополнительном уходе, более качественных кормах и были менее приспособленными к содержанию под открытым небом. Поэтому такое овцеводство оставалось сравнительно малочисленным и было сконцентрировано в хозяйствах калмыцкой аристократии. Овцы мясной породы остались в частных хозяйствах простых калмыков во всех калмыцких улусах, но их доля была выше в приволжских улусах, а также по мочагам Каспийского моря.

В конце XIX в. структура хозяйства калмыков вновь подверглась изменению после проведения реформы 16 марта 1892 г., которая привела к отмене обязательных отношений в Калмыкии и вызвала рост числа хозяйств, которые все более ориентировались на рынок. Также представители калмыцкой аристократии, обладавшие значительными количествами скота и получившие большие суммы выкупных платежей, стали укрупнять свои хозяйства, превращая их в многоотраслевые производства, как более гибкие и экономически устойчивые в условиях нестабильного рынка сбыта скотоводческой продукции в условиях нехватки территории.

Во многом успешное развитие таких хозяйств было обусловлено тем фактом, что их владельцами были обычно представители калмыцкой аристократии, которые, пользуясь своим авторитетом и внеэкономическими методами принуждения, занимали наиболее удобные для ведения скотоводства территории за счет простых калмыцких скотоводов. Это, с одной стороны, вело к быстрому росту таких крупных хозяйств, а с другой – к массовому разорению калмыков-простолюдинов, вынужденных покидать калмыцкие улусы, нанимаясь на рыбную ловлю, домашние работы, извоз, солеломни и пр. Фактически после отмены обязательных отношений калмыцкие скотоводы столкнулись не только с проблемой сокращения территорий под давлением крестьянской переселенческой деревни, но и с захватом территории со стороны своей собственной аристократии, которая в условиях отмены обязательных отношений искала новые пути для обеспечения своего образа жизни, соответствующего их сословию. Ориентация на рынок таких хозяйств привела к тому, что в этих хозяйствах получила развитие такая отрасль, как овцеводство.

Сложившаяся тяжелая экономическая ситуация, связанная с кризисом кочевого хозяйства, выдвинула на первый план разведение овец, которые в конце XIX в. стали самым выгодным видом скота. Как писал Н. Вревский, разведение овец являлось самой прибыльной статьей в калмыцком хозяйстве [7, л. 40]. Овца давала мясо, молоко, шерсть, сало, кожу и, что немаловажно, ежегодный приплод, не нуждаясь при этом в особом уходе. Так, живой вес курдючной овцы составлял 4–6 пудов, а иногда и до 8 пудов; при этом она давала 6–7 фунтов шерсти. Стригли овец два раза в год (в начале лета и осенью). Осенняя шерсть была короче и мягче и ценилась 60 кг выше [16, с. 60]. Местами наибольшей концентрации овец в конце XIX в. стали Эркетеневский, Харухусовский и Икицохуровский улусы. По данным Н. Очирова, 59,1% овец разводили в Малодербетовском, Манычском и Икицохуровском улусах [13, с. 63–65; 9, с. 130].

К концу XIX в. овцеводство стало наиболее распространенным видом скотоводства в Калмыцкой степи. В основном разводили калмыцкую курдючную овцу мясного направления.

В крупных хозяйствах все большее внимание стало уделяться разведению тонкорунных овец. Систематическое увеличение количества тонкорунных овец, связанное с ростом спроса на шерсть, привело к тому, что в 1863 г. только у семьи нойонов Тюменей насчитывалось 1 638 овец шлёнской породы и 496 мериносовых. Причина популярности тонкорунных овец заключалась в том, что из 1 кг тонкой шерсти вырабатывают примерно в три раза больше ткани, чем из грубой шерсти овец мясной породы. Шерсть тонкорунных овец была ценным сырьем для изготовления высококачественных тканей, трикотажа, ковров, валяных изделий. Быстрый рост спроса на шерсть стал последствием бурного развития российской легкой промышленности во второй половине XIX века. Этот процесс интенсивно развивался уже в 1860-е годы.

Развитие разведения тонкорунных овец в Калмыкии явилось следствием его постепенного упадка в других регионах: «Тонкорунное овцеводство в конце XIX – начале XX в. под давлением высокой земельной ренты в поисках дешевых и просторных пастбищ смещается из Кубанской области и Западного Ставрополя все восточнее, на землю Терской области и Астраханской губернии, несмотря на худшие природные условия. <...>В конкурентной борьбе с дешевой импортной шерстью, пряжей, камвольными оческами и производными товарами (в основном австралийской и американской шерстью) российское мериносовое овцеводство постепенно уступало свои позиции. Если до 90-х г. XIX в. Россия была в основном вывозящей шерсть, в основном тонкую, то с этого времени импорт шерсти начал преобладать над экспортом». Главной причиной общего для западных стран сокращения овцеводства, в том числе мериносового, кроме повышения спроса на зерно, «было падение спроса на европейскую шерсть, вызванного конкуренцией со стороны дешевой колониальной шерсти из Австралии, Южной Америки и Южной Африки, где овцеводство, прежде всего мериносовое, росло очень быстрыми темпами» [14, с. 28–29].

Как считает А. Н. Команджаев, «процесс развития тонкорунного овцеводства в Калмыцкой степи усилился именно в начале XX в., поскольку даже в 90-е годы XIX в. количество мериносов было на том же уровне, что и в 80-е годы» [8, с. 94]. Уменьшение размеров овцеводства в России, а также относительная дешевизна производства шерсти в Калмыцкой степи обусловила развитие тонкорунного овцеводства в начале XX в. Так, по официальным данным, в 1886 г. у калмыков было 3 057 тонкорунных овец, но в 1891 г. их количество уменьшилось до 2 100 голов. Затем оно неуклонно увеличивалось. В 1892 г. в Калмыцкой степи было уже 2 229 голов, в 1906 – 10 360. Разведение мериносов и шленок также являлось товарным направлением калмыцкого скотоводства. Шерсть тонкорунных овец вывозилась за пределы Калмыцкой степи на текстильные фабрики. К концу XIX в. в Калмыцкой степи установилось преобладание четырех пород овец, из которых три породы были слабо приспособлены к кочевым условиям быта. Это, прежде всего, овца калмыцкой породы, русская длинношерстная, породы меринос и волошская овца [7, л. 39]. Овца калмыцкой породы массово разводилась во всех калмыцких улусах, меринос и волошская овца выращивались в крупных хозяйствах калмыцкой аристократии, преимущественно у семейства нойонов Тюменей, русская длинношерстная разводилась исключительно крестьянами-переселенцами в селах на территории Калмыцкой степи.

Таким образом, в XIX в. характерной чертой происходящих процессов в калмыцком обществе стали развитие или упадок тех или иных отраслей животноводства, связанные

с сокращением территории в результате крестьянской колонизации и сдачи земель в аренду. Рассматривая традиционную структуру калмыцкого хозяйства, следует отметить, что наибольшую роль тут сыграли административные и природно-климатические факторы. После реформы 1892 г. скотоводческие хозяйства калмыков стали все больше отходить от натурального производства и ориентироваться на рынок, однако только немногочисленные крупные скотоводческие хозяйства могли успешно функционировать в условиях нехватки территории. В целом к концу XIX в. сложилась ситуация, когда основным видом скота в калмыцком хозяйстве стало повсеместное преобладание овец в мелких хозяйствах, коневодство и тонкорунное овцеводство в крупных многоотраслевых хозяйствах. Общим итогом изменений в калмыцком овцеводстве в конце XIX в. стали такие важные моменты, как сооружение ограждений и кошар для стойлового содержания животных, заготовка кормов и широкая практика ведения племенной работы (селекция, отбор и скрещивание племенных животных).

Список источников

1. Казенное учреждение Республики Калмыкия «Национальный архив» (НАРК). – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 97.
2. НА РК. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 161.
3. НА РК. – Ф. 7. – Оп. 4. – Д. 7.
4. НА РК. – Ф.9. – Оп. 4. – Д.1271.
5. НА РК. – Ф. 9. – Оп. 7. – Д. 1937.
6. Государственный архив Астраханской области (ГААО). – Ф. 1. – Оп. 6. – Том 3. – Д. 3105.
7. Научный архив Калмыцкого научного центра Российской академии наук. (НА КалмНЦ РАН). – Ф. 4. – Оп. 2. – Д. 271.

Список литературы

8. Команджаев А. Н. Хозяйство и социальные отношения в Калмыкии в конце XIX – начале XX века: исторический опыт и современность. – Элиста: АПП «Джангар», 1999. – 262 с.
9. Лиджиева И. В. Бюджет калмыцкой семьи последней трети XIX в. // Известия Чеченского государственного университета. – 2021. – № 4 (24). – С. 128–132.
10. Материалы для хозяйственной статистики России, издаваемые Императорским Вольным Экономическим обществом. – Кн. 1. – СПб.: Тип. Деп. внеш. торговли, 1853. – XI. – 255 с.
11. Мельникова Е. В. Овцеводство и козоводство: тенденции к развитию // Символ науки. – №4. – 2016. – С. 61–63.
12. Отчет Астраханского миссионерского комитета за 1889 г. – Астрахань: Паровая Губернская типография, 1890. – 23 с.
13. Очиров Н. О. Астраханские и их экономическое состояние в 1915 г.. – Астрахань: Калмыц. обл. план. комис., 1925. – 72 с.
14. Селионова М. И. Из истории российского овцеводства и его научного сопровождения. – М.: ФГБНУ ВНИИОК, 2017. – 238 с.
15. Шениан И. К. Хозяйство и опыты кн. Тюменева за 1846 г. // Журнал Министерства государственных имуществ. – Ч. XXIV. – Отд. III. – СПб.: Тип. Министерства государственных имуществ, 1847. – С. 118–132.
16. Эрдниев У. Э. Калмыки. Историко-этнографические очерки. – Элиста: Калм. кн. изд-во, 1970. – 312 с.

Лю Ецзы

Российский государственный гуманитарный университет

ОТРАЖЕНИЕ СОВЕТСКО-КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ В ГАЗЕТЕ «ПРАВДА» (1949–1953)¹

В первой половине 50-х гг. XX в. между СССР и КНР осуществлялось тесное и дружественное сотрудничество в различных областях. Как в самом влиятельном печатном издании СССР, в газете «Правда» можно было наблюдать особенности и тенденции восприятия образа КНР советской общественностью. В данной работе анализируются статьи о Китае за период 1949–1953 гг., опубликованные в «Правде», где проясняется особенность восприятия образа Китая в Советском Союзе. С точки зрения истории международных отношений раскрываются пропагандистские намерения и стратегии в исследуемый исторический период самой газеты «Правда» как главного печатного органа правящей в СССР Коммунистической партии Советского Союза. Анализируется, в какой степени все это влияло на исторический этап международных отношений в контексте развития двусторонних отношений между Советским Союзом и Китайской Народной республикой, а также на внешнюю политику двух стран в начале 1950-х гг.

Ключевые слова: история советско-китайских отношений, история международных отношений, образ Китая, газета «Правда», контент-анализ.

Liu Yezi

Russian State University for the Humanities

SINO-SOVIET RELATIONS REFLECTED IN THE NEWSPAPER “PRAVDA” (1949–1953)

In the early 1950s, the Soviet Union and China carried out close and friendly cooperation in various fields. As the most influential Soviet newspaper, Pravda's reports on China to a great extent influenced the attitude of Soviet public opinion towards China. Through quantitative and qualitative content analysis of articles related to China in Pravda from 1949 to 1953, this study aims to throw light on the characteristics of the image of China in the newspaper, to figure out the intention and strategy of propaganda of Pravda itself and the Soviet regime from the perspective of the history of international relations, and to clarify how all of these were influenced by the situation of international relations, especially the bilateral relations between the Soviet Union and China, and also by the foreign policy of these two countries in the early 1950s.

Key words: history of Sino-Soviet relations, history of international relations, image of China, Pravda, content analysis.

После образования в 1949 году КНР в 50-е годы XX века между Советским Союзом и Китаем складывается многостороннее тесное и дружественное сотрудничество в экономике, политике, культуре, а также в военной сфере. Проанализировав в качестве источника о КНР партийный орган ЦК КПСС газету «Правда», начиная с поверхностных характеристик новостного контента, можно вскрыть глубинную мотивацию источника новостей, выяснить пропагандистские намерения и стратегию газеты «Правда» как главного пропагандистского рупора правящей в СССР ЦК КПСС, получить

¹Чжоу Эньлай был министром иностранных дел (1949–1958 гг.) и премьером Государственного административного совета КНР (1949–1976 гг.).

представление, в какой степени на все это повлиял исторический этап международных отношений с 1949 по 1959 гг. в контексте развития двусторонних отношений между Советским Союзом и КНР, а также на внешнюю политику двух стран в исследуемый исторический период.

Поскольку в существующих исследованиях по данной проблематике обращается внимание только на образ КНР в СМИ в XXI веке, пока еще отсутствуют специальные исследования о том, как КНР была представлена в советской печати в 1950-е гг. Советская эпоха представляется очень необычным периодом в истории России, когда, по оценке российских историков, появилось «сильное идеологическое воздействие на все сферы общественной жизни и подавление индивидуума» [2, с. 464]. Поэтому в ходе исследования источников из числа советской периодики следует обращать особое внимание на аспекты, касающиеся манипуляции массовым общественным сознанием.

В данном исследовании используются методики качественного и количественного контент-анализа. После декомпозиции текста собранных исторических источников с помощью статистических процедур разбираются материалы согласно объективным характеристикам, затем проводится углубленный анализ текстового содержания источников с точки зрения истории международных отношений [3, с. 51].

Объектом исследования в данной статье являются сообщения газеты «Правда» о Китайской Народной Республике (1949–1953), точнее, с 1 октября 1949 г. по 31 декабря 1953 г. За этот период общее количество статей о Китае в «Правде» составило 1916. Для того, чтобы наглядно показать тенденцию распределения всех этих статей по времени, мы делим каждый год на 4 квартала и получаем следующую линейную диаграмму:

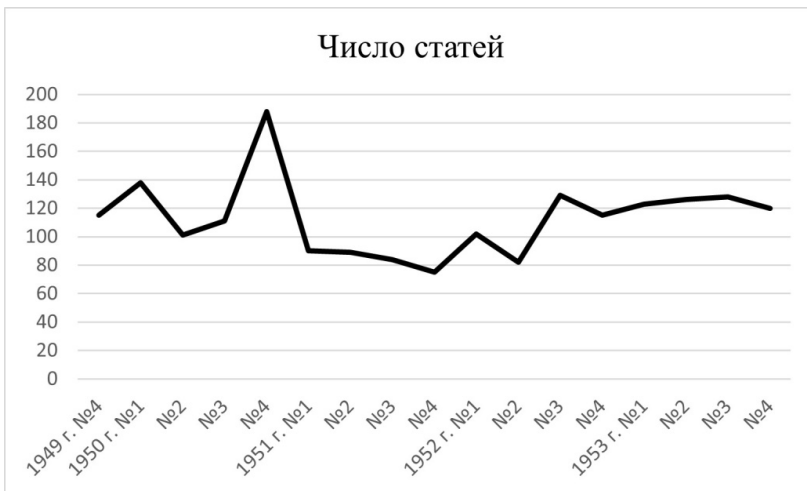

График 1. Тенденция распределения статей по времени

Очевидно, что пик публикации статей относится к четвертому кварталу (октябрь-декабрь) 1950 г., такое явление связано с тем, что в октябре газета опубликовала многочисленные и насыщенные разнообразными материалами сообщения о первой годовщине образования Нового Китая – Китайской Народной республики. Количество статей увеличивается в первом квартале (январь-март) каждого года в связи с массовыми сообщениями, посвященными годовщине подписания «Советско-китайского договора о дружбе, союзе и взаимной помощи» в феврале.

Кроме того, можно заметить и то, что число статей о КНР в газете было относительно небольшим на протяжении всего 1951 года. Но это не означает, что газета больше не обращала внимания на Китай. В качестве доказательства могут быть использованы крупные по объему сообщения, посвященные годовщине «Советско-китайского договора о дружбе, союзе и взаимной помощи» в феврале и Дню образования КНР в октябре. К тому же Китай неоднократно упоминался и в отчетах о Корейской войне.

«Правда» служила пропагандистским рупором советской власти и поэтому, естественно, всегда корректировала свою пропагандистскую политику в соответствии с внешней политикой ЦК КПСС. В начале 1950-х гг. стали еще более острыми противоречия между социалистическим содружеством во главе с СССР и капиталистическим миром во главе с США. Под влиянием маккартизма в США началась «охота на ведьмы»: преследование коммунистов и их сторонников. Именно в 1951 г. «подлил масла в огонь» скандал в связи с делом супругов Д. и Э. Розенбергов, участвовавших в разработке американского атомного оружия и передававших секретные сведения советской разведке [4, с. 140]. А в области внешней политики Соединенные Штаты постоянно пытались расширить свое влияние на международной арене. В тот же год США подписали серию соглашений о сотрудничестве в военной и других сферах с такими странами, как Югославия, Филиппины, Австралия, Новая Зеландия, Япония и т. д. Советское правительство реагировало на эти соглашения с большим вниманием, это отразилось в содержании газеты «Правда» за 1951 год. Помимо этого, особое внимание газета обращала на социальные реформы и процессы экономического восстановления стран Западной и Восточной Европы после окончания Второй мировой войны.

Вышеупомянутыми факторами объективно вызвано сокращение количества статей, посвященных КНР в газете «Правда» за 1951 г. Впоследствии, по мере усиления мощи КНР как государства, роль Китая во внешней политике Советского Союза становилась все более и более важной. Соответственно, количество статей в «Правде» о КНР постепенно увеличивалось и в 1953 году достигло относительно стабильного высокого уровня.

При качественном контент-анализе часто контролируется количество выборок, чтобы способствовать более углубленному изучению подробной информации из их текста [6, с. 119]. Существующими работами доказано, что если работа требует использования материалов ежедневной газеты за многолетний период, то наиболее эффективным методом выборки является выбор двух «построенных недель» за каждый год [5]. Таким образом можно показать достаточно общую ситуацию и тенденции изменений в направлении содержания газеты за несколько лет. Кроме этого, для пополнения анализируемых образцов были отобраны номера газеты, выпущенные в течение трех дней подряд после определенных важных исторических событий.

В итоге было отобрано 93 номера газеты, из них всего собрано 268 статей, посвященных Китаю. На основе этого проведен количественный и качественный контент-анализ источников. Через статистическую процедуру были получены некоторые данные и результаты, которые помогли понять общую стратегию построения выборок для исследования.

Во-первых, это распределение всех статей на разных страницах газеты. При анализе выпусков газеты «Правда» за 1949–1953 гг. можно заметить, что обычно каждый номер содержит в себе 4 страницы. Иногда количество страниц увеличивается, например, при проведении той или иной национальной или международной конференции и при других значительных событиях. Как правило, на первой полосе газеты

публикуются самые важные новости о событиях в стране и за рубежом. На второй – сообщения о внутренней политике и экономическом строительстве. А на третьей и четвертой – международные новости, очерки, фельетоны, критика и библиография, ответы на вопросы читателей и т. п. Разумеется, что большинство из наших 268 статей о Китае (71%) опубликовано на международной полосе, причем на первой – 26%, на второй – 3%.

Во-вторых, стратегия верстки газет. Всем известно, что те новости, которые считаются наиболее важными, обычно помещаются на самом видном месте каждой полосы под крупным и жирным заголовком, чтобы с первого взгляда привлечь внимание читателей. Иногда некоторые весьма значимые статьи даже занимают целую страницу. Кроме того, иллюстрации привлекают к себе интерес читателей гораздо быстрее, чем текст. Исходя из всех этих аспектов, можно судить о том, каким темам газеты уделяют больше внимания. Среди 268 собранных выборок на самом видном месте страницы были опубликованы 32 статьи, из которых 12 на первой полосе.¹ Всю страницу занимают 4 статьи [7; 8; 9; 10]. Присутствуют 4 иллюстрации (фотографии или карикатуры) [11; 12; 13; 14].

Еще стоит отметить, что на первой полосе газеты «Правда» небольшое место рядом с шапкой газеты обычно посвящено анонсам главных статей данного номера, а иногда оно используется для анонса некоторых крупных событий или праздничных поздравлений. 2 из 93 выбранных номеров газет посвятили данное место Китаю.

Содержание выпуска от 15 февраля 1950 г. посвящено празднованию подписания Советско-китайского договора о дружбе, союзе и взаимной помощи:

«Пусть крепнут и вечно живут союз и дружба между народами Союза Советских Социалистических Республик и Китайской Народной Республики!»

А 5 ноября 1952 г. приводится цитата из Призывов ЦК КПСС к 35-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции:

«Братский привет великому китайскому народу, достигшему новых успехов в строительстве могучего народно-демократического китайского государства! Пусть крепнет и процветает великая дружба Китайской Народной Республики и Советского Союза – прочная опора мира и безопасности на Дальнем Востоке и во всем мире!»

Очевидно, что можно суммировать две темы, которым «Правда» уделила особое внимание: 1) образование КНР и 2) подписание Советско-китайского договора о дружбе, союзе и взаимопомощи.

В-третьих, происхождение сообщений газеты. Происхождение сообщений о Китае обычно включает в себя такие источники, как ТАСС, китайские агентства (из них самое известное – агентство Синьхуа), многие китайские газеты (напр. «Женьминь-жибао», «Дагунбао», «Цзефанжибао», «Вэньгуйбао» и др.), речи советских и китайских руководителей или представителей, общественных деятелей на международных конференциях или интервью с ними (напр. И. В. Сталин, А. Я. Вышинский, А. С. Панюшкин, Г. Маленков, Мао Цзэдун, Чжоу Эньлай, Лю Шаоци, Го Можо и др.), собственные корреспонденты газеты «Правда» и т. п.

С 1949 по 1953 год газетой «Правда» были отправлены в Китай ее собственные корреспонденты И. Высоков, Л. Делюсин, В. Овчинников, А. Кожин и др. Долгое время прожив в Китае, они в статьях знакомили советских читателей с жизнью китайского народа, которую они увидели своими глазами. 37 из 268 статей были написаны собственными корреспондентами «Правды».

¹В т. ч. 5 статей посвящены Национальному дню Китая и 7 статей – Советско-китайскому договору о дружбе, союзе и взаимной помощи.

В-четвертых, классификация темы статьи. Согласно статистике, полученной из выборки данных, темы, заслуживающие наибольшего внимания газеты, – это внешняя политика КНР и ее дипломатические отношения с другими странами, особенно с Советским Союзом. Доля сообщений этой темы составляет 53% (половина из них представляет собой телеграммы, письма, выступления руководящих лиц двух стран и т. п.), представлены темы по отражению жизни китайского народа – 14%, о военных действиях китайской армии – 12%, о внутреннем строительстве и развитии в промышленности, сельском хозяйстве, экономике и других областях Китая – 11%, о внутренней политике и политических конференциях Китая – 6%, остальные 4% связаны с образованием, наукой и технологиями и другими тематиками.

В-пятых, оценки контекста газетных статей. С точки зрения окраски контекста, все статьи делятся на три категории: позитивная, нейтральная и негативная. В итоге получаются следующие статистические результаты: положительные сообщения – 191 (71%), нейтральные – 77 (29%) и отрицательные – 0. Это доказывает, что в начале 1950-х гг., согласно внешней политике Советского Союза по отношению к КНР, газета «Правда» проявила твердую позицию с ярко выраженным одобрением политики Китая, а стратегия выбора газетой новостных тем и тенденция оценки имеют очевидный идеологический подтекст.

С пониманием вышеперечисленных основных стратегий далее следует углубиться в текст материалов и провести качественный контент-анализ.

После основания Китайской Народной Республики 1 октября 1949 года первой страной, признавшей Новый Китай, стал Советский Союз. «Правда» уделяет этому большое внимание. 2 октября на первой полосе была опубликована «Декларация Центрального народного правительства Китая» Мао Цзэдуна, и вся третья полоса посвящена переводу целого текста «Общая программа Народного политического консультативного совета Китая». После этого в начале октября каждого года газета публиковала многочисленные специальные репортажи о годовщине основания Китайской Народной республики.

17 декабря 1949 г. на первой странице «Правды» была опубликована новость о первом визите Мао Цзэдуна в Советский Союз, сопровождаемая четкой широкоформатной фотографией и его речью на вокзале после прибытия в Москву. «Между великими народами Китая и Советского Союза существует глубокая и прочная дружба», – заявил первый председатель КНР и завершил речь лозунгом «Да здравствуют дружба и сотрудничество между Китаем и Советским Союзом!» С тех пор в течение следующих нескольких лет подобные лозунги появлялись в газете «Правда» бесчисленное число раз, а иногда даже прямо использовались в качестве заголовков газетных статей.

14 февраля 1950 г. был подписан «Советско-китайский договор о дружбе, союзе и взаимной помощи». 15 февраля «Правда» опубликовала выступления А. Я. Вышинского¹ и Чжоу Эньлая², в речах которых договор получил высокую оценку. «Сегодня в историю советско-китайских отношений вписана новая, замечательная страница», – заключил А. Я. Вышинский. 16 февраля «Правда» опубликовала передовую статью с заголовком «Да живет вечно советско-китайская дружба!» и написала, что «трудно переоценить все огромное значение подписанных документов, закрепляющих исторические связи, обеспечивающих дальнейший рост глубокой и прочной дружбы между народами СССР и Китая». Затем, в последующие годы, годовщина подписания договора стала праздником, отмечаемым народами Советского Союза и КНР.

¹В 1949–1953 гг. А. Я. Вышинский служил министром иностранных дел СССР.

²Чжоу Эньлай был министром иностранных дел (1949–1958 гг.) и премьером Государственного административного совета КНР (1949–1976 гг.).

При прочтении 268 отобранных газетных статей о КНР можно найти некоторые часто встречающиеся ключевые слова. Если взять в качестве примера только заголовки статей, можно выделить пять ключевых слов с наибольшей частотой возникновения:

Ключевые слова	Частота (от высокого к низкому)
друг (дружба, дружественный)	22
мир	11
успех	9
демократия	6
свобода (освободить, свободный)	5

Эти ключевые слова отражают дружественный тон газеты при освещении советско-китайских отношений. Китай описывается как «вечный друг Советского Союза» и «великая свободная демократия», которая добилась больших успехов при строительстве нового в различных областях внутри государства. А китайский народ – как дружелюбный и трудолюбивый, стремящийся к миру.

В этот период в газете «Правда» была специальная рубрика под названием «В странах народной демократии», которая обычно располагалась в правом углу первой полосы. В основном в ней кратко рассказывалось о достижениях других стран социалистического содружества в различных областях. В рубрике иногда были представлены некоторые фестивали и культурные события. Авторами этих статей обычно являлись собственные корреспонденты «Правды». Из этой рубрики собраны 14 сообщений о Китае, темы которых посвящены земельной реформе, росту промышленности, системе образования, важным фестивалям, советско-китайским культурным обменам и т. п.

Прогресс Китая в сфере экономики, промышленности, сельского хозяйства, науки и техники в 1950-е гг. во многом был обусловлен крупномасштабной помощью СССР в виде средств, передового технического оборудования, технологий и экспертного руководства. Опираясь на них, Китай быстро укрепил мощь государства и повысил уровень жизни людей. А Советский Союз, в свою очередь, используя успех КНР, доказал свою силу и правильность своего пути развития и укрепил свое влияние и лидерство в социалистическом содружестве. Например, в передовой статье «Правды» от 14 февраля 1951 г. в рубрике под названием «Торжество нерушимой советско-китайской дружбы» написано, что «бескорыстная братская помощь Советского Союза явилась важным фактором возрождения китайской промышленности и всего народного хозяйства. Опираясь на помощь и поддержку Советского Союза, используя богатейший опыт СССР, китайский народ добился больших успехов в восстановлении и развитии своего народного хозяйства». Этот момент подчеркивался не только советским правительством, но и лидерами КНР, ее общественными деятелями и простыми людьми. В речах, письмах и статьях, опубликованных в газете «Правда», они неоднократно выражали свою благодарность Советскому Союзу. К примеру, 14 февраля 1952 г. была опубликована статья собственного корреспондента И. Высокова под названием «Советский Союз – верный друг Китая. Письма китайских трудящихся», в статье советским читателям было представлено несколько писем от китайцев (включая рабочих, крестьян, студентов, профессоров и т. д.), которые «рассказывают о своих достижениях, которых они добились с помощью советских братьев».

В начале 1950-х гг. между советским и китайским народами была установлена тесная и дружественная связь. Так, смерть главы Советского Союза И. В. Сталина 5 марта 1953 г. вызвала взрыв печальных эмоций не только внутри СССР, но и в Китае.

8 марта в «Правде» были опубликованы телеграммы с соболезнованием советскому народу по случаю смерти Сталина от Мао Цзэдуна, Чжоу Эньляя и ЦК КПК. В последующие дни были опубликованы также письма с соболезнованиями и памятные статьи от людей из всех слоев китайского общества, в том числе от видного генерала Чжу Дэ, знаменитого общественного деятеля и поэта Го Можо, мастера пекинской оперы Мэй Ланьфана и т. д. Во многих городах КНР жители вышли на улицы и собрались вместе, «выражая глубокую скорбь по поводу кончины лучшего друга китайского народа товарища Сталина» [15]. В целом, смерть Сталина, смена главы страны и изменения во внешней политике СССР оказали глубокое влияние на двусторонние отношения между Советским Союзом и КНР, а также на все международные отношения и общую ситуацию в мире, охваченном «холодной» войной.

На советско-китайские отношения того времени влияли не только внутренняя ситуация в СССР и КНР, их внешняя политика, но и общая международная обстановка. Война, разразившаяся на Корейском полуострове в июне 1950 года, переросла в крупный международный военный конфликт в первой половине 1950-х гг. из-за участия в той или иной степени Соединенных Штатов, КНР, Советского Союза и других стран. До тех пор, пока не было достигнуто соглашения о перемирии в 1953 г., «Правда» на международной полосе под рубрикой «События в Корее» непрерывно публиковала последние известия по развитию ситуации в Корее. 28 из 268 статей о КНР были напечатаны под этой рубрикой. Кроме известий о военных операциях, процессе перемирия и переписке лидеров, широкое внимание привлекла и биологическая война, развязанная США против корейского и китайского народов. 25 марта 1952 г. в газете была опубликована нижеследующая сатирическая карикатура под авторством «Кукрыников».¹

Рисунок 1. «Чумной выродок»

¹Это псевдоним содружества трех советских художников: М. В. Куприянов, П. Н. Крылов и Н. А. Соколов.

В пояснительной записке к карикатуре написано: «Под прикрытием флага Организации Объединенных Наций американские агрессоры применяют бактериологическое оружие против мирного населения Кореи и Китайской Народной Республики». Американские солдаты на рисунке с преувеличением изображены как смесь вредителей, таких как таракана, мухи, комара и др. В сочетании с названием «Чумной выродок» читателям нетрудно понять логическую связь между предложениями: «вредители распространяют микробы» и «США начали биологическую войну и распространили бедствие».

В целом, в начале 1950-х гг. в газете «Правда» образ США часто ассоциировался с такими ключевыми словами, как «поджигатели войны», «империалистические хищники», «смертельный враг дела мира» и т. д. Такого рода крайне негативная пропаганда против США, как и крайне позитивная пропаганда КНР в тот же период, является отражением политики СССР на уровне пропаганды идеологии и манипулирования общественным мнением времен «холодной» войны.

Образ КНР, представленный читателям газетой в этот период, может быть стереотипным и односторонним, но советско-китайские отношения, отраженные в газете, являлись сложными. Как отметил бывший посол КНР в Советском Союзе Ли Фэнлинь, «широта, глубина и сложность китайско-советских отношений превосходят отношения между многими другими великими державами. Китайско-советские отношения объединяют отношения между двумя странами, двумя партиями и обмены на высоком уровне между лидерами двух стран и двух партий, включают в себя также широкий спектр содержания, таких как отношения между великими державами, социалистическими странами, различными цивилизациями, отношения между новым национальным государством и традиционной европейской державой, и смешиваются с национальными интересами, идеологиями и многими другими факторами, которые играют важную роль в международных отношениях» [16, с. 5].

Дружественные отношения между Советским Союзом и Китайской Народной республикой в исторических условиях международной обстановки того времени соответствовали идеологии и фундаментальным национальным интересам обеих сторон. Однако следует отметить, что развитие и прогресс в первые годы после образования Китайской Народной республики во многом опирался на поддержку Советского Союза, и этот факт на самом деле указывает на огромный разрыв в мощи двух стран в то время. Такого рода неравенство сил и статуса в двусторонних отношениях между Советским Союзом и КНР, а также изменения во внешней политике двух стран по отношению к западному миру во главе с США стали фактором, повлиявшим на нестабильность советско-китайских связей, и заложили скрытую угрозу для разногласий и противоречий между руководством двух стран на уровне идеологии и национальных интересов в недалеком будущем.

Список литературы

1. База данных газеты «Правда»: Pravda Digital Archive. – URL: <https://dlib.eastview.com/browse/udb/870> (дата обращения: 20.08.2022)
2. Данилевский И. Н., Кабанов В. В., Медушевская О. М., Румянцева М. Ф. Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории: Учеб. Пособие. – М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 1998. – 702 с.
3. Боришполец К. П. Методы политических исследований: Учеб. пособие. – М.: Аспект Пресс, 2005. – 221 с.
4. Порцель А. К. История международных отношений и внешней политики России (1918–2000 гг.): учеб. пособие. – Мурманск: Изд-во МГТУ, 2010. – 260 с.

5. Lacy, S., Riffe, D., Stoddard, S., Martin, H., & Chang, K. -K. Sample size for newspaper content analysis in multi-year studies // *Journalism & Mass Communication Quarterly*, 2001, 78(4), – С. 836-845.

6. Чжоу Сян. Исследование и применение контент-анализа в науке о коммуникации. – Чунцин: Изд-во Чунцинского университета, 2014. – 384 с.

7. Общая программа Народного политического консультативного совета Китая // *Правда*. 2 октября, 1949 г.

8. Советско-китайское коммюнике о подписании Договора и Соглашений между Советским Союзом и Китайской Народной Республикой // *Правда*. 15 февраля, 1950 г.

9. Лю Шаоци. Об аграрной реформе в Китае. Доклад на II сессии Национального комитета Народного политического консультативного совета Китая 14 июня 1950 года // *Правда*. 31 июля, 1950 г.

10. Чжоу Эньлай. За укрепление и развитие успехов китайского народа // *Правда*. 1 октября, 1950 г.

11. Фотография о первом визите Мао Цзэдуна в Советский Союз // *Правда*. 17 декабря, 1949 г.

12. Фотография о подписании Советско-китайского договора о дружбе, союзе и взаимной помощи // *Правда*. 15 февраля, 1950 г.

13. Кукрыникс. Сатирическая карикатура о биологической войне США против северокорейского и китайского народов // *Правда*. 25 марта, 1952 г.

14. Групповой снимок Сталина, Малинкова и Мао Цзэдуна // *Правда*. 10 марта, 1953 г.

15. Китай и СССР сплотятся еще теснее // *Правда*. 7 марта, 1953 г.

16. Ли Фэнлинь. Предисловие: История китайско-советских отношений и будущее китайско-российских отношений // *Очерк истории китайско-советских отношений (1917–1991)* / гл. ред. Шэнь Чжихуа. – Пекин: Изд-во Синьхуа, 2007. – С. 1-8.

Н.Г. Очирова
Южный научный центр РАН

**ДЕЯТЕЛИ КАЛМЫКИИ И ИХ ВКЛАД
В РАЗВИТИЕ КУЛЬТУРЫ: А.У. БАДМАЕВ
(1921–2012)**

Публикация подготовлена в рамках реализации ГЗ ЮНЦ РАН № гр. проекта 122020100347-2

Статья посвящена жизни и деятельности видного государственного и общественного деятеля Калмыкии Алексея Урубджуровича Бадмаева, внесшего значительный вклад в возрождение и развитие культуры в республике. Вопросы исследования заключаются во всестороннем рассмотрении проблем развития культуры в Калмыкии в конце 1950-х – середине 1980-х гг. и выявлении основных этапов практической деятельности А.У.Бадмаева. Автор статьи на примере деятельности одного из известных руководителей в сфере развития и реализации культурной политики в Калмыкии анализирует процессы решения национальных, социальных и культурных вопросов в сложнейший период восстановления республики после трагических событий в жизни калмыцкого народа в 1943–1957 гг.

Ключевые слова: *Калмыкия, республика, А.У.Бадмаев, культура, возрождение, развитие, творческие коллективы, кадры, депортация.*

N.G. Ochirova
Southern Scientific Center of RAS

**PERSONS OF KALMYKIA AND THEIR CONTRIBUTION
TO THE DEVELOPMENT OF CULTURE: A.U. BADMAEV
(1921–2012)**

The article is written in the framework of the project № 122020100347-2

The article is devoted to the life and work of the prominent statesman and public figure of Kalmykia Alexei Urubdzhurovich Badmaev, who made a significant contribution to the revival and development of culture in the republic. The questions of the research consist in a comprehensive consideration of the problems of the development of culture in Kalmykia in the late 1950s – mid-1980s. and identifying the main stages of A.U.Badmaev's practical activity. The author of the article, using the example of the activities of one of the well-known leaders in the field of development and implementation of cultural policy in Kalmykia, analyzes the processes of solving national, social, and cultural issues in the most difficult period of restoration and formation of the republic after the tragic events in the life of the Kalmyk people in the period from 1943 to 1957.

Keywords: *Kalmykia, republic, A.U.Badmaev, culture, revival, development, creative teams, personnel, deportation.*

Введение. В условиях нарастающих процессов глобализации происходящие в современный период в российском обществе радикальные перемены кардинально влияют на развитие культуры народов многонациональной России, что требует объективного изучения и осмысления специфики и особенностей культуры регионов, в том числе Калмыкии. Это обстоятельство диктует также самое заинтересованное отношение к истории культуры прошлого, использование его позитивного потенциала в интересах развития общества, преодоление не только социально-экономического, но и

нравственного кризиса. В этих целях представляется важным исследовать культурное развитие калмыцкого этноса в его исторических перипетиях. Одним из важнейших и уникальных этапов истории калмыцкого народа был советский период восстановления национальной государственности калмыцкого народа в составе РСФСР/СССР после возвращения его из насильственного переселения в восточные районы страны и функционирования системы культуры в конце 1950-х – 1980-е гг.

Вопросы культурного строительства, проблемы формирования стратегии культурной политики все чаще становятся предметом общественных дискуссий, решений органов государственной власти [13]. Важное значение для осмысления развития культуры советского периода имеют труды М.П.Кима [7], А.И.Арнольдова [2]. Проблемы истории культурного строительства нашли отражение в работах О.И.Митяевой [10], В.В.Номогоевой [12], Л.Е.Вострякова [5], Т.Ю.Красовицкой [8], А.И.Соловьева [17], Г.Д.Алексеевой [1], Д.Ц.-Д.Номинханова [11]. Различным аспектам развития калмыцкой культуры посвящены исследования Н.Д.Санджиева [16], Н.Т.Манджиевой [9], Н.Г.Очировой [14]. Вопросы культуры достаточно полно освещены в фундаментальных трудах «История Калмыкии с древнейших времён до наших дней» в 3-х томах [6], «Очерки истории Калмыцкой АССР. Эпоха социализма» [15]. Разнообразие точек зрения на культуру советского периода нашей истории, полярность позиций требуют научного осмысления и роли руководителей этой сферы в развитии культуры и общественного прогресса. В связи с этим нельзя не согласиться с тем, что в истории бывают такие периоды, когда роль одного человека в решении каких-то сложных, к примеру, гуманитарных, проблем может быть более значимой, чем роль иных факторов.

Калмыки по праву гордятся своими знаменитыми людьми, творившими в прошлые столетия. Среди них были деятели различных сфер духовной жизни: педагоги-просветители, ученые-исследователи, писатели, представители духовенства, выдающиеся сказители. Одним из видных руководителей в сфере развития и реализации культурной политики в Калмыкии в конце 1950-х – 1980-е гг. является Алексей Урубджурович Бадмаев. Он родился 15 декабря 1921 г. в хотоне Туттун Кетченеровского улуса Калмыцкой АССР. Эта глубинка в Калмыцкой степи удивительно щедрa на талантливых людей. Выходцами из этого небольшого селения были первый профессор Калмыкии Б.Б.Бадмаев, ученый-калмыковед Б.Д.Муниев, писатель Б.Б.Дорджиев, известные джангарчи и домбристки. Отец Алексея Урубджуровича – Бадмаев Ялям Бадмаевич – был одним из тех, кто стоял у истоков создания и укрепления национальной государственности нашего народа в годы советской власти. В 20-е гг. он работал Наркомом земледелия Калмыцкой АССР. Мать занималась домашним хозяйством и воспитанием детей, которым родители стремились дать хорошее образование. После окончания школы А.У.Бадмаев, отличавшийся активным участием в общественной жизни, достижениями в спорте, пользовавшийся авторитетом среди местной молодежи, был избран секретарем Малодербетовского райкома ВЛКСМ. Вовлечение молодежи в ряды Красной армии, сдача нормативов на значки БГТО, ГТО, проведение политзанятий, организация участия в производственной сфере, создание агитбригад и выезды с концертами на животноводческие стоянки, комсомольские собрания – все это и другое в те годы составляло содержание деятельности молодежного объединения. А.Бадмаев увлеченно, с энтузиазмом занимался комсомольской работой, мечтал о дальнейшей учебе. Перед началом войны, пройдя строжайший отбор, он поступил и успешно окончил Московское пехотное училище им. Верховного Совета РСФСР (школа красных командиров, именуемых «кремлевскими курсантами»), участвовал

в Великой Отечественной войне, был комсоргом роты. Войну он закончил в 1945 г., проходя службу в качестве адъютанта командира дивизии генерала Васильева, в войсковой части, расквартированной в Омском гарнизоне [4]. Как и весь калмыцкий народ, его семья перенесла все тяготы и лишения сибирской ссылки. Благодаря своей безупречной фронтовой характеристике и настойчивости, имея диплом учителя, Бадмаеву А.У. вопреки ограничениям по национальному признаку удалось устроиться на работу по специальности в одной из киргизских школ. Спустя некоторое время деятельного и творческого учителя местное руководство выдвинуло на должность заведующего районным отделом народного образования. В этом качестве Алексей Урубджурович проработал в Киргизии вплоть до выезда на родину, снискав своей добросовестной, результативной деятельностью уважение и авторитет у родительской общественности и учительства района. А.У.Бадмаева, как и многих других его земляков – участников Великой Отечественной войны, все годы нахождения в депортации терзали и волновали вопросы, связанные с принудительным выселением калмыцкого народа, с обвинением в «измене родине», с чем он, боевой офицер, не мог смириться. В своей книге «Возрожденная культура» он с волнением вспоминает о том, как летом 1956 г. по пути на работу вдруг впервые после долгих лет неожиданно услышал лившиеся из установленного на столбе и транслировавшего радиопередачи «колокола» калмыцкие танцевальные мелодии и обмер, не веря, что это наяву [3]. На смятенное и даже тревожное состояние А.У.Бадмаева обратил внимание проходивший мимо сельчанин, который стал участливо спрашивать, не случилось ли чего-либо, не нужна ли помощь. Вот такие эмоции, радостное волнение и одновременно неясное беспокойство охватывали калмыков, когда из Москвы по радио стали звучать калмыцкие песни и наигрыши. Эти передачи воспринимались ими как знаки на предстоящие перемены в их жизни, возвращение на родную землю в бескрайние полынные степи. Вскоре А.У. Бадмаев отмечает: «Тема отъезда на Родину была у всех на устах» [3, с. 8]. Эти перемены наступили после выхода 9 января 1957 г. Указа Президиума Верховного Совета СССР «Об образовании Калмыцкой автономной области в составе Ставропольского края» [18].

Теперь калмыки могли вернуться в родные края, радости их не было предела. В декабре 1956 г. Центральным Комитетом КПСС и Ставропольским крайкомом партии в целях приема возвращающихся из ссылки калмыков, создания партийных и советских органов, восстановления экономики были образованы Оргбюро обкома партии и Оргкомитет областного совета депутатов трудящихся, которые активно приступили к решению поставленных задач. В первые два года с начала восстановления автономии на родину вернулись около 70 тыс. человек, в числе первых возвратившихся в Калмыкию была национальная интеллигенция. Основная часть прибывших (80%) размещалась и обустроивалась в местах своего прежнего проживания в совхозах, колхозах, на фермах, животноводческих стоянках в полуразрушенных домах и землянках [3, с.12]. Элиста, разрушенная войной, стояла в руинах. Вернувшимся из ссылки людям катастрофически не хватало жилья, негде было разместить вновь создаваемые органы управления, учреждения культуры и образования, редакции газет и мн. др. Однако калмыков, в течение 13 лет находившихся вдали от родных мест и перенесших все муки ада, трудности быта, отсутствие элементарных удобств, в тот период мало смущало, они были заряжены необыкновенной энергией созидания, полны энтузиазма, всеми ими двигало одно стремление как можно скорее отстроить и возродить свою республику.

В этот непростой период полный надежд, воодушевленный происходящими поистине эпохальными событиями в жизни народа А.У.Бадмаев возвращается с семьей в Калмыкию. Приобретенный в суровых перипетиях судьбы богатый жизненный

и профессиональный опыт Алексея Урубджуровича был востребован в возрождающейся республике. Его направили на работу в обком партии в качестве инструктора, а затем утвердили на должность заместителя заведующего отделом пропаганды и агитации. Поле деятельности А.У.Бадмаева было очень сложным и ответственным, в республике все начинало только восстанавливаться и создаваться вновь. Он занимается вопросами средств массовой информации, прежде всего, организацией изданий республиканских газет «Хальмг унн» («Калмыцкая правда») и «Советская Калмыкия», Калмыцким радиовещанием, оказывает содействие редакциям в укомплектовании кадрами журналистов. А.У.Бадмаев деятельно участвует в создании Калмыцкого книжного издательства, функционировавшего в довоенные годы, выпуская учебники, художественную, политическую и детскую литературу. Теперь эту работу надо было организовывать заново, заниматься формированием кадров, обеспечением материально-технической базы. Реализация этой сложной задачи была весьма трудной, в соседних регионах ситуация была схожа с Калмыкией. Поэтому А.У.Бадмаев выезжает в Северную Осетию, где была наиболее прочная полиграфическая база и должным образом готовились специалисты, налаживает контакты с коллегами, договаривается о сотрудничестве, с присущей ему скрупулезностью изучает опыт их работы, который впоследствии использует в своей республике. В этот же период в сотрудничестве с Союзом писателей СССР в республике проводится работа по воссозданию Союза писателей Калмыкии, образуется оргкомитет, в который вошли секретарь обкома партии Б.О.Джимбинов, поэты Л.О.Инджиев, С.К.Каляев, Д.Н.Кугультинов, А.И.Сусеев. Оргкомитет провел большую работу по сплочению писательских сил республики, подготовке и изданию их произведений. На протяжении 13 лет лишённые возможности общаться, публиковаться, заниматься творчеством писатели и поэты Калмыкии, как и все население, были полны энтузиазма, радостных порывов, творческих замыслов. На заседании Союза писателей Калмыкии было принято важное решение об издании альманаха «Теегин герел» («Свет в степи»), что способствовало развитию творческого потенциала республики.

В 1958 году состоялся первый Всероссийский съезд писателей, в котором приняла участие калмыцкая делегация во главе с секретарем обкома КПСС Б.О.Джимбиновым, талантливым журналистом, писателем, лектором-международником. А.У. Бадмаев высоко ценил вклад Б.О.Джимбинова в восстановление и развитие республики, отмечал его принципиальную позицию в отстаивании интересов Калмыцкой области в то сложное время. До начала работы писательского съезда А.У.Бадмаев неоднократно выезжал в Москву, участвовал в совещаниях по подготовке писательского форума, слушал выступления крупнейших деятелей культуры страны. Это, несомненно, расширяло его возможности в понимании проблем развития культуры, деятельности творческих союзов, задач, стоящих перед ними. В апреле 1958 г. А.У. Бадмаева направляют на стажировку в отдел оргпартиработы бюро ЦК по РСФСР, что позволяет ему на другом уровне, со стороны взглянуть и проанализировать работу в Калмыцкой области, приобрести новый опыт. В июле 1958 года Калмыкия приобретает статус республики, отныне она вновь именуется Калмыцкой АССР.

В 1959 г. начинается новый этап в жизни и деятельности А.У.Бадмаева, его назначают на должность министра культуры Калмыцкой АССР. Поле деятельности его стремительно расширилось. К сентябрю 1958 года в Калмыкии были организованы Государственный Калмыцкий национальный ансамбль песни и пляски, творческая часть которого состояла из 27 человек, открыты детская музыкальная школа на 50 учащихся и республиканская библиотека, восстановлен Калмыцкий драматический театр.

Все это требовало наполнения содержанием – обеспечения кадрами специалистов, создания материально-технической базы, приобретения оборудования, решения вопросов финансирования и т.д. С первых шагов своей работы в качестве министра он стал работать над решением этих задач. Между тем, приближались торжества, посвященные 350-летию добровольного вхождения калмыцкого народа в состав Российского государства. Недавно созданные творческие коллективы под руководством министерства культуры в ударном темпе готовились к юбилею, на который съезжались высокие гости из различных регионов страны. Празднование состоялось 22–23 августа 1959 г. при огромном стечении народа на стадионе, где была сооружена концертная площадка и трибуны. Всеобщее ликование вызвало награждение Калмыцкой АССР орденом Ленина за успехи в хозяйственном и культурном строительстве. Концерты, подготовленные в основном силами художественной самодеятельности, проходили под бурный восторг вернувшихся из ссылки калмыков, надолго отлученных от своей национальной культуры.

После юбилейных торжеств, проанализировав состояние культуры в республике, А.У. Бадмаев вместе со своими коллегами с присущей ему тщательностью разрабатывает план действий и программу дальнейшего возрождения и культурного строительства в Калмыкии. Одной из важных черт его характера было умение советоваться со знатоками калмыцкой культуры, с компетентными в этой сфере людьми, что позволяло принимать правильные и эффективные решения. В конце 1959 г. с пакетом документов он выезжает в министерство культуры России с тем, чтобы мероприятия по развитию культуры, в том числе финансирование отрасли были включены в план министерства культуры России. Конечно, ему пришлось побывать во многих кабинетах, начиная с федерального министра А.И.Попова и дойдя до сотрудников отделов ведомства, объясняя, доказывая, убеждая, вплоть до того, что иным приходилось рассказывать о том, где находится республика, ведь в период ссылки наименование «Калмыкия» было уничтожено со всех карт и справочников страны. Бадмаев А.У. общался с работниками аппарата, привлекая их в союзники по реализации планов развития культуры Калмыкии. Он побывал в Центральном Доме народного творчества и познакомился с его директором Л.Я.Алексеевой, в Союзе композиторов РСФСР, в вузах культуры. Все это позволило Алексею Урубжуровичу за короткий срок найти поддержку в Москве непосредственно у руководителя ведомства, министра Попова А.И., который с пониманием отнесся к проблемам культурного строительства в Калмыкии и дал ряд поручений подчиненным по оказанию конкретной помощи республике. Конечно, деятельность А.У.Бадмаева в эти годы была сопряжена с преодолением многих трудностей. Однако постепенно создавалась и расширялась материальная база культуры, ускоренными темпами шла подготовка национальных кадров по всем направлениям культурного строительства, дальнейшее развитие получает работа творческих союзов. Огромная заслуга А.У.Бадмаева состоит в том, что он сумел привлечь к сотрудничеству многих известных деятелей культуры и искусства России. Это были люди со своей организаторской и творческой жилкой, со своим видением проблем развития уникальной культуры калмыков, бережным отношением к ней. Среди них были М.О.Грачев, М.Л.Тритуз, Л.Н.Александров, Д.В.Сычев, Я.Абрамис, А.А.Самсония, Н.К.Волькович, внесшие неоценимый вклад в реализацию культурной политики государства в республике, в возрождение, сохранение и развитие культуры калмыцкого народа. Благодаря их самоотверженной работе и труду их талантливых питомцев состоялись первые выступления Калмыцкого Государственного ансамбля песни и пляски «Тюльпан», артистов Калмыцкого драматического театра, коллективов

художественной самодеятельности в лучших концертных залах Москвы, в том числе Кремлевском Дворце, Колонном зале Дома Союзов, на ВДНХ, прошли выставки художников и др. Участникам этих концертов, руководству республики было важно доказать, что, несмотря на годы депортации, народ сумел сохранить свою культуру, что талантами полнится калмыцкая земля. И у них это успешно получилось.

Деятельность А.У.Бадмаева в сфере культуры продолжалась в общей сложности более десяти лет, и еще десять лет в должности заместителя председателя правительства Калмыцкой АССР он продолжал осуществлять руководство культурой, но уже на новом уровне, занимаясь также результативно вопросами здравоохранения, образования, науки республики. Следует отметить, что все годы неутомимой деятельности Бадмаева А.У. главной заботой было сохранение самобытной и неповторимой культуры народа. Важной работой он считал собирание, фиксацию и изучение устного народного творчества, старинного песенного, музыкального, танцевального фольклора калмыков и всячески поощрял деятельность республиканского Дома народного творчества в этом направлении.

В результате подвижнического труда А.У.Бадмаева было подготовлено не одно поколение профессиональных кадров практически во всех отраслях культуры и искусства Калмыкии. Он сумел добиться того, чтобы талантливая молодежь республики обучалась в лучших учебных заведениях культуры, проходила стажировку у именитых педагогов. Так, при Ленинградском государственном институте театра и кино была открыта калмыцкая студия, ряд талантливых молодых людей был направлен на учебу по льготному набору в Ленинградское академическое хореографическое училище им. А.Я.Вагановой, Ростовское музыкальное училище, Казанскую и Саратовскую консерватории, Ленинградское художественно-промышленное училище им. Мухиной, в Московский институт культуры и др. После окончания учебы, вернувшись домой, они стали цветом калмыцкой культуры и искусства, ее гордостью. В начале своей карьеры певицы Валентина Гаряева и Валентина Ильцаранова проходили стажировку в мастерской народной артистки России Ирмы Яунзем. В Элисте были открыты музыкальное училище и культпросветучилище, курсы повышения квалификации культработников различного профиля, что дало возможность обеспечить специалистами сельские, районные культурные учреждения, детские музыкальные школы, активно развивать художественную самодеятельность, приобщать к духовным ценностям население республики.

На вечере памяти, посвященном 100-летию А.У.Бадмаева, 14 декабря 2021 г. один из тех, кого Алексей Урубджурович направлял на учебу в хореографическое училище им. Вагановой, художественный руководитель Государственного театра танца Калмыкии «Ойраты» П.Т.Надбитов, говоря об А.У.Бадмаеве, отметил, что он был «мудрый и дальновидный руководитель, мыслил широко и масштабно». С этим можно только согласиться. И то обстоятельство, что Бадмаеву А.У. удалось так много сделать в становлении и развитии культуры Калмыкии, свидетельствуют не только о его эрудиции и таланте организатора, но и о необыкновенной работоспособности и организованности, доброжелательности и отзывчивости, чуткости и личном обаянии. Люди, работавшие с А.У.Бадмаевым, сохранили о нем безграничное уважение и память по сей день.

Список литературы

1. Алексеева Г.Д. Историческая наука России в поисках новых концепций // Историческая наука в России в XX веке. – М.: Науч.-изд. центр «Скрипторий», 1994. – 561 с.
2. Арнольд А.И. Культура развитого социализма. – М.: Политиздат, 1975. – 128 с.

3. Бадмаев А.У «Возрожденная культура». – Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар», 2006. – 166 с.
4. Басангов И.Н. Сибирская школа (Очерки, воспоминания документы). – Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар», 2007. – 124 с.
5. Востряков Л.Е. Региональные управленческие отношения в сфере культуры: поиск новой управленческой парадигмы. – М.: Институт социологии РАН, 1996. – 112 с.
6. История Калмыкии с древнейших времён до наших дней: в 3-х т. Элиста: ГУ «Издательский дом Герел», 2009 – 751 с.
7. Ким М.П. Проблемы теории и истории реального социализма. – М.: Высшая школа, 1983. – 263 с.
8. Красовицкая Т.Ю. Власть и культура: исторический опыт организации государственного руководства национально-культурным строительством. – М.: Наука, 1992. – 298 с.
9. Манджиева Н.Т. Художественная культура Калмыкии: Проблемы истории и типологии: автореферат дис. ... кандидата культурологии: 24.00.01 / Рос. гос. пед. ун-т им. А.И. Герцена. – Санкт-Петербург, 2004. – 22 с.
10. Митяева О.И. История и проблемы отечественной культуры в XIX – первой трети XX века. – Уфа: Издательство ВЭГУ, 1994. – 99 с.
11. Номинханов Д. Ц.-Д. Очерки истории культуры калмыцкого народа. – Элиста: Калм. кн. изд-во, 1969. – 136 с.
12. Номогоева В.В. Бурятия в 1920-1930-е гг.: опыт социально-культурной модернизации. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. госуниверситета, 2011. – 280 с.
13. Очирова Н.Г. Основные направления государственной политики Республики Калмыкия по сохранению историко-культурного наследия в постсоветский период // Научная мысль Кавказа. – 2018. – № 4 (96). – С. 62–67.
14. Очирова Н.Г. Калмыкия в пространстве российско-монгольских отношений в XX – начале XXI в.: историко-культурный аспект // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. – 2021. – Т. 26. – №5. – С. 191–201.
15. Очерки истории Калмыцкой АССР. Эпоха социализма / Ред. коллегия: Д.А. Чугаев, И.К. Илишкин и др. – Москва: Наука, 1970. – 431 с.
16. Санджиев Н.Д. Этнокультурные факторы развития современной Калмыкии: автореферат дис. ... кандидата культурологии: 24.00.01 / Краснодар. гос. ун-т культуры и искусств. – Краснодар, 2002. – 18 с.
17. Соловьев А.И. Культура власти. – М.: ТОО «Николь», 1992. – 141 с.
18. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 9 января 1957 г. «Об образовании Калмыцкой автономной области в составе РСФСР» // <https://base.garant.ru/6331042/> (дата обращения 01.08.2022).

А.В. Пахомов

Кубанский государственный технологический университет

**ВЫСТУПЛЕНИЕ В КУБАНСКИХ ВОИНСКИХ ЧАСТЯХ
В ПЕРИОД ПОДЪЕМА
РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ В 1905 г.**

Данное исследование посвящено одной из актуальных проблем отечественной истории первой русской революции 1905-1907гг. и рассматривает участие кубанских воинских частей в революционном движении в период наивысшего подъема революционного движения в Кубанской области в 1905г. На основе изучения архивных документов исследуемого хронологического периода проводится анализ не только основных причин участия кубанского казачества в революционном движении, но и всего процесса становления и развития протестного движения военнослужащих.

Также рассматриваются действия местных властей, направленные на усмирение и подавление данных протестов. Наибольшее значение в данной работе уделяется исследованию волнений в пластунских батальонах и восстанию во 2-м Урупском полку. В данной работе подробно рассматривается и агитационная работа, проводимая среди кубанских воинских частей активистами социал-демократических групп, а также агитационная деятельность уже самих военных среди местных жителей.

Ключевые слова: *Кубанская область, революция, агитация, устав, требования, численность, революционный период, пластуны, казаки, подавление, военные.*

A.V. Pachomov

Kuban state technological university

**UNREST IN KUBAN MILITARY TROOPS
IN THE PERIOD OF REVOLUTIONARY MOVEMENT IN 1905**

This article is dedicated to there search of the first Russian revolution of 1905-1907. It studies the participation of Kuban military troops in revolutionary movement in Kuban region in 1905. The author had read archive documents of that historical period and analyzed the aims of Kuban Cossacks in the revolutionary movement and the process of the origin and the evolution of military protests.

The article considers the actions of local officials who escalated and expanded containment of the protests. Great attention is paid to the research of the unrest in plastun battalions and rebellion of the second Urupsky regiment. The article discussed the propaganda work by social-democratic groups with in Kuban military troops and among local population.

Key words: *Kubanregion, revolution, propaganda, statute, requirements, number of, revolutionary period, plastun battalions, Cossacks, suppression, military.*

Всплеск революционного движения в Кубанской области во второй половине 1905 г. выразился в увеличении аграрных волнений, участии рабочих и железнодорожников во Всеобщей Октябрьской и Декабрьской забастовках. В результате стачками и забастовками были охвачены все крупные промышленные районы и железнодорожные станции области, такие как Екатеринодар, Майкоп, Ейск, Темрюк, станции Тихорецкая, Кавказская, Крымск, село Армавир, а волнения почтово-телеграфных служащих парализовало практически все телеграфное сообщение в области.

Однако подъем революционного движения привел и к усилению репрессивных мер, которые, по мнению властей, должны были стабилизировать порядок в стране.

Так, в конце октября и начале ноября было объявлено о военном положении в 20 губерниях [28, с.137–139], а для подавления революционного движения была задействована значительная часть армии. Следует отметить, что казачьим частям в восстановлении порядка отводилась главная роль, в результате 1 ноября 1905 г. был объявлен приказ о внеочередной мобилизации уже третьеочередных казаков (в Кубанской области было призвано 24 третьеочередные сотни), а в конце ноября в преддверии начала Всеобщей Декабрьской забастовки и вооруженных восстаний было объявлено о мобилизации всех казачьих полков третьей очереди [2, л.1].

Необходимость в мобилизации третьеочередных казаков была обусловлена не только разрастающимся революционным движением, но и тем, что многие губернаторы просили прислать именно казачьи части, так как на армейские, состоящие из крестьян и заводских рабочих, у местных чиновников надежды не было. Таким образом, значение казачьих частей для правительства в данный период было очень велико.

Однако массовый призыв возрастных казаков из «второй и третьей» очереди не дал должного результата, а наоборот, привел только к отрицательному эффекту, так как именно данные группы казаков оказались наиболее подвержены революционному брожению (казаки тайно посещали рабочие забастовки, а в казармы приглашались активисты социал-демократических групп). Основными факторами, толкавшими казаков на нарушение воинского устава, были усталость от несения длительной «полицейской службы», оторванность от своих семей, а также постоянная агитация со стороны Кубанского комитета РСДРП. Именно данные факторы стали основой в моральном разложении служивое казачество.

Так, в листовках и прокламациях, распространяемых казачьей группой Кубанского комитета РСДРП, говорилось: «Мы, социал-демократы, призываем вас, казаки, стать в ряды народной армии... Казаки... Не дайте себе туманить головы. Отказывайтесь стрелять в народ. Если офицеры будут стрелять в народ, стреляйте в офицеров. Переходите на сторону народа, становитесь в его ряды...» [23, с. 62, 65, 67, 71].

В результате агитации революционное брожение все чаще стало проникать в казачьи части. Частым явлением стало требование казаков по улучшению условий быта и службы, а также довольствию. Однако основным требованием стал отказ от выполнения приказаний своих офицеров по несению полицейской службы, охраны частных имений и экономий и, как следствие, досрочного освобождения от службы.

Первое крупное волнение военных в области произошло 16 ноября 1905 г. в Екатеринодаре среди солдат 252-го Анапского резервного пехотного батальона. Инициаторами выступления стали солдаты 3-й роты рядовой Гущенко и ефрейтор Подкопай. В результате начавшегося волнения были освобождены арестованные солдаты, отстранены от власти все офицеры, а также был выбран временный командир батальона, которым стал унтер-офицер Петр Соловьев. Наиболее революционные солдаты при помощи студента-революционера составили петицию, которая была вручена 17 ноября прибывшему для умирения солдат начальнику Кубанской Области и Войсковому атаману генерал-лейтенанту Д.А.Одинцову [13, л.134–135].

Петиция состояла из 40 пунктов, основу которых составляли не только требования об улучшения условий службы, но и политические; об отмене смертной казни и освобождение всех пострадавших за политические проступки [11, л. 12–13]. Областное руководство, обеспокоенное наличием в Екатеринодаре хорошо вооруженной и восставшей воинской части, вынуждено было удовлетворить некоторые солдатские требования, тем самым успокоив военнотружущих, которые приступили к несению службы. Однако последовавший военно-окружной суд приговорил руководителей

выступления к разным срокам каторжных работ; так, Мамлыга был приговорен к 12 годам, Вышинский и Понаморов – к 2, Тимошенко и Добрынин – к 1 году [21], а унтер-офицер Петр Соловьев расстрелян [16, л. 12].

Выступления «анашцев», в совокупности с возросшей революционной агитацией, послужили основными катализаторами протестного движения в кубанских воинских частях. Однако основной формой протеста оставался отказ от выполнения полицейских функций и участия в усмирении революционного движения. Так, 16 декабря в селе Армавир под руководством военного фельдшера Е.Ф.Мейструка забастовали солдаты Кавказского запасного кавалерийского дивизиона, которые предъявили командиру письменные требования, состоящие из 52 пунктов. После частичного удовлетворения начальством требований солдаты приступили к несению службы [12, л. 10].

Особое внимание со стороны областных властей, а также правительства было приковано к волнениям в 14, 15 и 17 пластунах батальонах, которые должны были отправиться на подавление революционного движения в Закавказье. Однако наличие основного состава батальона из казаков «третьей очереди» призыва, а также революционная агитация послужили основной причиной волнений в данных частях.

Первые волнения с 30 ноября по 3 декабря произошли в 17 пластунах батальона. Собранные в Екатеринодаре мобилизованные казаки (пластуны) должны были отправиться морем из Новороссийска в Батум. Однако в охваченном революционным движением Новороссийске казаки под влиянием революционной агитации отказались нести полицейскую службу, «...высказывая сомнения в правильности их призыва на службу якобы по требованию и за счет купцов, без высочайшего повеления...», и только прибытие в Новороссийск войскового начальства способствовало стабилизации ситуации в батальоне [6, л. 11, 17].

8 декабря 1905 г. на станции Евлах произошли волнения в 14 пластунах батальона, казаки которого, отказавшись подчиняться своим офицерам, вернулись к месту своего формирования в Майкоп. Атаманом Майкопского отдела при личном общении с казаками было установлено, что основная причина недовольства была связана не только с нежеланием казаков участвовать в столкновении армян с татарами (Азербайджанцами), но и в постороннем влиянии, «...которое вне всякого сомнения и есть причина самовольного возвращения людей со службы...» [7, л. 3, 4].

Волнения в 15 пластунах батальона (начались 14 декабря) проходили практически одновременно с волнениями в 14 батальоне. Под влиянием революционной агитации брожение среди пластунов привело не только к их дисциплинарному разложению (открытое курение, пьянство, не всегда отдавали честь офицерам), но и к постоянным выступлениям. Основными требованиями казаков были отказ «...идти куда-либо, кроме станции Славянской, нести службу против внутреннего врага...», требуют подлинного, подписанного царем, манифеста о мобилизации пластунов, говоря, что они призваны на службу панями без ведома царя. Никакие уговоры со стороны офицеров не действовали. В результате было принято решение об отправке батальона в станицу Крымскую (где батальон окончательно был разложен революционной агитацией железнодорожников и рабочих и превратился в неуправляемую толпу), а затем в станицу Славянскую, где казаки после сдачи оружия были распушены по домам [8, л. 67, 68].

Однако разошедшиеся по домам казаки 15 пластунах батальона принялись активно участвовать в революционной агитации местного населения. Так, по сообщением из управления Атамана Темрюкского Отдела от 2 января 1906 г. говорилось, что пластуны активно участвуют в революционном движении иногороднего населения станицы Славянской [4, л. 25, 26]. С подобной революционной агитацией выступали

и казаки 14 пластунского батальона, заявлявшие в своих воззваниях и прокламациях в январе 1906 г.: «...правительство не защита народу, а враг народа..., нас обманывали подачками, нас соблазняли титулом «верных слуг», и мы этим гордились. За то весь русский народ ненавидит казаков...Мы плоть от плоти и кость от кости народа, и где народ, там и мы. Не против народа мы должны идти, а с ним, потому что горе народа – наше горе... Народ требует земли и воли, и мы должны стать рядом с народом и вместе с ним добывать землю и волю...» [23, с. 59–60].

Царское правительство крайне болезненно отреагировало на поступающие сообщения о волнениях в Кубанских казачьих частях. Так, Военный министр 23 декабря 1905 г. в ответе на телеграмму Начальника Кубанской области о волнениях в пластунских батальонах сообщал, что Император Николая II собственноручно на данной телеграмме написал: «... не ожидал, чтобы пластунов могла коснуться пропаганда. Объявить четырнадцатому, пятнадцатому и семнадцатому батальонам, что они опозорили себя в моих глазах» [1, л. 2].

Следует отметить, что волнения в Кубанских казачьих частях происходили не только на территории Кубанской области, но и в других губерниях. Так, в конце ноября 1905 г. начались волнения во 2-м Кавказском полку, находящемся в Ставрополе. Казаки не только предъявили командиру полка «..письменную просьбу...с ходатайством об улучшении быта» [9, л. 1], но и отказывались нести полицейскую службу [10, л. 10]. Казаки «второй очереди» 6-й сотни данного полка, проходя службу в Карсе, 23 ноября 1905 г. вышли к командованию с протестом против выполнения гимнастических занятий (как у казаков «первой очереди»). В результате начальство вынуждено было отменить гимнастику, а казакам рекомендовано заниматься только конными поездками и стрельбой [5, л. 1, 7, 12].

Однако особого размаха и резонанса в кубанском и российском обществе приобрели волнения во 2-м Урупском казачьем полку, начавшиеся одновременно в Екатеринодаре и Новороссийске 16 декабря 1905 г. Основными факторами, подтолкнувшими казаков к волнениям, стали тяжелые условия службы (издевательство со стороны офицеров, плохое питание, использование казаков на грязных работах), волнения в 252-м Анапском и пластунских батальонах, а также активная агитация со стороны Кубанского комитета РСДРП (а именно её казачьей группы под руководством К.В.Волкогонова, В.М.Полуяна, Д.В.Полуяна и Я.В.Полуяна). Новороссийский Совет Рабочих депутатов также активно проводил агитацию среди казаков 2-го Урупского полка, расквартированных в Новороссийске. Рабочие призывали казаков отказаться от несения полицейской службы: «..Незачем вам, братья-казаки, брать на себя унизительную полицейскую службу, и те, которые вас зовут сюда, хотят только для собственной выгоды посеять вражду между вами и остальным русским народом. Ваши товарищи, которые остались еще в Новороссийске, пусть сами решают, что лучше, встретить ли праздник в кругу своей семьи или на часах, охраняя врагов народных» [17, с. 212–213].

В результате выше приведенных факторов «урупцы» так же, как и пластуны, отказались от несения полицейских функций (следует отметить, что до описываемых событий 2-й Урупский полк принимал активное участие в подавлении протестного движения. Так, только за период с 16 февраля по 2 декабря сотни полка 33 раза принимали участие в разгоне демонстраций, забастовок и стачек). Однако революционная агитация в совокупности с тяжелыми условиями службы привели к тому, что наиболее боеспособное казачье подразделение отказалось от дальнейшего прохождения службы. В результате на общем собрании полка 18 декабря был выбран полковой комитет в составе командира полка старшего урядника А.С.Курганова, его

заместителя вахмистра И.В.Бычкова, председателем комитета был выбран фельдшер Н.П.Шумаков. Полковым комитетом в согласии с Кубанским комитетом РСДРП и бастовавшими железнодорожниками в кратчайшие сроки была организована перебриска 4-й и 6-й сотен полка из Новороссийска в Екатеринодар. Областное руководство, обеспокоенное данной ситуацией, предпринимало попытки к усмирению восставших казаков. Так, 19 декабря Наказной атаман Кубанского войска Д.А.Одинцов призывал восставших прекратить волнения [24, с. 142, 149], не получив положительного ответа, заместителем начальника области генерал-майором Бабычем была организована попытка «урупцев» силами 252 Анапского резервного батальона и 2-мя сотнями пластунов, однако данные части уклонились от выполнения приказа.

Для предотвращения возможного кровопролития (так как 19 декабря для подавления волнений «урупцев» была объявлена мобилизация казаков Екатеринодарского отдела [15, л. 5, 7, 9, 11]) 23 декабря казаками было принято решение в полном составе (с кассой и знаменем полка) уйти из Екатеринодара в Майкопский отдел.

По пути следования полка местные жители радостно встречали казаков и выражали им свою солидарность. 27 декабря 1905 г. в станице Келермесской на устроенном митинге местные жители составили приговор, в котором говорилось, что «2-й Урупский полк, а также и 14-й батальон присяги ничуть не нарушали, а, напротив, выполнили её, став на защиту своих законных прав и прав народа, поэтому, мы, нижеподписавшиеся, заявляем, что если хоть один казак вышеуказанных полка и батальона пострадает за поступок полка и батальона, то мы восстанем все поголовно на защиту пострадавшего» [17, с. 219].

28 декабря полк подошел к Майкопу, именно в Майкопе была составлено и отпечатано свыше 540 экземпляров воззвания «От 2-го Урупского казачьего полка. Ко всем гражданам России». В данном воззвании урупцы описывали основные свои причины, подтолкнувшие их на выступление. «Слепо повинувшись нашему начальству, мы ревностно исполняли все его приказания: били народ плетью, разгоняли его прикладами, расстреливали безоружных граждан на улицах, топтали их конями. В холод и голод несли мы службу, но без ропота молчали, думая, что этим исполняем волю государя. А между тем жить нам становилась все хуже и хуже... Нам запрещали ходить на митинги, где говорилась правда..., нас кормили цвельым хлебом, на сухарях была шашель..., лошадей кормили прелой соломой..., нам отвечали на наши просьбы обещаниями передать суду... и угрозами застрелить всякого, который осмелится пожаловаться... Мы поняли, какое преступление мы совершали перед горячо любимой родиной, а потому мы категорически отказываемся от несения полицейской службы, видя её преступность, считая её несовместимостью с воинской честью казака...» [14, л. 88]. Также в воззвании казаки требовали у своих офицеров роспуска полка: «Война окончена, нас держат для усмирения народа, который хочет свободы, хозяйства наши без нас порастроились, многие из нас совсем разорились, наши жены и дети голодают...» [14, л. 88]. В Майкопе на общем собрании полка было принято решение, что основным местом пребывания «урупцев» должна стать станица Гиагинская.

Однако Областные и отдельские власти, понимая, что возможное вооруженное столкновение с «урупцами» приведет не только к большим потерям, но и к расколу в казачестве, так как ушедшие в Закубанье «урупцы» пользовались большим сочувствием среди местных казаков, предприняли попытки уговорить казаков сложить оружие и вернуться на службу. Так, 2 января 1906 г. был издан приказ №2 по Кубанскому казачьему войску, в котором предписывалось всем казакам 2-го Урупского полка вернуться на службу, в Екатеринодар. Однако данные попытки не имели успеха (в Екатеринодар вернулось всего лишь 66 казаков).

О решительности «урупцев» к сопротивлению указывал и тот факт, что при выходе из Екатеринодара каждый казак имел с собой 140 патронов [24, с. 151, 155], а в сотнях поддерживалась строгая воинская дисциплина, высылались разъезды. Станицу Гиагинскую, в которой разместился полк, казаки превратили по сути в «Гиагинскую республику», где печатались и издавались листовки и прокламации революционного характера, постоянно проводились многотысячные митинги, будоражившие всю округу. Именно воззвания «урупцев» и активная агитация местного населения совместно с разошедшимися по родным станицам казаками 14 пластунского батальона сыграли ключевую роль в поднятии протестного движения в Закубанских отделах (Майкопском и Лабинских) зимой 1905–1906 гг.

Массового подъема среди населения так и не произошло. Местные казаки и иногородние ограничивались лишь участием в митингах (в станицах Некрасовской, Гиагинской, Темиргоевской, Тенгинской) и написании приговоров в поддержку «урупцев», а также в участии в погромах поместий и широкомасштабных порубок войсковых и казенных лесов. И только незначительное количество казаков с оружием в руках ушло в станицу Гиагинскую.

Областное руководство, осознавая невозможность мирного решения данной проблемы, как и дальнейшего существования «Гиагинской республики», в конце января 1906 г. приняло решение о проведении войсковой операции. Под руководством атамана Майкопского отдела генерал-майора Косякина был сформирован сводный отряд, состоящий из 2-го Кавказского полка и запасного взвода 3-й Кубанской казачьей батареи, оперировавшего в районе станицы Келермесской, и отряда, находившегося в станице Тенгинской, состоящего из одной сборной сотни от Екатеринодарского отдела, двух сотен 13-го пластунского батальона и взвода 3-й Кубанской казачьей батареи. 5 февраля 2-й Кавказский полк, заняв станицу Келермесскую, прервал телеграфное сообщение с Майкопом, была исключена возможность подхода к восставшим подкреплений из сочувствующих жителей окрестных селений.

Таким образом, станица Гиагинская оказалась между двумя отрядами. 6 февраля урупцам был объявлен ультиматум, на который казаки отвечали, что «с согласия всего полка сдаться не хотят и окажут отряду вооруженное сопротивление», после чего начался артиллерийский обстрел станицы Гиагинской. 7 февраля, чтобы не подвергать мирное население опасности, «урупцы» вынуждены были прекратить сопротивление. Сдачу 2-го Урупского полка принимал лично наказной атаман Д.А.Одинцов, начальник штаба Кубанского войска и атаман Майкопского отдела. Казаки сдали оружие, знамя, денежный ящик, а также повторно были приведены к воинской присяги [17, с.220–224].

После подавления выступления Областные и Кавказские власти приступили к организации судебных процессов. Суду подлежали 426 казаков, из которых 39 были указаны как главные участники. Однако власти в период революционного движения не могли себе позволить столь масштабные судебные процессы над казаками. Для правительства было необходимо скрыть от общественности то, что казачьи части могут выражать не только солидарность и единодушие с революционно настроенным трудовым населением, но и то, что они могут выступать инициаторами революционного движения. В результате было принято решение провести судебный процесс только над 39 наиболее активными участниками данного выступления, а остальных казаков наказывать административными мерами.

Тем не менее судебные процессы над казаками, по мнению правительства, должны были стать назидательным уроком для всего «служивого казачества». Однако расстрелы, ввиду нежелательной реакции среди кубанского казачества, были заменены

на длительные тюремные сроки, так, А.С.Курганов был приговорен к 20 годам тюрьмы, И.В.Бычков, Н.П.Шумаков – к 15 годам, 19 казаков были отправлены в дисциплинарный батальон, 14 – в военную тюрьму, а 3 были оправданы [24, с. 152–153]. Последствия волнений сказались на всем Майкопском отделе как на месте призыва «урупцев». Меры дисциплинарного характера выражались во временном (один год) отказе брать казаков, уроженцев отдела, для прохождения службы в «Конвои Его Императорского Величества» [3, л. 4].

Таким образом, в период революционного движения 1905 г. произошло немало выступлений в казачьих частях. Однако именно восстание 2-го Урупского полка по своему масштабу и организованности было одним из самых серьезных. В отличие от других воинских частей, «урупцы» после выхода из Екатеринодара не разошлись и не сложили оружия, а были настроены на продолжение сопротивления. Однако выступление «урупцев» совпало с угасанием революционной активности в стране, а уход восставших из Екатеринодара и изолированность от рабочих предрешили их судьбу.

Революционные выступления в казачьих и армейских частях не только лишали правительство и местное руководство в самый тяжелый период конца 1905 г. возможности использовать данные части для подавления революционного движения, но и показали, что значительная часть служилого казачества отрицательно относилась к несению полицейской службы. Казаки просили освободить их от выполнения полицейских обязанностей, которые противны их казачьей совести и оскорбляют достоинство казачьего войска [30, с. 481], а также являются позором и срамом казачьему званию [33, с. 135].

Однако, с другой стороны, выступления в казачьих частях имели и слабые стороны. Так, среди казаков еще была сильна преданность монархии, даже в листовках «От 2-го Урупского казачьего полка. Ко всем гражданам России» казаки указывали: «Мы остаемся верными слугами его императорского величества государя императора». В данный период казаки еще всецело доверяли царю, считая, что во всем виновато именно правительство, которое обманывает не только свой народ, но и царя: «Правительство заставило идти нас против воли государя, дозволившего свободу собраний, слова, совести и союзов... Оно заставило нас разгонять собрания, убивать народ...» [14, л. 88]. Даже призывая на помощь солдат 252 Анапского батальона, урупцы свято верили, что царь манифестом 17 октября даровал свободу всем, а правительство угнетает народ: «Вместе будем отстаивать свободу и восстановим царский манифест» [14, л. 107, 109]. По своему характеру данные выступления в казачьих частях в основном были стихийными и малоорганизованными и не приобрели массового характера. В результате основная масса казачьих полков осталась преданной правительству, сыграв ключевую роль в подавлении революционных выступлений 1905–1907 гг.

Список использованных источников и литературы

а) неопубликованные

Государственный архив Краснодарского края

1. Ф.102. Д.32.
2. Ф.318. Оп.2.Д.3342.
3. Ф.318.Оп.2. Д.3255.
4. Ф.318. Оп. 2. Д.3535.
5. Ф.318. Оп.2.Д.3360.

6. Ф.396. Оп.1. Д.11571.
7. Ф.396. Оп.1. Д.11574.
8. Ф.396. Оп.1. Д. 11572.
9. Ф.396. Оп.1.Д.11970.
10. Ф.396. Оп.1. Д.11570.
11. Ф. 454. Оп.1. Д.3300.
12. Ф.454. Оп.1. Д.3280.
13. Ф. 583. Д.390а.
14. Ф. 583. Д.486.

Центр документации новейшей истории Краснодарского края

15. Ф.2830.Оп. 1, Д.641.
16. Ф.2830. Оп. 1. Д. 467.

б) печатные

17. Революционное движение на Кубани в 1905–1907 гг. Сб. документов и материалов. Сост. Г.Н.Чучмай. – Краснодар: Кн. изд., 1956.

18. Хрестоматия по Истории Кубани. под общ. ред. проф. В.В.Касьянова. – Краснодар: Периодика Кубани, 2015. – 400 с.

Периодические издания

19. Заря. Екатеринодар, 1906.
20. Кубанская жизнь. Екатеринодар, 1906.
21. Нова заря. Екатеринодар, 1907.

Монографии, научные статьи

22. История Кубани: под общ. ред. проф. В.В.Касьянова. – Краснодар: Периодика Кубани, 2015. – 352 с.

23. Ильин Л. Восстание 2-го Урупского казачьего полка в 1905 году. – Ростов н/Д.: Севкавказкнига, 1926. – 71 с.

24. Куценко И.Я. Кубанское казачество.– Краснодар: Краснодарское книжное издательство, 1993. – 583 с.

25. Ладоха Г. Очерки Гражданской войны на Кубани.– Краснодар: Кооперативное издательство «Буревестник», 1923. – 122 с.

26. Македонов Л.В. В горах Кубанского края. Быт и хозяйство жителей нагорной полосы Кубанской области. – Воронеж: «Т-во Н. Кравцов и К», 1908.

27. Очерки Истории Краснодарской Организации КПСС. Издание второе, дополненное.– Краснодар: Краснодарское книжное издательство, 1976. – 656 с.

28. Первый Штурм Царизма 1905–1907.– М., «Мысль», 1986. – 251 с.

29. Прошлое и настоящее Кубани в курсе отечественной истории. Часть 1. под. ред. проф. Ратушняка В.Н. – Краснодар: Советская Кубань, 1994.– 272 с.

30. Сватиков С.П. Россия и Дон (1549–1917).– Белград: Издание Донской исторической комиссии, 1924. – 592 с.

31. Трехбратов Б.А. История Кубани с древнейших времен до начала XX века. – Краснодар: Кубанское книжное издательство, 2003. – 440 с.

32. Трут В.П. Казачий излом (Казачество Юго-Востока России в нач. XX в. и в период революции 1917 г.). – Ростов н/Д: Гэфест, 1997. – 253 с.

33. Футорянский Л.И. Казачество России на рубеже веков. – Оренбург: ДИМУР, 1997. – 198 с.

Е.В. Туфанов, И.Н. Карпенко

Ставропольский государственный аграрный университет

**СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ОБЛИК ПРЕДСТАВИТЕЛЯ
ПАРТИЙНО-ГОСУДАРСТВЕННОЙ НОМЕНКЛАТУРЫ –
РОЖДЕНИЕ И РАЗВИТИЕ В 1920-1930-е гг.
(НА МАТЕРИАЛАХ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА)**

В данной статье на основе опубликованных и неопубликованных источников исследуется процесс формирования нового кадрового состава молодого Советского государства. На основе решений партийных форумов анализируется кадровая политика по формированию личного состава органов партийно-государственного управления и отбора кадров на руководящие должности как в центральном, так и местном аппарате управления. На основе архивных документов изучается рождение и развитие регионального управленца.

Регион Северного Кавказа являлся составной частью большого Советского государства, и все процессы, которые проходили в стране, нашли отражение и на Юге страны. Однако Северокавказский край имел ряд специфических особенностей. Как правило, эти районы были преимущественно аграрными, со слабо развитой промышленностью, малочисленным рабочим классом, низким уровнем образования местного населения. Выявлена специфика функционирования местного партийно-государственного аппарата управления. Региональный аппарат органов управления фактически создавался заново. Органами власти на местах стали советы различных уровней: губернские, областные, уездные, волостные и городские. Естественно, на руководящие посты назначались коммунисты с высоким уровнем образования, однако их количество было ограничено, и они, как правило, не являлись представителями рабоче-крестьянского социума, но в то же время представляли их политическое кредо. Социокультурный портрет регионального работника аппарата управления, который сформировался после социальных потрясений 1917 г., позволяет рассмотреть все стороны деятельности органов местного управления. Необходимо отметить, что в личном плане представители органов власти имели свою индивидуальность, которая выражалась в особенностях характера, темперамента, интеллектуальных особенностей.

Кадровая политика также претерпевала серьёзную трансформацию, так как в ее основу легла концепция формирования профессионалов-управленцев и увеличения численного и качественного состава. На территории Северного Кавказа в силу его многонациональности кадровый голод ощущался очень остро, так как среди местного национального состава было крайне мало подготовленных работников партийно-государственного аппарата управления. Для решения этой проблемы – формирования национального кадрового резерва – центральная власть в период 1920-1930-х гг. начинает активно реализовывать политику коренизации аппарата управления.

Кадровая политика центральной власти в 1920–1930-е гг. была направлена на создание более профессионально качественного слоя управленцев. Аппарат управления увеличивался в масштабах и усложнялся. Новые органы управления были сформированы на всех уровнях государственного аппарата. Появились автономные республики и области, которые нуждались в кадровом усилении. На вершине административно-управленческого олимпа в системе государственного аппарата управления были ответственные работники, получившие название «номенклатура».

Ключевые слова: *социокультурный портрет, морально-нравственный облик, партийно-государственная номенклатура, кадровая политика, Северный Кавказ, органы управления, партийный съезд, региональный управленец, Советская политическая система, политика коренизации.*

E.V. Tufanov, I.N. Karpenko
Stavropol State Agrarian University

**THE SOCIO-CULTURAL IMAGE OF THE REPRESENTATIVE
OF THE PARTY–STATE NOMENCLATURE –
THE BIRTH AND DEVELOPMENT OF THE 1920s-1930s
(BASED ON THE MATERIALS OF THE NORTH CAUCASUS)**

This article investigates the process of forming a new cadre of the young Soviet state based on published and unpublished sources. The authors analyze the personnel policy on the formation of the personnel of the party-state administration bodies and the selection of personnel for senior positions in both the central and local administrative apparatus based on the decisions of the party forums. The article describes the birth and development of a regional manager on the basis of archival documents. The North Caucasus region was an integral part of a large Soviet state and all the processes that took place in the country were reflected in the South of the country. However, the North Caucasus Region had a number of specific features. As a rule, these areas were predominantly agrarian, with poorly developed industry, a small working class, and a low level of education of the local population. The article reveals specifics of the functioning of the local party-state administration apparatus. The regional apparatus of the governing bodies was actually created anew. Councils of various levels became local authorities: provincial, regional, county, volost and city. Naturally, communists with a high level of education were appointed to leadership positions, but their number was limited, and as a rule they were not representatives of the workers' and peasants' society, but at the same time they had their political credo. The socio-cultural portrait of a regional employee of the administrative apparatus, which was formed after the social upheavals of 1917, allows us to consider all aspects of the activities of local government bodies. It should be noted that naturally, in personal terms, representatives of the authorities had their own individuality, which was expressed in the peculiarities of character, temperament, intellectual characteristics. The personnel policy of the central government in the 1920s – 1930s was aimed at creating a more professionally high-quality layer of managers. The management apparatus increased in scale and became more complicated. New governing bodies were formed at all levels of the State apparatus. Autonomous republics and regions needed personnel strengthening. The top of the administrative and managerial Olympus in the system of the state administration apparatus was headed by responsible employees and received the name "nomenclature".

Key words: *Socio-cultural portrait, moral and moral image, party-state nomenclature, personnel policy, the North Caucasus, governing bodies, party congress, regional manager, Soviet political system, policy of root formation.*

В современной исторической науке одной из актуальных проблем является социокультурный анализ представителя той или иной исторической эпохи, так как именно человек является творцом исторического момента. Социокультурный анализ представителя партийно-государственной номенклатуры позволяет рассмотреть и проанализировать через призму определенных характеристик советского управления уровень развития всех сторон социума и государства. Кадровый вопрос являлся во все периоды функционирования политической системы одним из самых актуальных. Однако кадры в структурах центральной власти имели ряд отличий от представителей местной партийно-государственной номенклатуры. Региональные управленцы впитали в себя быт, традиции и обычаи своей малой Родины. Северный Кавказ, в отличие от многих регионов Советского государства, имел ряд специфических особенностей. Исходя из этих факторов решение кадрового вопроса на территории Северокавказского региона было сложным социально-политическим процессом. Полиэтничность региона Северного Кавказа рождала очень важную проблему, такую как национальный вопрос, доставшийся от прежних структур власти. Советская власть в одном из первых

своих принятых основополагающих документов очень четко показала свою позицию по национальному вопросу. В «Декларации прав народов России» акцентировалось равенство народов, отмена национальных привилегий и право народов на самоопределение [5, с. 96]. Таким образом, мы видим, что Советский управленческий аппарат на территории Северного Кавказа должен был комплектоваться при учете всех как объективных, так и субъективных факторов. Анализ становления системы государственного управления на местах и его кадрового наполнения в рамках функционирования советской политической системы позволит раскрыть новые грани российского социума исследуемого периода в политической истории России.

Становление нового слоя управленцев на местах являлось одной из самых насущных проблем государственности. Так, именно представители власти на местах олицетворяют эту власть и реализуют все государственные инициативы. Актуальность проблематики подтверждает издание большого количества специальных работ. Анализируя историографию исследуемой проблематики, необходимо отметить работы Е.Г.Гимпельсона [4]. В своих исследованиях Е.Г.Гимпельсон на основе богатого архивного материала проанализировал становление Советской политической системы и кадровую политику Советского государства. Следует отметить, что в его работах не в полной мере освещен региональный аспект проблемы при становлении местного управленца. Функционирование системы партийно-государственного управления на территории Северного Кавказа осветил Ю.Ю.Карпов в своей монографии «Национальная политика советского государства на северокавказской периферии в 20–30-е гг. XX в.: эволюция проблем и решений» [9]. Однако автор рассматривает деятельность государственной системы в контексте национального вопроса, который являлся в многонациональном регионе очень актуальным. Негативную сторону национальной политики государства в регионе исследовали в своей работе Н.Ф.Бугай, А.М.Гонов, где на основе неопубликованных источников раскрыли трагедии народов Северного Кавказа, связанные с депортацией целых народов региона [2]. Проблему становления и развития партийно-государственной номенклатуры на Северном Кавказе в своих работах анализировал Е.В.Туфанов [12; 13; 14; 15], однако в его работах в меньшей степени рассмотрен национальный вопрос как основополагающий элемент кадровой политики в регионе. По данной проблематике работали следующие иностранные авторы: Ш.Фицпатрик [16], Б.Штудер и Б.Унфрид [17], Э.Модсли и С.Уайт [11]. Однако в работах этих авторов региональный компонент не получил должного освещения, но в то же время работы показывают, какую важную роль в политической системе государства играли политические лидеры – ответственные работники аппарата управления.

Таким образом, целью заявленной работы является сравнительный анализ социокультурного облика ответственного работника аппарата управления в политической системе Советского государства в 1920–1930-х гг., выявление особенностей и специфики делового портрета регионального управленца. Исследование базируется на сравнительном анализе архивных документов исследуемого периода и региона. Анализ материалов основывается на принципах историзма и объективности. Следует отметить, что проблемно-хронологический принцип изучения заявленной темы является основополагающим.

Формирование на территории Северного Кавказа органов партийно-государственного управления являлось одним из элементов строительства Советского государства. Рассматривать этот процесс необходимо через призму личностного начала. Любой социальный взрыв в государстве способен разрушить политическую и государственную систему управления. Таким взрывом в России явились революции

1917 г. и последующая гражданская война. Данные социальные кризисы не только разрушили государственную машину, но и способствовали полной социальной перезагрузке. В результате этой перезагрузки происходит полная замена управленческого состава. Такая социальная группа, как дворянство, исчезает с социальной карты Российского государства, благодаря принятому «Декрету об уничтожении сословий и гражданских чинов». Согласно декрету, все сословия и сословные деления граждан, привилегии и ограничения, сословные организации упразднились, все звания уничтожались и т.д. Оставалось только одно – граждане Российской республики [6, с. 110]. Именно после политических катаклизмов на вершине политической системы управления оказался совершенно новый слой управленцев. Государство возглавили профессиональные революционеры, олицетворяющие интересы рабоче-крестьянского социума. Следует отметить, что в первом Советском правительстве не было ни одного представителя рабоче-крестьянского класса [8, с. 87]. Именно революционеры-профессионалы стали формировать из своей среды органы центральной и местной власти. Однако следует отметить, что данная социальная группа не имела опыта государственного строительства и управления и решала проблемы удержания власти и функционирования органов управления путем проб и ошибок.

После Октябрьских событий 1917 г., в период становления Советской политической системы, очень быстро растет количественный состав РКП (б), но это была не просто дань определенной политической моде, но и жизненная необходимость для нормального функционирования как в центре, так и на местах системы государственного управления. Следует отметить, что члены партии РКП (б), которые имели дореволюционный стаж, не могли обеспечить функционирование органов управления, в силу объективной причины управленцев не хватало. Таким образом, в ряды РКП (б) пошел поток людей из представителей простого народа. Их отличительной чертой являлось отсутствие образования или малограмотность, но в то же время они верили в идеалы, которыми руководствовалась партия. Однако в ряды партии большевиков шли не только по идеологическим соображениям, но и в силу материальной заинтересованности, то есть карьеристы и приспособленцы, что откладывало отпечаток на качественном усилении органов власти.

Региональный аппарат органов управления фактически создавался заново. Органами власти на местах стали советы различных уровней: губернские, областные, уездные, волостные и городские. Естественно, на руководящие посты назначались коммунисты с высоким уровнем образования, однако их количество было ограничено, и они, как правило, не являлись представителями рабоче-крестьянского социума, но в то же время представляли их политическое кредо. Представители рабоче-крестьянских масс на руководящих должностях были, но и они были профессионалами-революционерами без опыта руководящей работы. Исходя из этой ситуации уже весной 1918 г. руководитель государства В.И. Ленин констатировал, что необходимо использовать опыт специалистов-профессионалов в области государственного управления [9, с. 315].

Социокультурный портрет регионального работника аппарата управления, который сформировался после социальных потрясений 1917 г., позволяет рассмотреть все стороны деятельности органов местного управления. Необходимо отметить, что в личном плане представители органов власти имели свою индивидуальность, которая выражалась в особенностях характера, темперамента, интеллектуальных особенностей. Однако, анализируя анкеты делегатов различных партийных и советских форумов и съездов, можно создать общую среднестатистическую картину, которая отражала кадровый состав органов управления в эпоху гражданской войны и политики «Военного коммунизма» по всей стране, и регион Северного Кавказа не оказался исключением.

Именно в период становления Советской политической системы и органов государственного управления, в первую очередь, при назначении на какую-либо партийно-государственную должность учитывалось социальное происхождение и идеологическая преданность доминирующей политической силе. Таким образом, все назначения проводились без учета уровня образования, опыта управления и специфики профессиональной подготовки. Однако необходимо отметить, как указывал Е.Г.Гимпельсон [4, с. 168], отсутствие должного уровня образования и каких-либо профессиональных знаний новоиспеченные управленцы компенсировали работоспособностью, неумной энергией и идеологической преданностью партии. Как правило, во главе советских органов власти стояли члены партии и естественным образом подчинили советские органы партийным принципам управления. Данный факт еще раз подтверждает наличие и безальтернативность однопартийной системы в Советском государстве. Огромное влияние на формирование морально-нравственного облика управленца имела сложная социальная, политическая, экономическая ситуация в государстве. Как отмечал Н.А.Бердяев в своей работе «Истоки и смысл русского коммунизма», «война выработала новый душевный тип, тип, склонный переносить военные методы на устройство жизни, готовый практиковать методическое насилие, властолюбивый и поклоняющийся силе»; «новый душевный тип, призванный к господству в революции, поставляется из рабоче-крестьянской среды, он пришел через дисциплину военную и партийную. Новые люди, пришедшие снизу, были чужды традициям русской культуры, их отцы и деды были безграмотными, лишены всякой культуры и жили исключительно верой. Этим людям свойственно было злопамятство по отношению к людям старой культуры, которое в момент торжества перешло в чувство мести» [1, с. 101–102].

Социокультурный облик партийно-государственного управленца эпохи революции, гражданской войны и периода функционирования политики «Военного коммунизма» формировался в сложный период для государства и гражданина, так как шла полная трансформация системы морально-нравственных норм и самая главная ценность – человеческая жизнь – не имела доминирующего положения в социуме и в системе ценностей гражданина Советского государства. Основная ценность – идеологическая преданность делу партии и вера в победу коммунизма. Методы достижения цели переносились из фронтовой действительности в мирную реальность, к этому алгоритму действий следует прибавить жесткую партийную дисциплину реализации решений центра на местах любой ценой. Таким образом, можем констатировать, что в данный хронологический отрезок формируется своеобразный тип ответственного работника, основанный на личной концентрации, работоспособности, физической силе и выносливости, волевым характере, благодаря этому данный тип руководителя добивается решения поставленных задач. Такой кадровый состав со стандартным набором качеств занял руководящие должности в системе партийно-государственного управления, однако эти кадры являлись своеобразным отражением уровня развития основной массы населения.

Однако период, последовавший после эпохи политики «Военного коммунизма», диктовал новые реалии государственной жизни. Кадровая политика также претерпела серьёзную трансформацию, так как в ее основу легла концепция формирования профессионалов-управленцев и увеличения численного и качественного состава. Это было связано с тем, что аппарат управления стал более громоздким и сложным. На фоне административных преобразований рождаются новые административные единицы: автономные республики и области и т.д. Исходя из этих реалий – нехватки управленческих кадров – в системе государственного управления рождается номенклатура. Номенклатура выполняла две важные кадровые функции – это перечень

должностей и список возможных кандидатур для занимаемой должности. Таким образом, появилась партийно-государственная номенклатура, которая функционировала вплоть до развала Советского Союза. Необходимость отбора кадрового состава на управленческие должности вынудила партийный аппарат строго контролировать этот сложный процесс. Еще на X съезде РКП (б) был принят определенный алгоритм, согласно которому кадровые работники должны были акцентировать свое внимание на таких критериях кандидата, как стаж и подготовка, личные способности для выполнения руководящих обязанностей, социальное положение и происхождение и, конечно, отношение к Советской власти [7, 514–572].

Местные аппараты управления формировались и функционировали в условиях острого дефицита работников. На территории Северного Кавказа в силу его многонациональности кадровый голод ощущался очень остро, так как среди местного национального состава было крайне мало подготовленных работников партийно-государственного аппарата управления. Для решения этой проблемы – формирования национального кадрового резерва – центральная власть в период 1920–1930-х гг. начинает активно реализовывать политику коренизации аппарата управления. Политика коренизации охватывала все стороны жизни и деятельности доминирующего этноса. Перевод делопроизводства на местный язык, подготовка и переподготовка работников аппарата управления, проведение агитационной работы среди местного населения, формирование школ, где преподавание и весь учебный процесс идет на местном языке, ликвидация неграмотности и т.д. Во всех административных единицах Северного Кавказа были составлены планы реализации политики коренизации и поставлены сроки полного перехода делопроизводства на национальный язык. Так как Северный Кавказ многонационален, то, естественно, все населяющие регион этносы общаются на своем языке, однако языком межнационального общения являлся русский язык, именно этот факт очень затруднял перевод делопроизводства на местный язык. Была предпринята попытка создания единого языка в регионе, но она не увенчалась успехом. Политика коренизации дала мощный толчок в развитии национальных меньшинств и способствовала созданию определенного национально-кадрового резерва, который впоследствии становится региональной политической элитой.

Проведенные преобразования в системе кадрового обеспечения и подготовки кадрового резерва способствовали трансформации социально-культурного портрета советского чиновника. Анализ архивных документов позволяет создать среднестатистический портрет представителя аппарата управления Северокавказском крае. Он, как правило, принадлежал к самой активной возрастной группе 30–40 лет. Отметим, что указанные возрастные рамки представителя партийно-государственной номенклатуры были характерны не только для исследуемого региона, но и для всей страны. Можно констатировать, что это была общегосударственная тенденция. Именно о возрасте, когда индивид с максимальной пользой может служить в системе государственного управления. Представитель аппарата управления на Северном Кавказе являлся представителем титульной нации своего региона. Его социальное происхождение было крестьянско-пролетарское, так как регион, в первую очередь, аграрный, то и основная масса населения представляет крестьянский социум. Однако в социальной картине представителей политической элиты присутствовали и представители, которые указывали в анкетах свое происхождение как служащие. Так, мандатная комиссия II Орджоникидзеветской краевой партийной конференции, которая работала в июне 1937 г., констатирует, что делегатов с правом решающего голоса с происхождением из служащих было 31 % [3, с. 6]. Одним из важных критериальных кадровых показателей

было членство в рядах РКП (б) – ВКП (б). Следует отметить, что все анкеты делегатов различных партийных форумов формируют определенную иерархию членства в доминирующей политической силе. Выделяются три определенные категории партийного стажа: 1) дореволюционный, 2) период революций и гражданской войны, 3) 1920-е гг. Как правило, представитель партийно-государственной номенклатуры вступил в ряды РКП (б) – ВКП (б) либо в годы гражданской войны, либо уже в 1920-е гг. Среднестатистический управленец, как правило, имел невысокое образование, но благодаря организации целой системы как партийного, так и общего образования центральная власть всячески содействовала повышению образовательного уровня представителя партийно-государственной номенклатуры.

Социокультурный облик представителя органов управления, конечно, трансформировался, менялся в связи с политической ситуацией в стране и решаемыми задачами. Однако мы можем констатировать, что при активном участии центральной власти сформировался определенный стандарт партийно-государственного руководителя, который соответствовал критериальным показателям советской политической системы.

Список литературы

1. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. – М., 1990. – 224 с.
2. Бугай Н.Ф., Гонов А.М. Кавказ: народы в эшелонах. – М., 1998. – 368 с.
3. Государственный архив новейшей истории Ставропольского края (ГАНИСК). Ф1. Оп 1. Д. 203. Л.
4. Гимпельсон Е.Г. Советские управленцы 20-е годы (Руководящие кадры государственного аппарата СССР). М., 2001. 226 с.; Гимпельсон Е.Г. Советские управленцы 1917-1920 гг. М., 1998. 258с.; Гимпельсон Е.Г. НЭП и Советская политическая система 20-е годы. М., 2000. 440с.; Гимпельсон Е.Г. Россия на переломе эпох Осмысление XX столетия российской истории. М., 2006. 128с.
5. Декларация прав народов России // Документы Октября под ред. М. Москалев. М. 1933. 212с.
6. Декрет об уничтожении сословий и гражданских чинов // Документы Октября. под ред. М. Москалев. – М.1933. – 212с.
7. Десятый съезд РКП (б) // КПСС в резолюциях и решениях съездов конференций и пленумов ЦК. Часть II. – М., 1954. – 832с.
8. Постановление об образовании рабочего и крестьянского правительства // Документы Октября. под ред. М. Москалев. – М., 1933. – 212 с.
9. Карпов Ю.Ю. Национальная политика советского государства на северокавказской периферии в 20-30-е гг. XX в.: эволюция проблем и решений. – Санкт-Петербург, 2017. – 398 с.
10. Ленин В.И. Удержат ли большевики государственную власть? // Полн. собр. соч. Т. 34. – М., 1962. – 344 с.
11. Модсли Э. Уайт С. Советская элита от Ленина до Горбачева. Центральный Комитет и его члены 1917-1991 гг. – М., 2011. – 431 с.
12. Туфанов Е.В. К вопросу об источниках рекрутирования региональных управленцев в 1920–1930-е гг. на материалах Северного Кавказа // Вестник Калмыцкого университета. 2018. №1(37). – С. 32–42.
13. Туфанов Е.В. Становление моральных принципов нового руководителя в партийных дискуссиях // Вестник Калмыцкого университета. 2017 №3(35). – С.62–68.
14. Туфанов Е.В. Становление и развитие советской региональной партийно-государственной номенклатуры в 1921–1939 гг. (на материалах Северного Кавказа): дисс....док.ист.наук. Ставрополь 2019. – 500 с.

15. Туфанов Е.В. К вопросу о роли системы учета кадров в процессе формирования партийно-государственной номенклатуры в 1920–1930-е гг. на материалах Юга России // Вестник Калмыцкого университета. 2018 №3(39). – С.48–56.

16. Фицпатрик Ш. Команда Сталина. Годы опасной жизни в советской политике. – М., 2021. – 528с.

17. Штудер Б. Унфрид Б. Сталинские партийные кадры. Практика идентификации и дискурсы в Советском Союзе. 1930-х гг. – М., 2011. – 247с.

В.Б. Убушаев¹, С.В. Виноградов²

¹Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова

²Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева

КАЛМЫЦКАЯ АВТОНОМНАЯ ОБЛАСТЬ В ПЕРИОД ПОЛИТИЧЕСКОГО И ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСОВ В СССР В 1923-1925 гг.

В статье затрагиваются некоторые важные события истории Калмыкии 1920-х гг., такие, как конфликт в руководящих органах Калмыцкой автономной области между ответственным секретарем обкома И.Р.Марбуш-Степановым и Председателем КалмЦИК А.И.Чапчаевым, а также резкое ухудшение экономического положения Калмыкии в 1923-1924 гг. В статье эти события рассматриваются в контексте крупных процессов общесоюзного масштаба. Имеются в виду политический кризис, выразившийся в борьбе различных властных группировок внутри правящей партии за власть в 1923-1925 гг. (борьба большинства ЦК РКП(б) – ВКП(б) во главе с И.В. Сталиным против троцкистской, а затем «Новой оппозиции»), и экономический кризис 1923-1924 гг., или «кризис сбыта», который стал серьезным испытанием для советской экономики.

Помимо этого, в статье анализируются проблемы нового районирования СССР. Авторы связывают возникновение планов местных элит по объединению соседних территорий, а также территориальные споры между соседними административно-территориальными образованиями в 1920-е гг. с работой Комиссии Госплана по районированию во главе с Г.М. Кржижановским. Целью работы Комиссии являлась выработка плана по изменению административно-территориального деления страны под цели и задачи готовящейся индустриализации.

В работе использованы документы Российского государственного архива социально-политической истории и Бюджетного учреждения Республики Калмыкия «Национальный архив», материалы региональных политических и экономико-статистических периодических изданий 1920-х гг., очерки истории региональных организаций КПСС, исследования калмыцких историков. Методология статьи представлена совокупностью общенаучных принципов исследования (системность, объективность, историзм) и конкретно-исторических методов.

Ключевые слова: СССР, РКП(б), Калмыцкая автономная область, Элиста, Астрахань, кризис, экономика, районирование, индустриализация.

V.B. Ubushaev¹, S.V. Vinogradov²

¹Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov

²Astrakhan State University named after V.N. Tatishchev

KALMYK AUTONOMOUS REGION IN THE PERIOD OF POLITICAL AND ECONOMIC CRISES IN THE USSR IN 1923-1925

The article touches upon some important milestones in the history of Kalmykia in the 1920s, such as the conflict in the governing bodies of the Kalmyk Autonomous Region between the executive secretary of the regional committee I.R. Marbush-Stepanov and Chairman of the Kalmyk central committee A.I. Chapchaev, as well as a sharp deterioration in the economic situation of Kalmykia in 1923-1924. The article considers these events in the context of major processes on an all-Union scale. This refers to the political crisis, expressed in the struggle of various power groups within the ruling party for power in 1923-1925. (the struggle of the majority of the Central Committee of the

RCP (b) – VKP (b) led by I.V. Stalin against the Trotskyists, and then the “New Opposition”), and the economic crisis of 1923-1924, or “sales crisis”, which became a serious test for the Soviet economy.

In addition, the article analyzes the problems of the new zoning of the USSR. The authors attribute the emergence of plans of local elites to unite neighboring territories, as well as territorial disputes between neighboring administrative-territorial entities in the 1920s, with the work of the State Planning Committee on regionalization headed by G.M. Krzhizhanovsky. The purpose of the Commission’s work was to develop a plan to change the administrative-territorial division of the country in accordance with the goals and objectives of the upcoming industrialization.

The article is based on the documents from the Russian State Archive of Socio-Political History and the Budgetary Institution of the Republic of Kalmykia “National Archive”, materials from regional political and economic-statistical periodicals of the 1920s, essays on the history of regional organizations of the CPSU, studies of Kalmyk historians. The methodology of the article is represented by a set of general scientific principles of research (consistency, objectivity, historicism) and specific historical methods.

Key words: *USSR, RCP(b), Kalmyk Autonomous Region, Elista, Astrakhan, crisis, economy, zoning, industrialization.*

Введение

В 1923–1924 гг. СССР столкнулся с серьезными вызовами в политической и экономической сфере. Политический и экономический кризисы происходили одновременно, усиливая друг друга, затрудняя выработку эффективных стратегий по их преодолению.

В связи с отходом от дел из-за болезни в 1922 г. В.И.Ленина усилилась борьба за власть внутри высших партийно-государственных органов между так называемой «руководящей тройкой» в составе И.В.Сталина, Г.Е.Зиновьева и Л.Б.Каменева с одной стороны и Л.Д.Троцким с другой. Так как соперники являлись самыми авторитетными на тот момент руководителями РКП(б), имевшими большое количество сторонников на всех уровнях партийно-государственной вертикали, то борьба между ними серьезно ослабляла партию и государство, вела к усилению перегибов и сключничеству в местных партийных организациях. В Калмыцкой автономной области (далее – КАО) эти события вылились в конфликт между ответственным секретарем обкома РКП(б) И.Р.Марбуш-Степановым и Председателем КалмЦИКа А.И.Чапчаевым.

Одновременно с возрастанием политической напряженности в экономике в 1923–1924 гг. развивался так называемый «кризис сбыта». Главной его причиной стала деятельность созданных в ходе промышленной реформы 1922 г. крупных производственных объединений в виде трестов и синдикатов, ставших отраслевыми монополистами. Эти объединения были заинтересованы в удорожании своей продукции, а государство на тот период не имело эффективных рычагов для регулирования их деятельности. «Кризис сбыта» способствовал разорению крестьянских хозяйств, ухудшению положения рабочего класса, росту социальной напряженности в стране. В КАО цены на промтовары были выше, чем в соседних губерниях. К тому же в период «кризиса сбыта» значительно упали цены на животноводческую продукцию, что больно ударило по экономическому благополучию жителей автономной области.

В статье использованы документы Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ) и Бюджетного учреждения Республики Калмыкия «Национальный архив» (БУ РК НА), сборники опубликованных документов, материалы региональных политических и экономико-статистических периодических изданий 1920-х гг.: «Вестник Калмыцкого обкома ВКП(б)», «Нижнее Поволжье», «Наш край», «Хозяйство на новых путях» и др.

Ряд работ отечественной историографии посвящён проблемам развития КАО в исследуемый период. Это обобщающие коллективные монографии по истории Калмыкии, рассматривающие в том числе и интересующий нас хронологический период [12; 22]. Отдельные аспекты реализации новой экономической политики в Калмыкии нашли отражение в работах А.И.Наберухина, В.Б.Убушаева [20; 25], К.Н.Максимова [15; 16], Е.Н.Бадмаевой [2], А.И.Бугаева [4]. Монография М.П.Иванова раскрывает подробности политической борьбы в КАО в 1920-е гг. [11]. Биографические сведения об известных политических деятелях Калмыкии А.И.Чапчаеве и А.М.Амур-Санане изложены в исследованиях А.И.Наберухина и В.Б.Убушаева [20].

Основная часть

В 1923 г. экономика СССР столкнулась с масштабными трудностями, переросшими в серьёзный кризис. Крестьянство, которое в условиях новой экономической политики получило возможность свободно распоряжаться частью произведённой продукции, сумело в короткие сроки заполнить рынок продовольственными товарами. Цены на эти товары впервые с 1921 г. стали понижаться. Восстанавливавшаяся после гражданской войны промышленность также довольно скоро стала наращивать выпуск продукции. Спрос на нее стабильно рос. Но вопреки обещаниям руководства правительства цены на промышленные товары, в отличие от продовольствия, постоянно повышались. По известному выражению Л.Д.Троцкого, процесс разнонаправленного движения промышленных и сельскохозяйственных цен получил название «ножниц» [1, с. 320].

«Лезвия ножниц» продолжали расходиться в течение всего 1923 г., больно ударяя как по планам восстановления экономики, так и по рядовым гражданам. Ведущий краевой экономико-статистический журнал «Нижнее Поволжье», орган Саратовской губернской плановой комиссии, приводил на своих страницах следующую динамику ежеквартальных изменений цен в течение 1923 г. на промышленные и сельскохозяйственные товары (как это было принято в 1920-е гг., цены считались от уровня 1913 г.) [21, с. 54].

Ежеквартальные индексы цен на промышленные и с/х товары в 1923 г.

	01.01.	01.04	01.07	01.10
Индекс цен на пром. товары	130%	145%	150%	170%
Индекс цен на с/х товары	83%	70%	65%	50%

В таблице приводились данные, отражавшие ситуацию в целом по СССР. В губерниях Нижнего Поволжья, еще не оправившихся от последствий голода 1921 г., разница в ценах была еще более существенной [23, с. 186].

Осенью 1923 г. в Царицыне – региональном центре металлургической промышленности – пуд ржи стоил столько же, сколько стоили 2 фунта гвоздей, тогда как в 1913 г. его стоимость равнялась 10 фунтам гвоздей [27, с. 45]. В известной своими рыбными богатствами Астраханской губернии цены на рыболовные снасти в 1923 г. увеличились 5 раз, а закупочные цены на рыбу-сырец понизились в 6 раз [10, с. 5]. В августе 1923 г. из-за «ножниц» покупательная способность крестьянства упала в 3 раза по сравнению с 1913 г. [21, с. 54].

Зимой 1923/1924 гг., несмотря на принимавшиеся меры, разница в ценах продолжала увеличиваться [8, с. 69]. В январе 1924 г. на совещании партторгов крупнейших заводских партторганизаций Саратова констатировалось, что предприятия города, гоняясь

за более высокими доходами, сознательно завышали цены на свои изделия. В качестве примера приводился Саратовский маслотрест, цены на товары которого поднялись с октября 1923 г. на 75% [21, с. 55].

Основной причиной кризиса стали ошибки со стороны Высшего Совета народного хозяйства (ВСНХ) в регулировании деятельности крупных объединений промышленных предприятий: трестов и синдикатов. А низкую прибыль от продаж они компенсировали получением государственных кредитов на развитие под низкий процент.

Но по столь высоким ценам промышленная продукция была не по карману потребителям. Шло заговаривание оптовых складов промышленной продукции. Зарплата на многих предприятиях стала задерживаться, а рабочие места сокращаться. Вновь поползла вверх безработица [3]. В январе 1924 г. в Астрахани было около 12 тыс. безработных, что было в два раза больше, чем год назад [24, л. 4]. Таким образом, экономический кризис способствовал росту социальной напряженности в стране.

В Калмыцкой автономной области, вследствие отдаленности ее от экономических центров, цены на промышленные товары были еще выше, чем в соседних губерниях. Так, если в Астрахани пуд керосина в мае 1923 г. стоил 1,5 рубля, то в Элисте он оценивался уже на 2 рубля выше – в 3,5 рубля [7, л. 45]. Из-за значительного нарушения ценовых пропорций в период «кризиса сбыта» обесценивался основной товар калмыцкой степи – крупный и мелкий рогатый скот [6, л. 53].

Победа «рыночников» в Наркомфине и ВСНХ в 1922–1923 гг. способствовала стремлению снизить до минимума финансовые обязательства центральной власти и переложить их на слабые местные бюджеты. Выражая несогласие с подобным несправедливым перераспределением финансовых обязательств, ответственный секретарь Калмыцкого обкома РКП(б) И.Р.Марбуш-Степанов в сентябре 1923 г. опубликовал в «Вестнике Калмыцкого обкома РКП(б)» статью «Не НКНАЦ, а НКФИН формирует национальную политику» [9, с. 1]. Калмыцким большевикам было за что обижаться на «финансово-экономический блок» правительства. Требование финансовых органов по ликвидации дефицита областного бюджета с одновременным увеличением нагрузки на него не могло быть выполнено из-за отсталости экономики и хозяйственной разрухи, оставшейся со времен гражданской войны. Поэтому в первой половине 1920-х гг. местный бюджет Калмобласти сводился с немалым дефицитом и нуждался в подпитке из центра. Так, бюджет 1923 г. был сверстан с дефицитом в 59% [27]. Финансовый кризис в Калмыкии усугубляла значительная экономическая зависимость автономной области от соседей: Астраханской, Царицынской и Ставропольской губерний. Даже часть доходов местного бюджета, например, налоги с деятельности калмыцких торгово-промышленных предприятий, уходила в бюджеты этих территорий, так как там находились их центральные конторы [18, с. 14].

Объективно, недальновидный курс Наркомфина вел к разорению убыточных территорий и присоединению их к экономически более сильным регионам. «Отсутствие местных ресурсов ставит перед калмыцким народом вопрос: быть ему или не быть», – так эмоционально объяснял текущую экономическую ситуацию участникам Пленума КалмЦИКа в декабре 1922 г. его председатель А.И.Чапчаев [20, с. 54].

Тяжелое экономическое положение привело к конфликту в высшем руководстве КАО. «В решении практических вопросов наметился отход от принципов пролетарского интернационализма на сторону великодержавного шовинизма ответственного секретаря обкома И.Р.Марбуш-Степанова и поддерживавших его коммунистов, а также уклон на сторону местного национализма председателя КалмЦИКа А.И.Чапчаева и поддерживавших его коммунистов» [22, с. 75]. Разбирать разгоравшийся конфликт пришлось

центральный партийным органам. Вначале ЦК РКП(б), ознакомившись с материалами и рекомендациями своей комиссии во главе с ответственным инструктором ЦК Гамбаровым, работавшей в КАО в марте 1923 г., поддержал И.Р.Марбуш-Степанова. Вдохновленные полученной поддержкой, И.Р.Марбуш-Степанов и его сторонники 28.03.1923 г. провели заседание Бюро обкома РКП(б). Бюро констатировало невозможность самостоятельного существования КАО из-за ее экономической несостоятельности. Бюро также просило ЦК о назначении новой комиссии для более глубокого изучения дел в КАО и проведения чистки в областной парторганизации. Чистка задумывалась как инструмент избавления от Чапчаева и его сторонников руками ЦК РКП(б). Самого Чапчаева и его соратника, Манкирова, Бюро обкома КАО считало целесообразным отозвать из автономной области. Но, принимая во внимание сложность политической и экономической ситуации в стране, И.В.Сталин, курировавший аппарат ЦК и Оргбюро, постарался как можно быстрее погасить конфликт в Калмыкии, сделав ставку именно на А.И.Чапчаева.

На заседании Оргбюро 01.06.1923 г. был заслушан доклад новой комиссии ЦК РКП(б) о положении дел в КАО и по нему было принято решение, разительно отличавшееся от мартовского. Оргбюро ЦК РКП(б) поручало ВЦИК проработать стратегию экономической помощи Калмыкии со стороны центральных органов власти. В частности, в бюджет республики должны были быть перенаправлены налоговые отчисления калмыцких торгово-промышленных организаций, конторы которых располагались в соседних губерниях. Помимо этого, благодаря поддержке центра Калмыкия должна была получить помощь в тех сегментах экономической жизни, где ощущался острый недостаток, например, промышленные товары. В КАО стали направляться на работу квалифицированные кадры (врачи, учителя, ветеринары, рабочие), острый дефицит которых особо проявлялся на ее территории. Значительное внимание уделялось развитию землеустройства и обоседлению жителей автономии, ведущих кочевой образ жизни.

Бюро обкома КАО было пополнено сторонниками Чапчаева – Манкировым и Джальковым. К тому же своим решением от 01.06.1923 г. Оргбюро ЦК дало сигнал о том, что вопрос о ликвидации КАО из-за экономических проблем закрыт, похоронив тем самым планы о присоединении национальной области к экономически более сильным территориям.

Обострение экономических проблем в СССР в 1923–1924 гг. проходило на фоне кризиса политической системы. В 1923 г. резко активизировалась борьба властных групп внутри руководства правящей партии, которую усугубил отход от активной деятельности В.И.Ленина. Это, прежде всего, выразилось в конфликте между правящей «тройкой» в составе И.В.Сталина, Г.Е.Зиновьева и Л.Б.Каменева, имевшей большинство в ЦК РКП(б), с одной стороны и Л.Д.Троцким и его сторонниками – с другой [19, с. 182]. Осенью 1923 г. председателю Реввоенсовета удалось навязать своим противникам в ЦК РКП(б) внутрипартийную дискуссию, что на фоне «кризиса сбыта» еще больше запутало и без того непростую политическую и экономическую ситуацию в стране [14, с. 142].

Неоднозначные, а иногда и просто противоречившие друг другу партийные документы и публикации в центральной партийной печати в период дискуссии с троцкистской оппозицией вызвали непонимание у работников партийно-государственного аппарата на местах. Например, в национальных республиках и областях прямолинейно трактовали некоторые положения итогового документа IV совещания ответственных работников национальных областей и республик «Практические

мероприятия по проведению в жизнь резолюции XII Съезда Партии по национальному вопросу», проведенного 9–12 июля 1923 г. в ЦК РКП(б) для разъяснения итогов XII съезда РКП(б). В резолюции этого совещания, в частности, отмечалось: «Коммунист на окраинах должен помнить: я – коммунист, поэтому я должен применительно к данной среде идти на уступки тем местным элементам, которые хотят и могут лояльно работать в рамках советской системы» [14, с. 133]. Вольная трактовка этого и подобных ему расплывчатых положений способствовала нарастанию процесса коренизации, местничества и кумовства в местных партийно-государственных органах, вплоть до низовых работников и обслуживающего персонала [15, с. 285].

С 1921 г. в РСФСР (с 1922 г. в СССР) началась масштабная работа по районированию, то есть по преобразованию старого административно-территориального деления бывшей Российской империи под задачи начинавшейся индустриализации. Для осуществления этой работы была создана Комиссия Госплана во главе с Г.М.Кржижановским. По планам Комиссии на месте прежних 72 губерний должны были быть сформированы полтора десятка новых краев и областей. «Работа большого масштаба и, безусловно, с крупными последствиями в области хозяйственно-экономических взаимоотношений отдельных местностей Республики», – так оценивал деятельность Комиссии Госплана секретарь Астраханской губернской плановой комиссии Г.М.Токарский [17, с. 2].

Намечавшиеся грандиозные административные преобразования, затрагивавшие интересы многих местных элит, а также недочеты и ошибки в работе Комиссии привели к тому, что в публичном поле начались многочисленные дискуссии о будущем той или иной территории, регулярно появлялись фантазии о различных конфигурациях будущих краев и областей. «В этой фундаментальной работе есть одно слабое место – малое участие в ней местных сил» [17, с. 2]. В местной прессе появлялись острые дискуссионные статьи на данную тему. Все это порождало ненужную напряженность в отношениях между соседними регионами и национальными образованиями.

Не остались в стороне от подобных «пустых» диспутов и фантазий местные элиты на юге страны. В одной из публикаций, посвященной будущему районированию, в журнале «Наш край» ее автор высказывает свое негативное мнение по поводу грядущих изменений. «У астраханских работников незыблемо существует отрицательное отношение к объединению в очерченный район с центром в Саратове (будущий Нижневолжский край), и, наоборот, районирование мыслится в виде скотоводческо-рыболовного района по берегу Каспийского моря, начиная на западе от границ Ставропольской губернии и на востоке доходя до р. Эмбы, с центром в г. Астрахани» [18, с. 3].

Трудная экономическая ситуация, сопровождавшаяся ослаблением партийно-государственной вертикали в условиях борьбы различных властных группировок внутри ЦК РКП(б) порождали в КАО поиски скорейшего преодоления хозяйственной отсталости калмыков. Особенно это проявилось в деятельности А.М.Амур-Санана, который выступил в 1923–1924 гг. автором (и соавтором) сразу двух радикальных проектов решения экономических проблем в автономной области, которые значительно отличались от проектов Комиссии Госплана.

В декабре 1923 г. А.М.Амур-Санан обратился с письмом в ЦК РКП(б), в котором развернул проект значительных изменений в хозяйственной жизни калмыков. Он, явно стуча краски, утверждал, что кочевое скотоводство консервирует экономическое отставание Калмыкии от других народов и ведет, в конечном итоге, к вымиранию народа. Главную причину такого «печального будущего» для калмыков он видел в диспропорции между величиной территории КАО и сравнительно редким населением, которое

не способно ее освоить. Автор видел два пути выхода для предотвращения возможного вымирания народа. Во-первых, увеличение, с помощью центра, поголовья скота в автономной области и обучение кочевников передовым приемам животноводства. Во-вторых, обоседление калмыков и сосредоточение всего имевшегося населения на небольшой плодородной территории, пригодной как для скотоводства, так и для земледелия, огородничества, садоводства.

Первый путь А.М.Амур-Санан считал хотя и более привычным для калмыков, но утопичным, ибо народ в тяжелых экономических условиях первой половины 1920-х гг. мог, по его мнению, вымереть быстрее, чем начнет подниматься скотоводство [26, с. 23].

Однако поиски эффективной экономической и административной модели развития Калмыкии этим предложением А.М.Амур-Санана не исчерпались. В начале 1924 г. появился проект создания Калмыцко-Киргизской АССР с центром в Астрахани. Среди авторов проекта были тот же А.М.Амур-Санан и О.Ш.Насунов. Они считали, что объединение двух больших и сходных в хозяйственном отношении (кочевое скотоводство, рыболовство и соледобыча) территорий, с центром в Астрахани (с которой обе территории имели давние экономические связи), позволит гораздо быстрее, используя астраханский предпринимательский опыт, осуществить экономический подъем объединенной республики [11, с. 134].

В 1925 г. после осуждения большинством РКП(б) троцкистской оппозиции и снятием Л.Д.Троцкого с руководства Реввоенсоветом СССР произошел новый раскол в руководстве партии. На этот раз против И.В.Сталина и его сторонников выступила так называемая «Новая оппозиция» во главе с недавними союзниками генерального секретаря: Г.Е.Зиновьевым и Л.Б.Каменевым. Костяк «Новой оппозиции» составили ленинградские коммунисты, отсюда ее второе название – «Ленинградская оппозиция». Но большинство членов проходившего в декабре 1925 г. XIV съезда ВКП(б) осудили деятельность оппозиционеров и поддержали курс на осуществление индустриализации СССР.

Коммунисты КАО еще в канун XIV съезда, в октябре 1925 г., на 7-ой партийной конференции поддержали деятельность высших партийных органов. Значимым элементом такой поддержки представляется принятие резолюции, одобряющей деятельность ЦК РКП(б) и солидаризирующейся с его борьбой против «Новой оппозиции», за единство партии.

Решения, принятые на XIV съезде ВКП(б), также были поддержаны партийными организациями КАО. В принятых на их собраниях резолюциях осуждалась деятельность оппозиционеров. Печатный орган обкома ВКП(б) КАО – «Вестник Калмыцкого обкома ВКП(б)» – также регулярно печатал антиоппозиционные статьи и материалы [5, л. 9].

Инструктор ЦК ВКП(б) Ш.Ибрагимов, проверявший по поручению ЦК ВКП(б) в декабре 1925 г. работу Калмыцкой партийной организации, констатировал, что в ней нет группировок, открыто поддерживавших «Новую оппозицию». В этом же месяце ответственный секретарь Калмыцкого обкома ВКП(б) И.К.Глухов выступил с докладом на заседании отдела организационно-партийной работы ЦК ВКП(б) о перестройке работы областной партийной организации в соответствии с целями, выработанными XIV съездом ВКП(б). В докладе констатировалось, что в автономной области отсутствуют какие-либо группировки, поддерживающие «Новую оппозицию» [13, с. 86–87].

Заключение

Таким образом, несмотря на значительные политические и социально-экономические сложности в СССР в 1923–1925 гг., руководству КАО удалось сохранить и укрепить ее политический статус и с помощью Центра начать процесс восстановления экономики Калмыкии.

Во-первых, руководству Калмыкии удалось доказать несостоятельность планов части чиновников из Наркомфина и ВСНХ уменьшить экономическую помощь КАО и полностью переложить на ее бюджет бремя хозяйственного восстановления автономии.

Во-вторых, опираясь на помощь ЦК РКП(б) и Наркомнаца, удалось преодолеть масштабный раскол в партийно-государственном руководстве КАО, выразившийся в конфликте между ответственным секретарем Калмыцкого обкома РКП(б) И.Р.Марбуш-Степановым и Председателем КалмЦИКа А.И.Чапчаевым.

В-третьих, поддержав позицию И.В.Сталина и его сторонников в период партийных дискуссий с троцкистской и «Новой» оппозициями, руководство КАО сумело значительно укрепить авторитет Калмыкии в партийно-государственных органах СССР. Это позволило привлечь в КАО квалифицированные кадры рабочих и интеллигенции, начать осуществление масштабных программ по строительству первых промышленных предприятий, восстановлению животноводства и обоседлению кочевого населения. Успехи в государственном строительстве и восстановлении экономики страны положительно сказались на хозяйственном положении КАО.

Список литературы

1. XII Съезд РКП (б). 17-25 апреля 1923 г. Стенографический отчет. – М.: Изд-во Политической литературы, 1968. – 903 с.
2. Бадмаева Е.Н. Исторический опыт формирования и развития органов государственного управления в Калмыкии в 1917-1943 гг. – Элиста: Изд-во Калмыцкого научного центра РАН, 2017. – 241 с.
3. Борьба. – 1923. – 10 октября.
4. Бугаев А.И. Калмыкия в период новой экономической политики (1921-1929 гг.): дисс. ... канд. ист. н. – Элиста, 2007. – 214 с.
5. Бюджетное учреждение Республики Калмыкия «Национальный архив» (БУ РК НА). – Ф. Р.-1. – Оп. 1. – Д. 6.
6. БУ РК НА. – Ф. Р.-3. – Оп. 2. – Д. 245.
7. БУ РК НА. – Ф. Р.-28. – Оп. 1. – Д. 467.
8. Вайнштейн А.Л. Цены и ценообразование в СССР в восстановительный период (1921–1925). – М.: Наука, 1971. – 197 с.
9. Вестник Калмыцкого обкома РКП(б). – 1923. – № 9-10.
10. Деятельность рабоче-крестьянской инспекции за 1924/25 гг. – Сталинград, 1928.
11. Иванов М.П. Осуществление ленинской мечты национальной политики в Калмыкии. – Элиста: Калм. кн. изд-во, 1973. – 207 с.
12. История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: в 3 т. / Российская акад. наук, Калмыцкий ин-т гуманитарных исслед. РАН ; редкол.: К.Н.Максимов, Н.Г.Очирова (отв. ред.) [и др.]. – Элиста: Герел, 2009.
13. История Калмыцкой организации КПСС. – Элиста: Калм. кн. изд-во, 1980. – 454 с.
14. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898-1986). Изд. 9-е, доп. и испр. – Т. 3. (1922-1925). – М.: Изд-во Политической литературы, 1984. – 494 с.

15. Максимов К.Н. Калмыкия в национальной политике, системе власти и управления России. – М.: Наука, 2002. – 523 с.

16. Максимов К.Н. Наркомнац РСФСР и нацистроительство в Калмыкии // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. – 2016. – Т. 9. – № 1 (23). – С. 59–66.

17. Наш край. – 1923. – № 1.

18. Наш край. – 1923. – № 2.

19. Наше Отечество. Опыт политической истории. Т. 2. – М.: «Терра», 1991. – 620 с.

20. Наберухин А.И., Убушаев В.Б. Первый председатель КалмЦИКа. – Элиста: Калм. книж. изд-во, 1976. – 121 с.

21. Нижнее Поволжье. – 1924. – № 6.

22. Очерки истории Калмыцкой организации КПСС. – Элиста: Калм. книж. изд-во, 1980. – 454 с.

23. Очерки истории Саратовской организации КПСС. – Саратов, 1965.

24. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). – Ф. 17. – Оп. 11. – Д. 287.

25. Убушаев В.Б. Классовая борьба и укрепление советского строя в Калмыкии (1921–1929 гг.): дисс. ... канд. ист. н. – Москва, 1972. – 194 с.

26. Убушаев В.Б. Революционер, писатель, интернационалист // А.М. Амур-Санан – певец революции (100 лет со дня рождения). Сб. статей. – Элиста: Изд-во Калмыцкого научно-исследовательского института истории, филологии и экономики, 1988. – С. 3–25.

27. Хозяйство на новых путях. – 1924. – № 7.

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

В.Л. Боктаева, Л.А. Никитина

Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова

КОНЦЕПТ ЛОШАДЬ В ПОСЛОВИЧНЫХ ТЕКСТАХ В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ АНГЛИЙСКОГО И РУССКОГО НАРОДОВ

В данной статье авторы исследовали важность употребления концепта лошадь в английских и русских поговорах, частотность их использования, причины частотности в языках. Найдено много общего в использовании пословиц и поговорок в языковом сознании русского и английского народов, выявлены причины сходства использования их в языках. Выявлены различия в использовании концепта лошадь в исследованных языках. В ходе исследования выявлена высокая частотность употребления концепта лошадь в обоих языках, дано объяснение данному явлению.

Ключевые слова: *концепт, лошадь, животное, пословицы и поговорки, языковое сознание, частотность, антропоцентричность, языковая картина мира.*

V.L. Boktaeva, L.A. Nikitina

Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov

CONCEPT HORSE IN PROVERBIAL TEXTS IN THE LINGUISTIC CONSCIOUSNESS OF THE ENGLISH AND RUSSIAN PEOPLES

The article is devoted to the investigation of the importance of using horse concept in English and Russian proverbs, the frequency of their use, the causes of frequency in languages. There are many similarities in the use of proverbs and sayings in the linguistic consciousness of the Russian and English peoples, the reasons for the similarity of their use in languages are revealed. Differences in the use of horse concept in the studied languages are also revealed. During the study, a high frequency of the use of horse concept in both researched languages was revealed, an explanation for this phenomenon was given.

Key words: *concept, horse, animal, proverbs and sayings, linguistic consciousness, frequency, anthropocentricity, linguistic picture of the world.*

В условиях современного мира изменения коснулись всех сфер жизни, в том числе и наук, включая гуманитарные науки. Данные изменения требуют и обновлённых подходов к науке. Одним из современных подходов является особое отношение к такому направлению, как лингвокультурология. Известный лингвист Воробьев В.В. определяет, что «важнейшей задачей лингвокультурологии и её характерной отличительной особенностью является системное представление культуры народа в его языке...» [3, с. 34].

Язык и культура – понятия неразделимые, т.к. человек осознает мир через свои ощущения. Человек считает себя центром вселенной, он негласно является мериллом всего происходящего в мире, он выносит свои суждения по каждому событию вокруг него. Маслова В.А., специалист в области лингвистики текста, когнитивной лингвистики, лингвокультурологии, психолингвистики, лингвопоэтики, полагает, что «признаком языковой картины мира, создаваемой фразеологическими единицами, является её признак – антропоцентричность, т.е. антропоцентричность картины мира выражается в её ориентации на человеке, человек выступает как мера всех вещей: близко – под ногами; темно – ни зги не видно; быстро – и глазом не моргну!» [10, 68].

Созвучны мнению Масловой В.А. и слова Будагова Р.А., советского и российского лингвиста: «Зарубежные знатоки русского языка и русской литературы уже в прошлом столетии отмечали, что в центре русской культуры всегда находился человек, и писатели умели изображать окружающий мир с позиций человека, с позиций гуманизма» [2, с. 249]. Согласно высказыванию Масловой В.А. приходим к выводу, что фразеологизмам отведена важная роль в создании языковой картины мира. К фразеологизмам относим пословицы и поговорки. Единого сложившегося мнения по данному вопросу не существует среди учёных на данный момент.

По поводу самих пословиц и поговорок существует также достаточно много дефиниций. Изучение русских пословиц и поговорок следует начинать с М.В.Ломоносова, он собирал и исследовал их, занимаясь русским языком. Многие учёные, писатели и поэты посвятили свои труды изучению пословиц и поговорок. В.И.Даль предложил следующее определение пословицы: «Пословица – коротенькая притча. Это суждение, приговор, поучение, высказанное обиняком и пущенное в оборот, под чеканом народности» [4, с. 8]. Также В.И.Даль считает, что «в пословицах открываются бесчисленные грани смысла». Понимание пословиц как иносказательных изречений позволяет открыть у каждой из них многообразие и обширность смысла» [5, с. 646]. К примеру, рассмотрим пословицу *Два медведя в одной берлоге не живут*. Можно разглядеть только житейский смысл в одном случае: разлад в семейных отношениях, бытовые неурядицы, оспаривание пальмы первенства в семье, с другой стороны, если брать во внимание отношения среди государственных служащих, то пословица поддерживает право верховенства власти. Таким образом, прочтение и понимание пословицы зависит от ситуации, в которой её употребляют, от интерпретации человека, озвучивающего её. Представляет интерес высказывание Н.И.Кравцова: «В пословицах ярче выражена коллективность творчества, они употребляются в речи большим числом людей. Они (пословицы) более устойчивы в своём тексте, менее других жанров варьируются, хотя, конечно, подчиняются общему закону связи народного творчества с жизнью, изменяются, но их изменения весьма ограничены» [7, с. 67–68].

В своей работе мы руководствовались определением, высказанным Ю.В.Мюррей: «Пословица – это краткое общеупотребительное изречение, заключающее в себя общее суждение или наставление на какой-нибудь случай жизни» [11, с. 3]. Особенно противоречивы мнения лингвистов по поводу определения поговорок. Если в английском языке различий между пословицами и поговорками не проводят, то в русском языке различие очевидно. Согласно Далю В.И., «поговорка – окольное выражение, переносная речь, простое иносказание, обиняк, способ выражения, но без притчи, без суждения, заключения, применения; это одна первая половина пословицы». Вслед за Куниным А.В. мы относим к поговоркам тот тип устойчивых образований, который относят к поговоркам ещё с времён В.И.Даля, т.е. более ста лет. Расширенное же толкование этого термина в языкознании малоэффективно [9, с.21]. В калмыцком языке, например, термин пословица обозначает эталон, образец, пример.

Концептуальная картина мира у каждого народа своя, каждый народ воспринимает мир по-своему. Что подразумевается под языковым сознанием? «Понятие языкового сознания весьма неопределённо. Его сближают с такими понятиями, как языковая картина мира, стратегия и тактика речевого поведения» [12, с. 8]. Под языковым сознанием видится способ освоения окружающей действительности человеком, его понимание мира вокруг него. «Языковая картина мира формирует тип отношения человека к миру (природе, животным, самому себе как элементу мира). Она определяет его отношение к миру» [9, с. 65].

Общеизвестно, что животные присутствуют в жизни человека с незапамятных времён, со времён первого их одомашнивания. Прежде всего были одомашнены собаки, лошади, коты и др. Авторами рассматривается концепт *лошадь* в пословичных текстах английского и русского народов. Прослежено отношение человека к животным, в данной работе представлено отношение людей к лошади/коню.

Термин *концепт* прочно укрепился в науке в середине XX века. Рассмотрим несколько известных определений. Один из лингвистов С.А.Аскольдов-Алексеев дал следующее определение данному термину: «Концепт – это мысленное образование, которое замещает нам в процессе мысли неопределённое множество предметов одного и того же рода» [1, с. 262–269]. У известного учёного В.И.Карасика встречаем следующую дефиницию: «Концепт – это многомерное, смысловое образование, в котором выделяются ценностная, образная и понятийная стороны» [6, с. 16]

В словаре русского языка С.И.Ожегова представлено следующее определение лошади/коня: «Лошадь. Крупное непарнокопытное животное семейства лошадиных» [13, с. 294]. В словаре Макмиллан дано следующее определение понятию «лошадь»: A large animal that people ride [16, с. 692]. В обоих языках подчёркивается, что лошадь – крупное животное. Образы животных очень частотны по употреблению в пословицах и поговорках, т.к. люди издревле приручали животных, они являлись частью их жизни. Как отмечает Птушко С.В., корпус частотных пословиц очень подвижен [15, с. 24–26.]. Некоторые пословицы и поговорки устаревают, перестают быть часто употребляемыми, порой отмирают и совсем. Другие, наоборот, употребляются чаще, чем раньше. Зависит от ситуаций, возникающих в истории перемен.

На момент исследования авторы отмечают, что одним из наиболее частотных в употреблении в пословицах и поговорках оказалось животное *лошадь*, что объяснимо. Лошадь занимает важное место в хозяйстве, в жизни указанных народов. В жизни англичан лошадь занимает значительное место. Слова «Полцарства за коня!», сказанные королём Ричардом I, подтверждают данную мысль. Если в Англии лошадь подразумевалась больше как неотъемлемая часть военных действий или как скаковая, то у русского народа лошадь большее значение имела как животное, предназначенное для работы в хозяйстве. Следовательно, лошадь присутствовала в жизни английского и русского народов издавна, неудивительно, что появилось много пословиц и поговорок о лошади как незаменимой составляющей части жизни человека. Важность лошади для человека была неоспорима. В русском языке: *Помилуй, господи, коня и меня*, хозяин лошади просит господя, прежде о лошади, затем о себе, т.к. лошадь нужна в хозяйстве ежедневно, облегчая труд хозяину, на лошади можно выехать на рынок, в гости в другое село. Гужевой транспорт пользовался большим спросом до того момента, когда научно-технический прогресс внёс значительные перемены в жизнь. Все приведённые пословицы свидетельствуют об уважительном, бережном отношении к лошади. В английском языке: *Though you ride, remember your horse goes on foot*. Когда едешь – помни, что коню бежать приходится. Таким образом, данная пословица также гласит о бережном отношении англичан к своей лошади. Хозяин в первую очередь накормит коня, т. к. *У сытого коня восемь ног*, значит, больше пользы от него. *От хозяйского глаза и конь добрее* призывает пословица быть добрее к своему коню. Накормленный конь быстрее и лучше будет работать. Английская пословица *While the grass grows the horse starves/ Пока трава растёт, лошадь голодает* предупреждает, что лошадь надо накормить вовремя. Лошадь всегда должна быть здоровой, чтобы работать ежедневно. Не зря сложилась поговорка *лошадиное здоровье*, подразумевающая очень

крепкое здоровье. Однако существуют и пословицы, предупреждающие не забывать думать и о себе. Например, *Лошадь жалеть, себя губить*. Накормив лошадь, её владелец должен ехать на лошади, не идти пешком, жалея свою лошадь.

Также лошадиная сила служила в давние времена единицей мощности. По состоянию коня судили и о самом хозяине: *Конь тощой – хозяин скупой*. Встречались владельцы коней, которым был важен, скорее, внешний вид коня, чтобы произвести впечатление на окружающих. Про таких сложилась пословица: *Дуга золочёная, сбруя ременная, а лошадь некормленная*. Другая пословица *Just show me your horse, and I'll tell you who you are/ Просто покажи мне свою лошадь, и я скажу кто ты* позволяет судить об истинном отношении к лошади. В старину лошадь упоминалась и в качестве единицы измерения. На соревнованиях судьи говорили, что участник пришёл на голову быстрее. Особенно это касалось конных скачек. Интересно, что саму лошадь измеряли рукой, т.е. единицей измерения лошади служили руки человека. Сохранилась и поговорка *на голову выше*, которую употребляют, когда хотят отметить умственные возможности людей при сравнении.

Пословицы и поговорки с компонентом лошадь выражали такие характеристики человека, как трудолюбие, выносливость, смелость, осторожность и т.д. *All lay loads on a willing horse*. В русском языке: *Терпеливый всё на себе тянет/Кто везёт, того и погоняют*. О трудолюбивом человеке сложились поговорки: *Рабочая лошадь*; о человеке, работающем много и безотказно: *Работать как лошадь*, т.е. работать много и тяжело. Стоит упомянуть, что уход за лошадью также требовал много сил, времени и терпения. Люди также ассоциировали поведение лошади не только с чертами характера человека, но и с внешностью человека. Русская поговорка *Ну и лошадь эта баба* характеризует крупную, некрасивую и нескладную женщину. О человеке с тяжёлой и вытянутой нижней частью русские говорят: *Лошадиное лицо, лошадиная морда*. Говоря о разнообразии характеров, интересов, наклонностей людей, используем английскую пословицу: *Every man has his hobby – horse/ У всякого свой конёк/ У всякого Филатки свои ухватки*. Английская пословица *Enough to make a horse laugh/ Enough to make a cat laugh/ Смех, да и только* ассоциируется с русской пословицей *Курам на смех*. Ассоциации с животными в языках разные. Тем не менее сходство в том, что и кур, и лошадей рассмешить не представляется возможным.

В исследуемых языках пословицы и поговорки носят зачастую назидательный характер. В английском и в русском языках: *Don't hang all your bells on one horse*. Не вешай все бубенцы на одну лошадь. *Не ставь всё на одну карту*. *Never spur a willing horse*. Хорошего коня не следует подгонять. Не садись на высокую лошадь. *Дай бог тому честь, кто умеет её ценить*. *Don't ride the high horse*. Hold your horses. *Торопись медленно*. *Don't lock the stable door after the horse is stolen*. Не вешай замок на дверь конюшни после того, как украли лошадь. *Don't put the cart before the horse*. Не ставь телегу перед лошадью/Не сажай дерево корнем вверх. *Don't look a gift horse in the mouth/ дареному коню в зубы не смотрят*. Как видно из приведённых примеров, что в английском языке пословицы назидательного характера начинаются, в основном, с отрицания *never, don't*, в русском языке с отрицательного слова *не*. О лени людской гласит поговорка: *Конь не валялся* (т.е. ничего ещё не начато, никто ничего не делал ещё). О человеке, желающем иметь всё самое совершенное, говорят: *He that seeks a horse without fault, has neither steed in his stable nor angel in his bed*. Кто ищет совершенного коня без недостатков, не имеет его в конюшне, также нет у такого и ангела в постели. Русская народная пословица *Калмыцкую лошадь один только калмык и переупрямит* является ярким свидетельством того, что в основе восприятия мира калмыцкого

народа (касается любого другого) присутствуют присущие только им предметные значения, устоявшиеся стереотипы, таким образом подтверждается гипотеза о том, что сознание человека этнически обусловлено. Придавая большое значение лошади, проводя достаточно много времени в долгой дороге, рядом с лошадью, владельцы лошади, наблюдая за её поведением, научились предсказывать погоду: *Зимой лошадь ложится – к теплу. Лошадь трясёт головой и закидывает её кверху – к ненастью. Лошадь фыркает – к дождю.* Более того, появились предсказания о будущих событиях в жизни. Например, *Лошадь фыркает в дороге – к радостной встрече.* В английском языке пословиц с наименованием *лошадь* с предсказанием погоды не найдено, т.к. погода в Англии очень непредсказуемая, поэтому англичане очень много говорят о погоде. Погода – беспроегрешная тема для англичан. Тем не менее предсказывать погоду, тем более связывая с концептом *лошадь*, никто не берётся.

Ассоциации, связанные с лошадью, в пословицах и поговорках обоих народов в подавляющем большинстве положительные. Однако встречаются и выражения, характеризующие грубое отношение говорящего к жизни. Например: horse-laugh (чересчур громкий смех, грубый хохот, осуждаемый в обществе), horserplay (грубые шутки, грубые игры, неприемлемые в культурном обществе).

Таким образом, при освоении социальной действительности английский и русский народы, как в целом и любой другой народ, приобрели много общего в ходе общих исторических явлений, культурных отношений, освоения технологических новшеств, приручения диких животных для использования их в сельскохозяйственном труде, транспортировке тяжелых грузов и т.д., при этом сохраняя свою уникальность. Уместна цитата известного калмыцкого учёного, лингвиста Оконова Б.Б.: «Пословицы показывают взглядов разных народов на различные стороны жизни. Многие пословицы очень близки к пословицам другого народа, а иногда они полностью совпадают по смыслу и языковому оформлению» [14, с. 37]. Становление народов происходило практически по одинаковому сценарию, освоение окружающего мира шло параллельно, контакт с животным миром имел много общего. И английский, и русский народы осознали важность одомашнивания диких животных на пользу людям и т. д. Одним из первых животных, подвергшихся процессу одомашнивания, является лошадь, т.к. лошадь является важной частью жизни обоих народов, в обоих народах присутствует бережное, заботливое отношение к данному виду животного. В большинстве случаев все пословицы отражают одну и ту языковую картину мира. В целом, пословицы и поговорки являются краткой энциклопедией народной мудрости. Однако имеются и различия в миропонимании двух народов. Англичане, для страны которых характерна изменчивая погода, не пытаются особо предсказывать её, поэтому они не связывают погоду с поведением животных, включая и лошадь. Объединяет оба народа любовь к лошади, бережное отношение к ней. Если *лошадь* для англичан, прежде всего, боевой конь, скаковая лошадь, то для русского народа лошадь в первую очередь – рабочая сила, верный помощник в хозяйстве и только затем скаковая лошадь. При всём единстве в употреблении пословиц и поговорок в обоих языках имеются и различия в употреблении пословиц и поговорок о лошади.

Список литературы

1. Аскольдов С.А. Концепт и слово // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста: Антология / Ин-т народов России и др.; Под общей редакцией В.П.Нерознака.– М.: Academia, 1997.
2. Будагов Р.А. Филология и культура.– М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980.– 304 с.

3. Воробьев В.В. Лингвокультурология (Теория и методы). – М.: Изд-во Росс. Ун-та Дружбы народов, 1997. – 331 с.
4. Даль В.И. Пословицы русского народа. – СПб.: Авалон, Азбука-классика, 2007. – 304 с.
5. Даль В.И. Пословицы русского народа/ даль В.И. Даль. – М.: Эксмо, 2008. – 640 с.
6. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс.– М.: ГНОЗИС. 2004. – 389 с.
7. Кравцов Н.И., Лазутин С.Г. Русское народное творчество. Издание второе, исправленное и дополненное.– М.: «Высшая школа»1983.– 448 с.
8. Красных В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: Курс лекций. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2002. – 284 с.
9. Кунин А.В. Фразеология современного английского языка.– М.: 1972, Изд-во «Международные отношения».
10. Маслова В.А. Лингвокультурология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. Заведений. 2-е изд., стереотип. – М.: Издательский центр «Академия», 2004. – 208 с.
11. Мюррей Ю.В. Большая книга русских пословиц и поговорок и их английских аналогов = The Big Book of Russian Proverbs and Sayings with their English Equivalentс/ Ю.В. Мюррей. – М.: АСТ; СПб: Сова, 2008. – 252 с.
12. Никитина С.Е. Устная народная культура и языковое сознание. – М.: Наука, 1993. – 189 с.
13. Ожегов С.И. Словарь русского языка: 70000 слов/ Под ред. Н.Ю. Шведовой. 21-е изд., перераб. и доп. – М.: Рус.яз., 1989. – 924 с.
14. Оконов Б.Б. Калмыцкие народные пословицы и поговорки. – Элиста, Калмыцкое книжное издательство, 1980. – 141 с.
15. Птушко С.В. Лингвистический статус паремий / С.В. Птушко // Филологические науки. Теоретические и методологические проблемы исследования языка. – Н. Новгород, 2010. – С. 24–26.
16. Macmillan Education. Oxford. A division of Macmillan Publishers Limited Companies and representatives throughout the world. 2002. p. 1692

Источники исследования

17. Даль В.И. Пословицы русского народа. – СПб.: Авалон, Азбука-классика, 2007. – 304 с.
18. Даль В.И. Пословицы русского народа/ даль В.И. Даль. – М.: Эксмо, 2008. – 640 с.
19. Кусковская С.Ф. Сборник английских пословиц и поговорок. – Мн.: Выш. шк., 1987. – 253 с.
20. Михайлова Л.И. 2000 русских пословиц и поговорок. Составитель Л.И.Михайлова. – М.: Издательство: Литагент «Центрполиграф». – 30с.
21. Модестов В.С. Английские пословицы и поговорки и их русские соответствия / Составитель Модестов В.С. — М.: Худож. Лит., 2000.– 415 с. (В помощь переводчику).

Г.Б. Есенова

Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова

**ОБРАЗ ОТЦА В РОМАНЕ-ХРОНИКЕ А.М.АМУР-САНАНА
«МУДРЕШКИН СЫН»**

*Статья подготовлена по результатам реализации проекта РФФИ 20-312-90030
«Мир и образы калмыков в русском художественном тексте
(на материале романа-хроники А.М. Амур-Санана «Мудрешкин сын»)»*

Статья посвящена образу отца в романе-хронике основоположника современной калмыцкой литературы А.М. Амур-Санана «Мудрешкин сын». Показано, что в произведении представлена галерея мужских образов. Среди них можно выделить индивидуальные (например, князь Гахаев, Мудре Канкуров, автор-рассказчик Антон и др.) и собирательные (цаган ясн 'белая кость, богач' и хар ясн 'черная кость, бедняк') образы. Установлено, что основанием для типизации служат поведение, поступки, умонастроение, переживания, речь, жесты, которые свойственны всем представителям группы и являются индикаторами их социальной общности. Делается вывод о том, что образ отца, созданный в романе, отражает общественно-политические взгляды А.М.Амур-Санана, убежденного большевика, утверждавшего новую жизнь и новые порядки в Калмыцкой степи на рубеже XIX-XX вв.

Ключевые слова: калмыки, роман-хроника А.М. Амур-Санана «Мудрешкин сын», образ отца, типаж «бедняк».

G.B. Esenova

Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov

**THE IMAGE OF THE FATHER IN THE CHRONICLE NOVEL
BY A.M. AMUR-SANAN "MUDRESHKIN'S SON"**

*The article is written on the results of the project of RFF20-312-90030
"The world and images of the Kalmyks in the Russian fiction
(the materials of the chronicle novel by A.M. Mudreshkin's son)"*

The article is devoted to the image of the father in the chronicle novel of the founder of modern Kalmyk literature A.M. Amur-Sanan "Mudreshkin's son". It is shown that the work presents a number of male images. Among them, individual (for example, Prince Gakhaev, Mudre Kankurov, author-narrator Anton, etc.) and collective (tsaganyasn 'white bone, rich man' and haryasn 'black bone, poor man') images can be distinguished. The author of the novel developed a set of typifications on the basis of their behavior, actions, mentality, experiences, speech, gestures, which are characteristic of all representatives of the group and are indicators of their social community. It is concluded that the image of the father created in the novel reflects the socio-political views of A.M. Amur-Sanan, a convinced Bolshevik who approved a new life and new orders in the Kalmyk steppe at the turn of the XIX-XX centuries.

Key words: Kalmyks, A.M. Amur-Sanan's novel-chronicle "Mudreshkin's son", father's image, "poor man" type.

Роман-хроника «Мудрешкин сын» является автобиографическим произведением [2; 18; 15; 11], в котором выделяются, с одной стороны, герои, являющиеся реальными историческими персонами, с другой – типаж, обобщенные образы людей, чье поведение

и ценностные ориентиры являются индикаторами этнического и социального своеобразия общества в тот или иной период его развития [8; 9]. Основываясь на анализе романа-хроники А.М. Амур-Санана «Мудрешкин сын», научной литературе по лингвокультурным типажам [4; 10; 12; 14], в рассматриваемом произведении можно выделить такие типажы, как *цаган ясн* ‘белая кость, богач’ и *хар ясн* ‘черная кость, бедняк’.

Целью данной статьи является анализ образа Мудре Канкурова, отца Антона Амур-Санана, как типажы калмыцкой лингвокультуры *хар ясн* ‘черная кость, бедняк’ конца XIX – начала XX вв.

Мудре, отец главного героя, является одним из центральных мужских персонажей романа-хроники. Мудре соединяет все образы романа-хроники, с ним связаны ключевые события, о которых повествует роман, а также переживания и поступки автора. Именно из-за отца трагически сложилась жизнь всех членов семьи. Именно отцу на протяжении романа посвящает рассказчик свои размышления, дает оценку его поведению.

Мудре можно рассматривать в качестве типичного представителя *хар ясн* ‘черная кость, бедняк’ конца XIX – начала XX вв. В процессе типизации автор отбирает и художественно обрабатывает фактический материал, раскрывает одни качества, не рассматривает другие. Так, он не рисует внешний облик отца, не сообщает о его возрасте. Из всех черт, свойственных данному герою, он акцентирует внимание на тех, которые помогают увидеть типичные черты социальной группы, к которой принадлежит отец – *хар ясн* ‘черная кость, бедняк’. Выбор выделенных черт личности определяется точкой зрения автора и авторской позицией, которые сформировались в его сознании в ходе участия в общественно-политических событиях эпохи [6], свойственны ему как большевику, активному стороннику советской власти, организатору автономии калмыцкого народа [19; 16; 17; 7; 3; 5; 13].

В описываемый исторический период (конец XIX – начало XX вв.) *«положение калмыков было поистине крайне печальное. Прикрываясь в летний зной и зимнюю стужу грязными овчинами, обсыпанные паразитами, не имея продуктов, лишённые единственного их достояния – скота, калмыки стоят перед лицом физического исчезновения»*[1, с. 177]. Как пишет автор, калмыцкая беднота находилась под двойным гнетом: богатых калмыков, чьи стада вынуждена была пасти за неимением собственного скота, и царских чиновников, которые облагали калмыков непосильными налогами. Пороками родового общества объясняет автор, сам происходящий из бедняцкой среды, негативные поступки, недостойное поведение и отвратительный характер отца, пропойцы-дебошира.

Отец был орудом (букв. ‘вошедший’, ‘чужой’), человеком без рода и племени, которого богатые родичи называли пренебрежительно Мудрешка. Он приходился дальним родственником по женской линии покойного Амур-Санана. Согласно калмыцким обычаям, отпрыски по женской линии считаются чужой костью, поэтому к Мудре относились свысока, унижали и обижали как родичи, так и посторонние люди.

Из-за пренебрежительного отношения окружающих Мудре стал падать духом, пить и постепенно превращается в горького пьяницу. Он вымещал все нанесенные обиды на самых незащитных существах – жене и маленьких детях: до полусмерти избивал их, выгонял в лютый мороз из кибитки.

Побои без всякой причины детей и жены вошли в привычку отца. По утрам он будил сына ударами кулака; избивал его каждый раз, если ему казалось, что сынишка поддел спрятанный в ящик кусочек хлеба; за его стремление учиться; когда мальчик приходил с пустыми руками, не выпросив у соседей мяса или араки (‘молочная водка’);

из зависти, что повзрослевшего сына избрали в старшины и т.д. Избивал членов семьи так, *«как бил рыжую кобылу, безрогую корову и старую, всегда грустную собаку. Животные выдерживали побои лучше нас, но и им порой было не по силам. Однажды старая корова, после того как отец тяжелой палкой несколько раз ударил ее по спине, тихо и бессильно замычала, упала и несколько дней пролежала, не вставая. Сколько я помню случаев, когда после отцовских побоев без чувств лежала моя бедная мать. Да и у меня синяки никогда не сходили с тела, и меня родичи в шутку называли «алык кевюн», то есть «пегий, пестрый мальчик»* [1, с. 30]. В такой обстановке беспричинного гнева и рукоприкладства рос Антон, формировался его характер, для него *«самым невыносимым было злое насилие отца. Мы не знали, когда было хуже: того да, когда отец был пьяный, или когда он был трезвый. Трезвый, в здравом уме, он тиранил нас, а пьяный истязал безумно»*[1, с. 31].

Полуголые, голодные, напуганные, жена с малышами в холод, слякоть вынуждена была прятаться под открытым небом в степи. Причину поведения отца Антон видит в отношении к нему одноклассников, которые всячески унижали и избивали его: *«властные родичи, «омктэ», – так называют калмыки людей, чувствующих за собой силу, – могли постоянно, без всякого повода и основания, бить отца, мать и меня, маленького восьмилетнего мальчугана»* [1, с. 22]. В тексте приводятся многочисленные примеры побоев, унижений отца, а также его избиваний членов семьи. Так, автор повествует о реакции отца на возмущения родственников из-за потери лошади, которую им одолжил Мутол Джимбеев, следующее. *«Отец в первую минуту только зубы стиснул. Ничего не сказал, но смотрел зверем: ноздри раздувались, а сам молчал. Потом набросился вдруг на мать и стал ее бесчеловечно избивать. Затем принялся за меня...Избил ужасно, до бесчувствия»* [1, с. 30].

Из совокупности фактов, жизненных ситуаций автор отбирает те, которые считает типичными и значительными. Такими, по его мнению, являются случаи издевательства над отцом: *«Вдоволь нагдумившись над отцом, Монцхор Джимбеев в довершение всего, без всякого повода, ударил его палкой и пробил ему голову... казаки подняли тяжелораненого отца и потащили...один из казаков ударил его плетью»* [1, с. 19]. Несправедливость заключалась в том, что отца арестовали по ложному обвинению в нападении на Монцхора Джимбеева, который, «защищаясь», ударил отца по голове. В данном случае поступки героев, как считает автор, являются результатом родовых предрассудков калмыков: *«неизменная защита своего, хотя бы и неправого, хотя бы и преступника, и ожесточенная вражда против чужого, хотя бы и справедливого и разумного, – вот характерная черта родового быта»* [1, с. 32].

Никто не протестует против вопиющей несправедливости, раз она совершается в интересах рода. Так случилось, когда родной дядя украл у своего племянника семь коров, а в этом преступлении обвинил безродного Мудре, т.к. *«чего проще: бедняк, оруд, человек беззащитный»* [1, с. 33]. Подобные факты приводят мальчика к горькому заключению: *«Не было ни малейшего просвета, ни одной звездочки на фоне этой мрачной ночи родовых отношений»* [1, с. 33].

Самой отвратительной чертой своего отца рассказчик считает пьянство. В пьяном состоянии отец начинал дебоширить, драться и всегда только усугублял свое положение. На протяжении романа автор приводит целый ряд эпизодов, которыми иллюстрирует поведение и поступки пьяницы, рассказывает о случаях, когда отец пропивал все деньги, которые с огромным трудом зарабатывал сын. Например: *«в последний год я заработал сорок пять рублей, большие деньги, – из них мы не видели ни одной копейки – все пропил отец»* [1, с. 38].

В тексте приводятся факты, подтверждающие безответственное поведение главы семьи. Так, он продавал скот, единственное достояние семьи, а деньги пропивал; пропил и деньги, вырученные от продажи пятнадцати испанских овец и барана, которых подарил Антону за работу князь Гахаев [1, с. 57]. Вопиющим выглядит отношение отца к сыну, проявившееся в следующем эпизоде. *«Когда сын, работавший у князя Гахаева, заболел, он взял двадцать пять рублей у князя на билет и запил. На станции пьяного отца обокрали, даже серьгу из уха вынули; он снова запил и пропил десять рублей, которые ему дали на обратный путь»* [1, с. 44]. Совершенно немислим поступок отца: *«всю землю отец отдал в аренду за бесценнок на несколько лет вперед, а деньги пропил»*[1, с. 58].

Кормильцами семьи становятся мать и маленький сын, а отец только мешает им. Так, *«в самый разгар работ, когда я спешил с починкой поломанной оглобли, явился отец, по обыкновению пьяный, и стал мне мешать...лез драться. Наконец я не выдержал, оттолкнул его, но не так сильно, он упал»* [1, с. 58]. Этот случай послужил причиной для издевательства, подшучивания, острот, зубоскальства однохотонцев. *«И многие потом, лаская при мне своих детей, нарочно приговаривали: «Теперь ты говоришь: «Папа, папа», а вырастешь – отца будешь бить, как Мудрешкин сын»* [1, с. 59]. Отец не только не защищал семью, а напротив, позорил, подавал повод для издевательств над своими детьми со стороны посторонних людей.

Хотя Мудре формально был главой семьи, он ведет себя неподобающе: *«Я работал, выбиваясь из сил, чтобы хоть как-нибудь сколотить и заложить костяк безбедного существования. Казалось бы, то, что было вырвано у жизни со слезами и кровью, должно оберегаться всеми членами нашей семьи. Но не тут-то было. Разрушителем начинавшегося счастья выступил опять мой несчастный отец. С появлением лошадок ему буквально не сиделось. То он поедет, как сорвавшийся ветер, по аймаку, то без всякой надобности поскачет в русское село. И все это делается, чтобы поьянствовать, показать никому не нужное молодечество. Вся его психология была далека от нашей борьбы с нуждой. Он никогда ни в чем не помогал нам, а только мешал. Никудышный был человек!»* [1, с. 180]. Таким образом, через многочисленные случаи, иллюстрирующие конкретные неприглядные поступки и поведение отца, автор создает образ пьяницы, дебошира, безответственного человека, не заботящегося о родных главы семейства.

В кругу родичей отец иногда считался молодцом, поскольку мог угнать чужой скот, и *«это было единственным ремеслом, которое он знал в совершенстве»*. При этом он никогда не зарился на достояние своего ближнего, поскольку считал себя честным человеком: *«никогда в своей жизни у своих родичей даже краешка копытца ягненка не тронул. А у русского хуторянина при случае, конечно, корову угоно. Ведь я честный калмык»* [1, с. 181]. Родичи ценили его за эту особенность калмыцкой «честности», за то, что он пригонял себе и им похищенный скот. *«Пока елось мясо, родичи относились к отцу терпимо, а потом все забывалось, и бывали случаи, когда они не стеснялись клеймить его именем бесчестного человека. Отец ненавидел их в душе, а выпивши, выражал это вслух»* [1, с. 181]. *«Таков был мой отец, заведомо чужой для русских хуторян как калмык, и такой же чужой для своих родичей Джимбеевых как оруд. Он был совершенно одинокий, третируемый и в крайней степени озлобленный человек»* [1, с. 185].

Автор включает в текст один за другим эпизоды, чтобы раскрыть характер отца. Детали облика, элементы поведения, отдельные жесты, описание поступков вводятся в повествование, чтобы представить пороки героя в предельном выражении, чтобы

придать им общественное звучание, символическое значение. Например, из следующего описания предстает падший человек: *«он был совершенно пьян, на нем висели лохмотья, лицо было изранено и распухло, волосы всклокочены, все тело в кровоподтеках и синяках. По всему было видно, что он с кем-то отчаянно дрался. Шапку и бешикет он потерял»* [1, с. 185].

В романе непосредственно не говорится о переживаниях отца, автор «догадывается» о его мыслях и эмоциях. Например, считает, что *«вечное издевательство, постоянные оскорбления, несправедливость, побои... влияли на отца; он падал духом, начал пьянствовать, озлобился и жестокими побоями вымещал свое горе на матери, на мне и сестрах»*[1, с. 19].

Справедливости ради, автор отмечает, что «он не всегда был таким зверем» [1, с. 30]. *«А когда-то и он был молодцом, смелым, лихим наездником, не побоявшимся как-то наказать обидчика князя Бембе, окруженного целой свитой слуг...А потом стал жалким пьяницей»* [1, с. 19]. Автор задает вопрос: «За что погиб человек? За что заклевали его?». По его мнению, виной тому служат пережитки родовизма, согласно которым люди делятся на своих и чужих. Чужих, орудом, можно унижать и обижать, в то время как свои находятся под защитой и покровительством рода. Поэтому на поставленный вопрос автор отвечает однозначно: «За то, что он был орудом. Не был бы отец орудом – он «нашел бы путь иной...» [1, с. 19].

Для создания достоверного портрета личности своего героя автор вводит в текст рассказы из его жизни. Так, для того чтобы продемонстрировать своеобразные представления отца о чести, грехе, включает следующий эпизод. *«Как-то раз пришлось ему ехать с кучкой калмыков по степи. Повстречали они татарина. Спутники отца решили ограбить татарина и убить его, чтобы тот не мог донести о грабеже. Отец вступился за татарина. В грабеже он принял деятельное участие, но потребовал, чтобы татарина не убивали»* [1, с. 30]. Свой отказ отец объясняет тем, что *«боится бога, не хочет брать грех на душу, ведь у него есть дети, растет сын»*. Интересен комментарий автора: *«И хоть бы раз он дал этому сыну леденец, хоть бы раз приласкал его. Никогда! А жизнь татарина ради сына спас»* [1, с. 30].

Судя по поступкам, поведению, отец был чёрствым человеком, не проявляющим любви, нежности к детям, жене и в то же время имеющим своеобразное представление о ценности для него сына. Подтверждает сказанное следующий факт. Когда Антон ушел из дома в поисках лучшей доли на чужбине, *«отец довольно спокойно отнесся к пропаже сына и только лишний раз побил ни в чем не повинную, истерзанную горем мать»* [1, с. 42].

Таким образом, в романе-хронике «Мудрешкин сын» автор нарисовал образ отца как типичного представителя калмыцкой бедноты конца XIX – начала XX вв. Это дебошир, драчун и пьяница, держащий в страхе жену и детей, вымещающий на них злость и обиду за издевательство и унижения его как орудия, чужака со стороны однохотонцев. Это тунеядец, пропивающий скот, землю, деньги, заработанные женой и сыном, обрекающий семью на голод и нищету. В то же время у отца есть своеобразное представление о чести: он не крадет скот у своих, поскольку считает себя «честным калмыком». Он боится бога, ведь «есть дети, растет сын», поэтому не хочет участвовать в убийстве татарина. По мнению автора, некогда смелый мужчина, лихой наездник превратился в ничтожного человека из-за пережитков родового строя. Этот вывод отражает общественно-политические взгляды А.М.Амур-Санана, убежденного большевика, утверждавшего новую жизнь и новые порядки в Калмыцкой степи на рубеже XIX–XX вв.

Список литературы

1. Амур-Санан А.М. Мудрешкин сын. – Элиста: Калмыцкое книжное издательство. – 367 с.
2. Джамбинова Р.А. А. Амур-Санан и калмыцкая литература // А.М. Амур-Санан – певец революции: к 100-летию со дня рождения. – Элиста: Калм. НИИИФЭ, 1988. – С. 26–45.
3. Джимгиров М.Э. А.М. Амур-Санан (1888–1939) // Вестник КНИИЯЛИ. – 1973. – № 8. – С. 8–21.
4. Дмитриева О.А. Лингвокультурные типы России и Франции XIX в. – Волгоград: Перемена, 2007. – 307 с.
5. Есенова Г.Б. Наследие А.М.Амур-Санана // Трудовой вклад народов Юга России в Победу в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Российская науч.-практ. конф. – Элиста: Изд-во Калмыцкого университета, 2020. – С.240–248.
6. Есенова Т.С. Русский язык в Калмыкии: социокультурные портреты и лингвокультурные типы. – Элиста: Изд-во Калмыцкого университета, 2007. – 190 с.
7. Кабаченко Е.Т. Амур-Санан. Жизнь и творчество. – Элиста: Калмиздат, 1967. – 131 с.
8. Карасик В.И. Языковые ключи. – М.: Гнозис, 2009. – 405 с.
9. Карасик В.И., Дмитриева О.А. Лингвокультурный типаж: к определению понятия // Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типы. – Волгоград: Парадигма, 2005. – С. 5–25.
10. Карасик В.И., Ярмахова Е.А. Лингвокультурный типаж «английский чужак». – М.: Гнозис, 2006. – 240 с.
11. Лиджиева Б.Б. Концепция личности в творчестве А.М. Амур-Санана // А.М. Амур-Санан – певец революции: к 100-летию со дня рождения. – Элиста: Калм. НИИИФЭ, 1988. – С. 80–95.
12. Лутовинова О.В. Лингвокультурный типаж «хакер» // Политическая лингвистика. – Вып. 20. – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. пед. ун-та, 2006. – С. 215–229.
13. Майоров Б.Г., Поляков Н.Н. Антон Амур-Санан. – Элиста: Калмиздат, 1970. – 82 с.
14. Макарова Л.И. Англоязычный лингвокультурный типаж «денди» // Антропологическая лингвистика. – Вып. 5. Волгоград: Колледж, 2006. – С. 135–141.
15. Мусова Н.Н. А.М.Амур-Санан – публицист // А.М. Амур-Санан – певец революции: к 100-летию со дня рождения. – Элиста: Калм. НИИИФЭ, 1988. – С. 64–79.
16. Поляков Н.Н. Летописец революции // А.М. Амур-Санан – певец революции: к 100-летию со дня рождения. – Элиста: Калм. НИИИФЭ, 1988. – С. 46–64.
17. Романенко Д.И. О творчестве А. Амур-Санана // Теегингерл. – 1963. – № 3. – С. 57–72.
18. Салдусова А.Г. Роман А.М. Амур-Санана «Мудрешкин сын» (к проблеме литературного героя) // А.М. Амур-Санан – певец революции: к 100-летию со дня рождения. – Элиста: Калм. НИИИФЭ, 1988. – С. 96–112.
19. Убушаев В.Б. Революционер, писатель, интернационалист // А.М. Амур-Санан – певец революции: к 100-летию со дня рождения. – Элиста: Калм. НИИИФЭ, 1988. – С. 3–25.

З.И. Манджиева
Калмыцкий научный центр РАН

К ВОПРОСУ О КЛАССИФИКАЦИИ ДУНСЯНСКОГО ЯЗЫКА

Дунсянский язык (санта) – язык народа дунсян, распространенный на юго-западе провинции Ганьсу Китайской Народной Республики. Согласно данным 2021 г., в КНР насчитывается 774 947 дунсян, при этом численность говорящих на родном языке составляет лишь малую долю. До середины XX в. дунсянский язык не был изучен в достаточной мере. В отечественной литературе сложно найти информацию об ученых Монголии и Китая, занимающихся исследованиями дунсянского языка. Наиболее полное описание дунсянского языка на русском языке было представлено лишь в монографии Б.Х.Тодаевой. В статье представлен краткий обзор классификации дунсянского языка.

Ключевые слова: дунсянский язык, санта, классификация, монгольский язык, дунсянский словарь, дунсяне

Z.I. Mandjjeva
Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences

ON THE CLASSIFICATION OF THE DONGXIANG LANGUAGE

The Dongxiang language (Santa) is the language of the Dongxiang people, spoken in the southwest of Gansu Province of the People's Republic of China. According to the data of 2021, there are 774,947 Dongxiangs in China, while the number of native speakers is only a small fraction. The Dongxiang language was not sufficiently studied until the middle of the XX century. It is difficult to find information in the Russian literature about scientists of Mongolia and China engaged in research of the Dongxiang language. The most complete description of the Dongxiang language in Russian was presented only in the monograph by B. Kh. Todaeva. The article presents a brief overview of the classification of the Dongxiang language.

Key words: Dongxiang language, Santa, classification, Mongolian language, Dongxiang dictionary, Dongxiang.

Введение

Дунсяне (кит. 东乡, пиньинь Dōngxiāng 'Восточное село', по названию местности к востоку от г. Линься провинции Ганьсу; самоназвание – санта; устар. рус. – широнгол-монголы) – монгольская народность, проживающая в Китае. Живут в основном на юго-западе провинции Ганьсу (Дунсянский автономный уезд, уезды Линься и Хэчжэн Линься-Хуэйского автономного округа), а также в Синьцзян-Уйгурском автономном районе и Нинся-Хуэйской автономной области Китайской Народной Республики (далее – КНР).

Дунсянский язык является одним из монгольских языков, сохранившим много специфических черт среднемонгольской эпохи.

Вплоть до 1893 г. в специальной литературе не было информации о дунсянах. Первые сведения о так называемых «широнгол-монголах» появляются в работе Г.Н. Потанина «Тангутско-тибетская окраина Китая и Центральная Монголия», в которой указывается, что они «в конце XIX в. жили отдельными островками вдоль северного и южного берегов Хуанхэ» [7, с. 360]. К широнгол-монголам Г.Н. Потанин от-

носил монгоров, дунсян и баоань. В словарных записях автора впервые были представлены данные о лексических и фонетических особенностях монгорского, дунсянского и баоаньского языков. Однако этого материала было недостаточно, чтобы сделать полную характеристику этих языков. Автор писал: «Часть монгольского племени, о которой мы хотим сейчас говорить, можно бы лучше всего назвать амдосскими оседлыми монголами; амдосскими – в отличие от монголов, обитающих на монгольской плоскости; оседлыми для того, чтоб исключить из этого определения хухунорских олётов, ведущих кочевую жизнь...» [7, с. 342].

Г.Н.Потанин отмечает также, что широнгол-монголы называют себя «чаган монголами» (белыми монголами, монг. цагаан монгол), а китайцы зовут их «Ту-жень» («ту» происходит от кит. (土) ‘земля’, ‘прах’ и ‘человек’ (人). Он замечает в речи широнгол-монголов много особенностей, отличающих ее от языка, на котором говорят на «монгольской плоскости» [7, с. 342].

Из перечня особенностей языка исследователь сделал вывод, что дунсянский язык и другие языки широнгол-монголов относятся к диалекту минхэ (от названия китайского уезда Минхэ) монгорского языка [7, с. 360].

До последнего времени сложно было найти упоминания трудов ученых, занимавшихся исследованиями дунсянского языка. В отечественной литературе наиболее известны научные труды Б.Х.Тодаевой. Благодаря исследованиям Б.Х.Тодаевой в монголоведной науке появились новейшие данные о районах расселения монгольских народностей на территории КНР. Именно из ее работ мировая общественность впервые узнала об особенностях дагурского, дунсянского, баоаньского, монгорского, монгольского и ойратского языков. Ее труды внесли значительный вклад в отечественную и мировую монголоведную лингвистику.

Наиболее полное описание языка содержится в работах Б. Х. Тодаевой «Дунсянский язык» и «Монгольские языки и диалекты Китая». В 1954–1957 гг. Буляш Хойчиевна принимала активное участие в ряде лингвистических экспедиций в КНР. Собранные ею материалы показали, что дунсяне – одна из монгольских народностей, проживающая в провинции Ганьсу КНР, а ее численность по данным переписи населения 1953–1954 гг. насчитывала около 155,5 тыс. Б. Х. Тодаева указывает, что дунсянский язык является одним из тех языков монгольской группы, который сохранил некоторые архаичные черты [11, с. 5].

В настоящее время принято считать, что дунсянский язык относится к южной группе монгольских языков. Несмотря на это, существуют и другие точки зрения относительно его места в монгольской семье языков.

Материалы и методы исследования

Основным источником послужили материалы различных периодов, опубликованные в специальной литературе и посвященные исследованию монгольских языков и диалектов. Также использованы сведения лингвистических экспедиций 1954–1957 гг., в задачи которых входило проведение исследований, определение языковой ситуации, установление основных диалектов и говоров монгольского языка на территории КНР.

В работе использован описательный метод, а также сравнительно-исторический, позволяющий провести анализ структуры древа монгольских языков. В статье рассматриваются различные точки зрения ряда ученых о месте дунсянского языка в общей классификации монгольских языков.

Положение дунсянского языка в классификации монгольских языков

С начала XX в. до настоящего времени стоит вопрос о классификации дунсянского языка. Первая попытка классификации языка были предприняты А.Д.Рудневым.

В 1908 г. А.Д.Руднев разделил монгольский язык на восточные, северные, западные и неопределенные диалекты [8].

Монгольские языки, согласно классификации А.Д.Руднева, делились на восточную, северную и западную группы. В отдельную группу исследователь выделил языки, чье положение оставалось неопределенным, – языки терских, донских и др. калмыков, могольский, шира-югурский и некоторые другие. Позже автор предложил разделить монгольский язык на три группы: южную, среднюю и северную. Из-за недостаточной изученности вопроса эта классификация рассматривалась как приблизительная.

Б.Я.Владимирцов в предложенной им классификации делил монгольские языки на две ветви: западную, к которой он отнес ойратские говоры и могольский язык, и восточную, в которую вошли бурятский, дагурский, южно-монгольские языки и халха-монгольский [2, с. 6]. Об изучении монгольских диалектов академик писал, что южно-монгольские говоры распределяются по нескольким группам. Это восточная, харачинская, чахарская и ордосская группы, которые не исследованы в полной мере [2, с. 9]. Он писал, что «из всех этих диалектов исследованы только говоры Ордосской и Восточной групп <...> и то не с достаточной полнотой. Для других говоров имеется лишь необработанный материал. Ввиду такого положения классификация говоров южно-монгольского наречия, возможно, подвергнется дальнейшим изменениям и дополнениям» [2, с. 9].

Автор «Сравнительной грамматики монгольских языков» Г.Д.Санжеев в своей классификации не указывал принадлежность дунсянского языка к какой-либо группе. Он считал, что шира-югурский, могольский, дагурский и другие языки относятся к архаичным. В его работе рассматриваются лишь монгольский, могольский, бурятский и ойратский языки. Он писал, что «не все еще монгольские языки и их диалекты изучены в достаточной степени, а некоторые из них и вообще не обследованы. Поэтому вполне понятно, что ныне составление сравнительной грамматики монгольских языков может иметь лишь предварительный характер» [10, с. 3]. Того же мнения придерживался ученый Денис Синор, который в своей классификации монгольских языков относил к разным подгруппам только ордосский и халха-монгольский.

Несмотря на то, что первые попытки классификации монгольских языков А.Д. Руднева и Б.Я. Владимирцова датируются началом XX в., дунсянский язык в них учтен не был. Б.Я.Владимирцов указывал, что многие монгольские наречия не исследованы, а имеющиеся данные недостаточны для создания классификации монгольских языков [2, с. 12]. Мы считаем, что в тот период ввиду отсутствия полевых материалов сложно было определить фонетические, морфологические, лексико-семантические особенности языка, поэтому определить положение дунсянского языка было затруднительно. Г.Д.Санжеев и Д.Синор не упоминали дунсянский язык, ведь в тот период не было установлено, что монголы Западного Ганьсу принадлежат к народностям, говорящих на монгольских языках.

Н.Н. Поппе делил монгольские языки на восточные, западные и островные [15, с. 2]. Согласно его классификации, дунсянский язык рассматривался как диалект монгорского языка и таким образом был отнесен к островной ветви. Позже, в 1955 г., автор выдвинул точку зрения о том, что дунсянский язык относится к восточной ветви в данной классификации [15, с. 6–7].

Г.Дерфер, следовавший взглядам Н.Н. Поппе, в своей классификации выделил 4 группы монгольских языков. Это западно-монгольские, восточно-монгольские, центрально-монгольские, северно-монгольские группы диалектов и изолированные языки. Дунсянский язык ученый относил к изолированным языкам, куда также входила монгорская группа диалектов [14, с. 41–43].

Исследователь монгольского языка Т.А. Бертагаев, основываясь на фонетических принципах языка, классифицировал дунсянский как относящийся к западной ветви юго-восточной группы монгольских языков. Эта классификация была построена, основываясь на принципах наличия или отсутствия сингармонизма, а также наличия или отсутствия начальных согласных f-, x-, h- [1, с. 9–12].

М.Л. Беффа и Р. Хамаян относили дунсянский язык к периферийным языкам [13, с. 122]. Причина возникновения такой точки зрения имеет свою историю. После распада монгольской династии Юань (1271–1368) языки тех монгольских народностей, которые остались на завоеванных землях, претерпели сильное влияние других, соседних языков. Тем не менее дунсянам, не имевшим контактов с другими монгольскими народами, удалось хотя бы частично сохранить многие черты средневекового монгольского (среднемонгольского) языка.

В 1993 г. попытку выяснить степень и установить точную датировку глоттохронологических изменений внутри монгольской группы языков предпринял Е.А. Кузьменков. Он провел анализ выборки базовой лексики, включающей 215 слов. Путем сопоставления лексики «Сокровенного сказания» и современного халха-монгольского языка ученый провел замер скорости изменения основного списка. Анализ показал, что монгольский язык распался 620 лет назад, поэтому можно считать, что отделение дунсянского языка от основной группы также датируется этим периодом [5, с. 333].

Н.С. Яхонтова подразделяла живые монгольские языки на три группы, при этом дунсянский язык совместно с монгорским, баоаньским и языком шира-югуров отнесен ею ко второй группе. Это деление связано с сохранением или исчезновением начального спиранта *ф (> x, h), полного или частичного соблюдения сингармонизма или его отсутствия и перелома или сохранения гласного i [12, с. 10]. Автор также пишет о первых перемещениях монгольских племен во время завоевательных походов Чингисхана в XIII в., когда в Афганистане осели моголы. По преданию, тогда же на территорию современной провинции Ганьсу для охраны восточных границ империи Чингисхана были посланы предки монголов и дунсян. Н.С. Яхонтова считает, что именно к этому периоду и относится разделение монгольских языков [12, с. 10].

Фолкер Рыбацки также относил дунсянский язык к юго-восточной подгруппе, наряду с языками хуцзу, минхэ и баоаньским языком. Выделение этих языков в одну группу автор объясняет влиянием тибетского и китайского языков. В своем исследовании он опирался на общемонгольскую выборку из 425 лексем, поэтому выделил близкие друг к другу монгольские языки в одну подгруппу [16, с. 385–89].

Ученые А.В. Дыбо и Ю.В. Норманская придерживались мнения, что дунсянский язык является диалектом монгорского языка. В своей статье «К исторической типологии названий оружия в уральских и алтайских языках» исследователи дают классификацию уральских и алтайских языков. Данные исследования показали, что в V в. н. э. монгольская семья языков распалась на монгольскую и кукунорскую группы: в монгольской группе выделяются две ветви (северно-монгольская и южно-монгольская); к кукунорской подгруппе принадлежат монгорский и дунсянский языки [3, с. 87].

В 2005 г. ученые И. А. Грунтов и О. М. Мазо предложили новую классификацию монгольских языков на основе анализа лексических изоглосс в рамках 110-словного списка базисной лексики. Они провели исследование, выстроив дерево родства монгольских языков. Данные по дунсянскому языку были получены авторами из словарей, текстов и описаний монгольских языков. И. А. Грунтов и О. М. Мазо в своем исследовании использовали метод лексикостатистики, который показал распределение лексических изоглосс и устройство древа монгольских языков. Они выделили три основные

группы: северо-монгольские, дагурский и «архаичные» языки. Дунсянский язык был отнесен к «архаичным» языкам баоаньской подгруппы. Это было обусловлено наличием фонетических изоглосс – сохранением начального *h.

Если вышеперечисленные исследователи относили дунсянский язык к юго-восточной подгруппе или к диалекту монгорского языка, то Й.-О. Свантессон и Сеченцогт, напротив, относили дунсянский язык к западной подгруппе монгольских языков.

Дунсянский язык Сеченцогт определяет к западной ветви монгорской подгруппы. Монгорский язык он делил на монгорский и дунсянский, к которому также относит баоаньский язык и язык канцзя. Автор отмечает, что язык канцзя имеет множество сходных черт с дунсянским языком [18, с. 276–277].

Й.-О. Свантессон предлагал классификацию, основанную на сдвигах гласных. Он писал, что фонологические изменения невозможно упорядочить во времени, возможно, они распространялись географически, а не генетически. Исследователь отмечал, что все монгольские языки, кроме ойратского, претерпели довольно резкие изменения гласных, изменив или даже разрушив гармонию гласных [19, с. 193–207].

М. Шварц и В. Блажек сделали вывод, что построение классификации монгольских языков только на базе лексических изоглосс в списках базисной лексики недостаточно точно отражает реальную лингвистическую ситуацию. Довольно хорошо выделяются большие подгруппы, однако определение более точного классификационного статуса идиом внутри подгрупп требует учета всего комплекса лексических, фонетических и грамматических изоглосс [17, с. 183–184].

Заключение

Изучение монгольских языков имеет длинную историю. Приведенные выше сведения из лингвистических трудов являются лишним доказательством того, что дунсянский язык относится к монгольским языкам, на котором говорят на северо-западе Китая. Сведения об истории дунсян отрывочны, а версии их происхождения самые различные. С течением времени различные языковые контакты способствовали формированию современного дунсянского языка, который развивался обособленно от других монгольских языков. Лексика дунсянского языка специфична и включает множество заимствований из китайского, арабского и тюркских языков.

Несмотря на многочисленные существующие классификации монгольских языков, статус многих языков внутри семьи остается неясным. Исследователи выделяют, в основном, северо-монгольские, южно-монгольские и западно-монгольские языки. В течение долгого времени лексика дунсянского языка оставалась малоизученной, однако из трудов ученых, таких как А. Д. Руднев, Н. П. Поппе, Б. Х. Тодаева, Г. Д. Санжеев, Т. А. Бертагаев и др., можно сделать вывод, что в основу классификации монгольских языков были положены фонетические, временные и лексические принципы.

Многие ученые указывали, что дунсянский язык был не исследован в полной мере. Данные, записанные на раннем этапе его изучения, были недостаточны для того, чтобы классифицировать его в определенную группу.

С начала XX в. ученые относили дунсянский язык к разным группам монгольского языка или не рассматривали вовсе. Одни считали, что его положение неопределенное (А.Д.Руднев, Г.Д.Санжеев, Б.Я.Владимирцов, Д.Синор). Это было обусловлено тем, что в те годы язык был малоизучен, а в отечественной монголоведной науке было мало информации о дунсянском языке. Другие ученые (Н.Н.Поппе, А.В.Дыбо, Ю.В.Норманская) относили дунсянский язык к диалекту монгорского языка, поэтому не выделяли его в отдельную группу. Ученые Т.А.Бертагаев, Н.С.Яхонтова, Й.-О.Свантессон опирались на фонетические принципы, М.Л.Беффа и Р.Хамаян, опираясь на временные принципы, относили дунсянский язык к архаичным языкам.

А.В.Дыбо и Ю.В.Норманская, основываясь на лексических принципах, провели анализ названий оружия алтайской и уральской семей.

Классификация монгольских языков ученых И. А. Грунтова и О. М. Мазо, в целом, совпадает с классификацией Ф. Рыбацки. На основании фонетических принципов они рассмотрели базовую лексику монгольских языков. Данные их исследования показали, что дунсянский язык относится к баоаньской подгруппе архаичных языков. Однако М. Шварц и В. Блажек, также основываясь на базовой лексике, составили свою классификацию современных монгольских языков. Е.А.Кузьменков также проанализировал базисную лексику «Сокровенного сказания монголов», халха-монгольского, калмыцкого, монгорского и дагурского языков.

В настоящее время принято считать, что дунсянский язык относится к южно-монгольской группе. Несмотря на общие принципы классификации монгольских языков, мнения многих ученых не совпадают. В процессе исследования каждый ученый, применяя определенный принцип, сталкивался с некоторыми проблемами. К примеру, при анализе базовой лексики ученые сталкивались с синонимичными обозначениями. Наличие языковых контактов играет важную роль в развитии языка, поэтому выявление заимствований между монгольскими языками из-за близости монгольских языков друг другу очень затруднительно. Немалое количество сходных фонетических и грамматических черт подтверждает тот факт, что родственные языки внутри монгольской языковой группы находились в изолированном развитии. Отсюда можно сделать вывод, что построение классификации, основанной на одном принципе, недостаточно для отображения полной картины. Поэтому классификация в более широком аспекте должна учитывать весь комплекс лексических, фонетических и грамматических принципов.

Список литературы

1. Бертагаев Т. А. Монгольские языки: введение // Языки народов СССР. Монгольские, тунгусо-манчжурские и палеоазиатские языки. – Л., Наука, 1968. – С. 7–12.
2. Владимирцов Б. Я. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия: введение и фонетика. – Л.: Издание Ленинградского Восточного института им. А. С. Енукидзе. Вып. 33. 1929. – 449 с.
3. Дыбо А. В., Норманская Ю. В. К исторической типологии названий оружия в уральских и алтайских языках // Вестник РГНФ. – 2014. – № 2. – С. 84–100.
4. Грунтов И. А., Мазо О. М. Классификация монгольских языков по лексико-статистическим данным // Journal of Language Relationship. – 2016. – № 13(3-4). – С. 205–256.
5. Кузьменков Е. А. Монгольская базисная лексика в «Сокровенном сказании». Mongolica: к 750-летию «Сокровенного сказания». – М.: Наука, 1993. – С. 328–341.
6. Панькин В.М., Филиппов А.В. Языковые контакты: краткий словарь. – М.: Наука, 2011.
7. Потанин Г. Н. Тангутско-тибетская окраина Китая и Центральная Монголия: Путешествие Г.Н. Потанина: 1884–1886. Т. 1–2. СПб: Имп. Рус.геогр. о-во, 1893. – 2 т.
8. Руднев А. Д. Опыт классификации монголов по наречиям // Г. И. Рамstedт. Сравнительная фонетика монгольского письменного языка и халхаско-ургинского говора. СПб: Императорская академия наук, 1908.
9. Рамstedт Г. И. Сравнительная фонетика монгольского письменного языка и халхаско-ургинского говора. СПб: Императорская академия наук, 1908. – 66 с.
10. Санжеев Г. Д. Сравнительная грамматика монгольских языков. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1953. – 238 с.

11. Тодаева Б. Х. Дунсянский язык.– М.: Восточная литература, 1961. – 137 с.
12. Яхонтова Н. С. Монгольские языки // Языки мира: Монгольские языки. Тунгусо-маньчжурские языки. Японский язык. Корейский язык.– М.: Индрик, 1997. – С. 10–18.
13. Beffa M. L. , Hamayan R. Les langues mongoles. Etudes mongoles... et sibériennes 14, 1983 – Pp. 121–169.
14. Doerfer G. Klassifikation und Verbreitung der mongolischen Sprachen. Handbuch der Orientalistik, 5. Bd. Altaistik, 2. Abschnitt: Mongolistik. Leiden / Köln: Brill, 1964. – Pp. 35–50.
15. Poppe N. Grammar of Written Mongolian. Porta linguarum orientalium, Neue Serie, 1. Wiesbaden: Harrassowitz, 1954.
16. Rybatzki V. Intra-Mongolic taxonomy // The Mongolic Languages. London / New York: Routledge, 2003. – Pp. 364–390.
17. Schwarz M., Blažek V. On Classification of Mongolian. Folia orientalia, Vol. 50, 2013. – Pp. 177–214.
18. Siqinchaoketu. 康家语研究 [A Study of the Kangjia language]. Shanghai: 远东出版社, 1999/ С. 276–277.
19. Svantesson J.-O. Mongolic vowel shifts and the classification of the Mongolic languages. Altai Hakpo, 10, 2000. – Pp. 193–207.

*О.В. Маруневич, В.В. Майба**Ростовский государственный университет путей сообщения***ИСКАЖЕНИЕ ИНФОРМАЦИИ
КАК СПОСОБ ЯЗЫКОВОГО МАНИПУЛИРОВАНИЯ
В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ МЕДИАДИСКУРСЕ**

Статья посвящена рассмотрению актуализации речевого приема «искажение информации» в современных российских СМИ. Анализ ряда существующих дефиниций термина «манипуляция» позволил авторам сформулировать свое определение. Под манипуляцией в медийном дискурсе мы понимаем скрытое информационно-психологическое воздействие на адресата с последующим внедрением в его сознание целей, намерений или установок, не совпадающих с уже имеющимися у него целями, намерениями или установками. На основе обширного иллюстративного материала нами было доказано, что искажение информации является одним из ключевых способов языкового манипулирования в современном медиапространстве. Как правило, данный прием реализуется с помощью таких речевых стратегий, как антитеза «свой – чужой» и навешивание ярлыков.

Ключевые слова: *манипуляция, языковое манипулирование, воздействие, медиадискурс, искажение информации, дихотомия «свой – чужой», навешивание ярлыков, адресат, восприятие информации.*

*О. V. Marunevich, V. V. Maiba**Rostov State Transport University***INFORMATION DISTORTION AS A METHOD OF LANGUAGE
MANIPULATION IN MODERN RUSSIAN MEDIA DISCOURSE**

The paper is focused on how the speech technique «information distortion» is actualized in modern Russian media. Analysis of existing definitions of the term «manipulation» allowed the authors to formulate their own one. Manipulation in media discourse is viewed as a hidden information and psychological impact on the addressee followed by subsequent introduction of goals, intentions or attitudes that do not coincide with his ones into his consciousness. Based on extensive illustrative material, the authors have proved that the information distortion is one of the key means of linguistic manipulation in the up-to-date media space. As a rule, the given technique is implemented by such speech strategies as the «in-group – out-group» antithesis and labeling.

Key words: *manipulation, language manipulation, influence, media discourse, information distortion, dichotomy «in-group – out-group», labeling, addressee, perception of information.*

Парадигмальный сдвиг лингвистики в сторону антропоцентризма привел к доминированию тезиса «язык субъекта – объект в языке». В рамках этого постулата язык рассматривается учеными не только как средство общения и передачи информации, но и как средство согласованной совместной деятельности.

Одной из ключевых особенностей коммуникативного процесса при таком понимании языка является воздействие в его специфическом проявлении, а именно – в речевом манипулировании.

Примечательно, что в отечественной науке не сложилось единого определения понятия «речевая манипуляция». Сам термин «манипуляция» восходит к латинскому слову *manipulus* – «горсть», «пучок», которое в свою очередь является контаминацией

слов *manus* – «рука» и *pleo* – «наполнять» [18, с. 57]. Изначально манипуляцией называлась разновидность иллюзионного жанра, использующая для демонстрации фокуса лишь ловкость рук, в отличие от иллюзии, где эффект волшебства достигается за счет технических средств. Со временем данный термин стал обозначать способ воздействия на психику человека, трактуемый как:

- эксплуатация, контроль и использование других лиц в качестве объектов, вещей [23];
- скрытое управление индивидом против его воли, при этом приносящее манипулятору осознаваемые им конкретные преимущества [17, с. 3];
- средство социального контроля и управления [22];
- психологическое воздействие, нацеленное на неявное побуждение объекта манипуляции к совершению определенных действий [5, с. 60];
- игра на человеческих слабостях, обеспечивающих «коммуникативную слепоту» реципиента и делающих его пассивно-послушным в признании правоты манипулятора [3, с. 125]. Данная дефиниция сближается с определением американского исследователя Дж. Рудинова: манипуляция – это «побуждение поведения, посредством обмана или игры на предлагаемых слабостях другого» [12];
- не аргументированное вовсе или недостаточно аргументированное открытое или скрытое (латентное) вербальное воздействие на адресата, имеющее целью изменение его личностных установок (ментальных, идеологических, оценочных и т.д.) [21, с. 10].

Анализируя представленные выше определения, мы можем прийти к выводу, что ключевым признаком манипуляции является скрытый характер воздействия на индивида. Данная мысль коррелирует с мнением Г.А.Копниной, что сущность манипулятивного воздействия состоит в перекладывании ответственности за совершаемые действия на адресата, причем так, чтобы он был уверен в самостоятельности принятия решения [7, с. 21].

Следует отметить, что стремление навязать собеседнику свою точку зрения или сформировать у аудитории необходимые убеждения присуще практически любой сфере жизнедеятельности человека – от рекламы и политики до педагогики и литературы. Так, манипулирование в рекламном дискурсе представляет собой «ситуативно значимое варьирование сознательно и целенаправленно отобранных семантически эффективных языковых средств, призванных на основе возникающих ассоциаций давать волю воображению, вызывать и даже навязывать необходимые образы и чувства, привлекать внимание целевой аудитории с дальнейшим постижением правдивости / ложности предлагаемой рекламной информации» [10]. В психологии – «вид психологического воздействия, искусное исполнение которого ведет к скрытому возбуждению у другого человека намерений, не совпадающих с его актуально существующими желаниями [5, с. 59]. Манипулятивные тактики и приемы активно используются педагогами и в образовательном процессе. Согласно И.В.Одарюк, манипуляция – это осознанная стратегия поведения преподавателя, направленная на вовлечение учащихся в работу для достижения ими актуальных учебных или социально-значимых целей [20].

С точки зрения лингвистики, манипуляция относится к разновидности речевого воздействия. Разграничивая эти два понятия, И.А.Стернин указывает следующее: речевым воздействием называется воздействие на человека при помощи речи, направленное убедить его сознательно принять точку зрения говорящего, сознательно принять решение о каком-либо действии и т.д., тогда как манипулирование имеет своей целью побудить реципиента совершить действие, изменить мнение и т.д., не осознавая этого или вопреки его собственному намерению [16, с. 67].

Воздействие в этих сферах осуществляется с помощью различных типов языковых средств и с учетом особенностей восприятия человеком информации. Однако языковое манипулирование как способ воздействия на аудиторию особенно часто практикуется и играет важную роль в деятельности такого социального института, как СМИ. Язык СМИ – это взаимосвязанный комплекс различных коммуникаций, наделяющий смыслами и значениями разнообразные явления, которые позднее воспринимаются как объективная реальность [8, с. 212].

На наш взгляд, манипуляцией в медийном дискурсе можно считать вид скрытого информационно-психологического воздействия на читателя / зрителя для внедрения в его сознание целей, намерений или установок, не совпадающих с уже имеющимися у него целями, намерениями или установками.

Цель данной статьи заключается в анализе языковых средств и речевых приемов, используемых современными российскими СМИ для воздействия на адресата.

Наше исследование основано на принципе системности, занимающем важное место в определении способов языкового манипулирования в современном российском медиадискурсе. На всех этапах работы применялся индуктивный метод, в соответствии с которым исследование двигалось в направлении от анализа конкретного материала – к обобщениям и выводам. Все теоретические положения обоснованы и проиллюстрированы примерами. При отборе языкового материала использовалась методика сплошной выборки и методика контекстологического анализа.

Материалом для исследования послужили статьи таких российских печатных и онлайн СМИ, как «Российская газета» (далее – РГ), «Московский комсомолец» (далее – МК), «Комсомольская правда» (далее – КП), «Известия», «Свободная пресса», ИА Рех и KM.Ru в период с 2012 по 2022 г. Методом сплошной выборки нами было извлечено и проанализировано 314 статей.

Как показало поведенное исследование, основным видом манипуляции в анализируемых СМИ является искажение информации, реализуемое при помощи речевых приемов. Причем, по справедливому замечанию А.В.Молодыхенко, степень успешности манипуляции напрямую зависит от того, какие именно средства воздействия использует автор текста, и от того, насколько они гибки и вариативны [11, с.42].

К речевым приемам искажения информации, как правило, относят использование бинарной оппозиции «свой – чужой», а также навешивание ярлыков. Данные приемы нацелены на приукрашивание либо, наоборот, очернение действительности, выработку у аудитории необходимых ценностных установок и отношения к освещаемым событиям (одобрение, осуждение, возмущение, порицание и т.д.), тем самым способствуя формированию стойкого негативного / положительного имиджа политической персоны или общественного деятеля, стереотипов и штампов, которые затем активно тиражируются в СМИ и социальных сетях.

Остановимся на каждом из этих приемов подробно. Являясь универсальной категорией коллективного мироощущения и основой самоидентификации по тому или иному признаку, дихотомия «свой – чужой» в разных своих проявлениях (*мужчина – женщина, тепло – холодно, бедный – богатый, верх – низ* и т.д.) пронизывает все сферы человеческого бытия [19, р. 33]. По справедливому замечанию М.М.Бахтина, «без Другого субъект не может иметь знания ни о себе, ни о мире» [2, с. 18]. При этом следует отметить, что граница понятия «чужой» всегда абстрактна, условна и подвижна. Чужим оказывается всё, что не принадлежит к определенной группе, поэтому «чужим» можно быть в кровнородственном, этническом, языковом, социальном плане и т.д. Однако, на наш взгляд, в современных реалиях эта антитеза наиболее

ярко репрезентируется в политическом дискурсе, где объектами манипуляции становятся различные объединения людей (партии, военно-политические блоки, целые страны и этносы) или отдельные индивиды (лидер нации, его политические союзники и оппоненты). В.В.Соломина пишет, что в целом в делении на «своих» и «чужих» в политическом дискурсе нет ничего плохого, т.к. оно помогает обычному гражданину страны лучше ориентироваться в текущей политической повестке. Но, с другой стороны, данная дихотомия может быть использована как инструмент манипуляции в рамках предвыборных кампаний, подготовки к референдуму и т.д. для радикального изменения предпочтений и настроения аудитории [15].

Как правило, рассматриваемая антитеза вербализуется при помощи личных и притяжательных местоимений – *мы, они, наши* и *их*, выполняющих функцию объединения и отчуждения. Также следует подчеркнуть, что за счет грамматической категории множественности местоимения *мы* и *наши* эксплицируют признаки многочисленности и единства [1].

Значительное количество публикаций российских СМИ посвящено актуальным экономическим проблемам, возникшим после введения санкций против России после 24 февраля 2022 г. Поэтому не случайно эта тема стала лейтмотивом Петербургского международного экономического форума, проходившего 15-18 июня 2022 г. В своей речи, процитированной «Российской газетой» Президент РФ Владимир Путин отметил следующее: *Сама конструкция западных санкций была построена на ложном тезисе, что Россия с точки зрения экономики не суверенна, критически уязвима. Планируя свой экономический блицкриг, они не замечали, попросту игнорировали реальные факты, то, как изменилась наша страна за последние годы. И такие перемены – результат нашей плановой работы по созданию устойчивой макроэкономической конструкции* (Путин объяснил, почему Запад просчитался с санкциями. РГ, 17.06.2022). В приведенном фрагменте наблюдается четкое противопоставление: «*мы – Россия*» и «*они – западные страны*». Причем если обычно местоимение *они* служит для номинации абстрактных оппонентов, чьи имена, должности и регалии не называются прямо, на них в тексте содержится лишь намек, то в данном случае Президент перечисляет врагов России: *Соединённые Штаты, провозгласив победу в холодной войне, объявили себя посланниками Господа на земле. Они грубо и беспардонно насаждают свою этику, взгляды на культуру и представления об истории, а порой подвергают сомнению суверенитет и целостность государств, создают угрозу их существованию ... Сегодняшний рост цен, инфляция, проблемы с продовольствием и топливом, бензином, в энергетике в целом – это результат системных ошибок в экономической политике действующей администрации США и европейской бюрократии.* Вместе с тем, несмотря на резкую критику внешнеполитических оппонентов, Владимир Путин оставляет за ними право на конструктивный диалог, называя правительство США и стран Евросоюза *нашими коллегами: К сожалению, наши коллеги не просто отрицают реальность. Они пытаются противодействовать ходу истории и мыслят категориями прошлого века.*

Следующий пример посвящен законопроекту, внесенному «Справедливой Россией» на рассмотрение в Государственную Думу, о запрете счетов и акций за рубежом для лиц, по долгу службы принимающих решения, затрагивающему вопросы суверенитета и национальной безопасности Российской Федерации. К ним относятся лица, занимающие государственные должности, первые заместители и заместители генпрокурора, члены совета директоров Центробанка, лица, замещающие государственные должности субъектов РФ, а также те, кого назначает и освобождает от должности Президент, правительство или генеральный прокурор. Сразу оговоримся, что данный законопроект

был принят 443 депутатами при необходимом минимуме в 226 голосов. Соответствующие поправки были внесены в Федеральный конституционный закон от 17.12.1997 N 2-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации» (в настоящее время утратил силу в связи с принятием Федерального конституционного закона от 06.11.2020 N 4-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации»), в Федеральный закон «О противодействии коррупции» от 25.12.2008 N 273-ФЗ (ред. от 01.04.2022) и ряд других нормативно-правовых актов.

Подчеркивая необходимость принятия данного законопроекта, парламентарии высказывались следующим образом: *Мы не хотим, чтобы на наши решения влияли извне, а чиновники, хранящие средства за границей, становятся уязвимыми и зависимыми от иностранного влияния* (Михаил Емельянов, партия «Справедливая Россия»); *Мы поддержим такие поправки в законодательство ... Среди депутатов, к сожалению, есть такие, кто держит свои средства за границей. Мы всегда говорим о том, что деньги не должны утекать за границу* (Анатолий Локоть, КПРФ) (Госдума запретит чиновникам хранить деньги за границей. Известия, 23.07.2012). Анализ статьи показывает, что *мы* – это депутаты-патриоты, не имеющие банковских счетов и недвижимости зарубежом и, соответственно, порицающие *их* – *кто держит свои средства за границей*, чиновников с зарубежными банковскими активами. Исходя из такой риторики, симпатии читателя будут на стороне инициаторов данного законопроекта.

Особую роль в медийном дискурсе играет категория «свой – чужой», опирающаяся на разделение по этническому или профессиональному признаку, используемая для создания отрицательного имиджа врага, инакомыслящего, человека с иными культурными установками. Данная стратегия реализуется путем употребления этнических инвектив. Как мы отмечали ранее, публичное использование инвективных этнонимов в СМИ имеет сознательный характер, т.к. рассчитано на широкий общественный резонанс и бурную реакцию со стороны оскобленной стороны [9, с. 62].

Анализируя возможные поставки Польшей вооружения для Украины (статья вышла до начала СВО), корреспондент Интернет-издания «Свободная пресса» неоднократно называет поляков *пшеками* – пренебрежительное название данного этноса, мотивированное большим количеством звуко сочетаний согласный ([р], взрывные) + [ш], [ж], характерных для польского языка: *Впрочем, до сих пор ничего не ясно об условиях поставки. Но очень похоже на то, что пшеки решили хорошо заработать на страхе ВСУ перед нашей авиацией; Значит, максимум, пшеки могут продать где-то сотню «Громов-М» и примерно двести ракет к ним; Может, это кому-то покажется странным, но «Гром-М» пшеки делали 30 лет; Пшеки засуетились лишь после того, как прибалты с подачи Вашингтона заявили, что отправят для нужд ВСУ несколько «Стингеров»* (Как летать в Крым, когда на борт украинские «Громы» нацелены? Свободная пресса, 07.02.2022).

Использование инвективного этнонима указывает на пренебрежительное отношение автора к польской нации. Кроме того, он дает понять, что поляки приняли решение о поставке вооружения не самостоятельно, а под нажимом США: *с подачи Вашингтона; говорящие головы Речи Посполитой*. Обращает на себя внимание и последняя фраза, являющаяся оксюмороном. Согласно Словарю русского публичного языка конца XX века, говорящей головой называется представитель государственных органов власти, озвучивающий официальную точку зрения [14], иными словами транслятор чужих идей. В данном случае автор подчеркивает, что польское правительство озвучивает мысли американских коллег. Что касается Речи Посполитой,

то в XVI–XVIII вв. это было одно из самых могущественных государств Европы, включавшее в себя территории современных Польши, Украины, Беларуси и Литвы, а также частично территории современных России, Латвии, Эстонии, Словакии и Молдовы. Идея возрождения Речи Посполитой в прежних границах в настоящее время является одной из ключевых в доктрине польских националистов. Таким образом, наблюдается очевидное противоречие между «имперскими замашками» Польши и реальным положением дел.

Таким образом, манипулятивная стратегия «свой – чужой» активно используется в российском медийном и политическом дискурсе не только журналистами, но и политиками разных рангов. Ее употребление детерминировано коммуникативной интенцией автора текста подчеркнуть единство с единомышленниками, противопоставить себя оппоненту, создать негативный образ противника.

Не менее эффективным приемом речевого воздействия на адресата, на наш взгляд, является навешивание ярлыков, под которым традиционно понимается эмоционально-окрашенная неаргументированная и необъективная характеристика индивида или явления [6, с. 140]. Как отмечает Н.Е.Булгакова [4, с. 42], СМИ прибегают к навешиванию ярлыков для дискредитации личности, идей или планов, используя целый спектр негативных чувств (от предубеждения до ненависти), избегая при этом объективного оценивания и комплексного анализа.

В своей статье «Политические ярлыки в современном русскоязычном медиадискурсе» А.П.Сковородников и Г.А.Копнина детально разбирают способы образования политических ярлыков, к которым относятся: а) номинация какого-либо социально значимого события или лица лексической единицей с негативной семантикой; б) тропический перенос; в) использование суффикса -оид для образования ярлыка-окказионализма; г) междусловное наложение; д) словообразовательная модель «название социальной группы + лексема с негативной оценочной коннотацией»; е) оксюморон; ж) компрессия идеологема; з) словообразовательная модель X + *фоб*. По словам автора, все политические ярлыки, образованные указанными способами, нацелены на намеренную стереотипизацию и дискредитацию объекта номинации с его последующей тиражируемостью [13].

В целом, соглашаясь с выводами авторов, нам хочется отметить, что ярлыки также бывают и положительными. Ярким примером этого является военно-политический ярлык «вежливые люди», обозначающий военнослужащих Вооруженных сил Российской Федерации в военной форме без знаков различия. Возник в ходе присоединения полуострова Крым к России в конце зимы – начале весны 2014 г. Автором данного неологизма является российский блогер Борис Рожин, озаглавивший свою публикацию в одной из социальных сетей как «Вежливые люди захватили 2 аэродрома в Крыму». Впоследствии он объяснял свой выбор следующим образом: *Лично мне просто приглянулось выражение «вежливо» в отношении неизвестных лиц, которые захватывают стратегические объекты, формально не раскрывая своего инкогнито, хотя все в Крыму прекрасно понимали, кто это и откуда* (Крым – о происхождении мема про «вежливых людей». ИА Rex, 23.03.2014).

В настоящее время данное словосочетание активно используется СМИ при описании Специальной военной операции на Донбассе: *Специальная военная операция России по защите Донбасса продолжается... «Вежливые люди», которые старательно избегают ударов по гражданской инфраструктуре, замечены в самых разных регионах Украины (Путин операцией на Украине «убил» трех президентов и премьера. МК, 25.02.2022); Проспали начало Специальной военной операции и натовские разведки. А Глава германской Федеральной разведывательной службы Бруно Каль лишь чудом избежал*

знакомства с *«вежливыми людьми»* и еле унес ноги из Киева (В военной операции на Украине задействованы спецслужбы. Аргументы недели, 01.03.2022); *Напомним, бойцы «вежливые люди» из ССО* (Силы специальных операций – примечание наше, О.М., В.М.) – элита армейского спецназа. Они подготовлены для выполнения разведывательно-диверсионных, подрывных, контртеррористических, контрдиверсионных, контрразведывательных, партизанских, антипартизанских и многих других задач (Пожелай «вежливым людям» удачи в бою. КП, 27.02.2022).

Что касается негативных ярлыков, то они преимущественно встречаются в текстах, фокусирующихся на актуальных социальных проблемах, например, на воровстве чиновников: Глава Счетной палаты Алексей Кудрин назвал объемы воровства из федерального бюджета. Нехитрый расчет показывает, что, пока Вы читаете эту статью, из наших с вами карманов чиновники переложили в свои около 5 миллионов рублей. Неплохо, да? Каждые 10 минут у народа воруются 5 миллионов. И это только из федерального бюджета. А ведь есть еще бюджеты регионов и городов. Чтобы прочувствовать цифры, а они холодные и непонятные, особенно большие, вспомним о детях – маленьких и теплых. В понедельник Медведев распорядился выделить из резервного фонда 22 миллиона рублей, чтобы дети в этом году не умирали без лекарств, которые не производятся в России. 22 миллиона и спасенные детские жизни – это 45 минут воровства чиновников (Российские чиновники каждые 10 минут воруют 5 миллионов. МК, 14.01.2022). Как видим, в данной статье автор указывает на колоссальные масштабы воровства из государственного бюджета. При этом речь идет не о конкретных людях, а в целом обо всех чиновниках, что еще больше усиливает ярлык «чиновник = вор». Кроме того, журналист использует антитезу «свой – чужой» (из наших с вами карманов чиновники переложили в свои), количественные лексемы (10 минут, 45 минут, 5 миллионов, 22 миллиона), непосредственное обращение к читателю, так называемый слом четвертой стены (Неплохо, да?). Но, самое главное, автор имплицитно называет чиновников убийцами, т.к. украденные ими миллионы могли пойти на спасение детей, страдающих тяжелыми заболеваниями, и чьи родители лишены возможности самостоятельно приобрести дорогостоящие зарубежные медикаменты (спасенные детские жизни – это 45 минут воровства чиновников). Таким образом, в сознании читателя возникает образ беспринципного хапуги, исполнение желаний которого (покупка очередной яхты, особняка в Лондоне и т.д.) стоит непрожитых жизней российских детей (маленьких и теплых).

Дискредитации путем навешивания ярлыков также подвергаются недружественные государства и их правительства. Так, один из крупнейших информационных Интернет-сайтов Рунета КМ.Ru, описывая срыв празднования дня рождения Владимира Познера в одном из ресторанов Тбилиси группой националистов, отметил: *Вся «цитрусовая демократия», «шпротный суверенитет» и прочая «гамсахурдия» всех государств на территории СНГ замешаны и построены на густополовой русофобии и местечковом национализме. И от них до фашизма со всем набором его прелестей – от газовых камер до массовых расстрелов – один шаг. И дрейф в эту сторону у этих «госфейков» идет семимильными шагами. В той же Прибалтике чудом выжившие динозавры-эсэсовцы строем ходят. На Украине сорвавшиеся с цепи «нацики» регулярно убивают донбасских детей и стариков. В Карабахе аборигены энергично кошмарят друг друга тысячами. Одна неосторожная фраза – и «дорогого гостя» начнет рвать на части шобла набежавших откуда-то местных нациков («Полезный идиот» и «день дурака» в Грузии. КМ.Ru, 05.04.2021).*

Описывая неприятный инцидент, случившийся с В. Познером и его гостями, автор приходит к выводу, что России давно пора забыть мифологему «советский человек», педалирующую мысль о том, что все жители бывшего Советского Союза друг другу братья. Он уничижительно называет недружественные нам страны *цитрусовой демократией* (намек на Армению и Азербайджан), *шпротным суверенитетом* (аллюзия на страны Прибалтики) и *гамсахурдией* (намек на Грузию). Используя окказионализм *госфейк*, автор подчеркивает их несостоятельность как суверенных государств. Примечательно, что данная лексема фонетически и морфологически сближается с сокращением *Госдеп* (Государственный департамент – федеральный орган исполнительной власти США, выполняющий функции министерства иностранных дел). Российскими СМИ неоднократно подчеркивалось, что страны Балтии и Закавказья давно не ведут самостоятельную внутреннюю и особенно внешнюю политику, а действуют по указке США. Лексемы *густопсовая русофобия*, *местечковый национализм*, *фашизм*, *эсэсовцы*, просторечное *нацики*, *кошмарить* и жаргонное *шобла местных нациков* создают тем самым образ стран, где ведется открытая пропаганда нацистских идей и поощряется физическое уничтожение людей иной национальности (в данном случае русских) – *от газовых камер до массовых расстрелов – один шаг, эсэсовцы строем ходят, «нацики» регулярно убивают донбасских детей и стариков, начнет рвать на части шобла*.

Таким образом, навешивание ярлыков служит еще одним средством манипуляции. Посредством введения в медиатекст негативно или положительно окрашенных лексем, окказионализмов, просторечий, жаргонизмов и различных речевых конструкций, придающих тексту образность, СМИ вызывают у читателя искаженные представления о действительности и подводят к нужным для заказчика статьи выводам. Зачатую ярлыки представляют собой субъективную характеристику человека, группы людей или социально-политического явления. Активное использование экспрессивных слов и выражений препятствует объективной перцепции информации, в результате чего и осуществляется манипуляция.

Подводя итоги, следует подчеркнуть, что языковое манипулирование является сложным психолингвистическим процессом, к основным признакам которого можно отнести скрытый характер влияния; стремление изменить мнение и ценностные установки реципиента; особая речевая организация текста, способствующая возникновению у аудитории заблуждений и созданию у нее иллюзии самостоятельности принятия решений. В совокупности указанные признаки отличают языковую манипуляцию от других форм воздействия (пропаганда, демагогия и т.д.). Несмотря на применение практически во всех сферах деятельности человека, наиболее активно языковая манипуляция используется СМИ для управления общественным мнением.

Список литературы

1. Балашова Л.В. Реализация концептов «свой-чужой» в российском политическом дискурсе начала XXI века // Политическая лингвистика. – 2014. – № 1 (47). – С. 40–50.
2. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. – М.: Художественная литература, 1972. – 470 с.
3. Битянова М. Р. Социальная психология: наука, практика и образ мыслей. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. – 576 с.
4. Булгакова Н.Е. Словесные ярлыки как лексико-семантическое и лингвоэкологическое понятие // Мир русского слова. – 2012. – №2. – С. 42–47.
5. Доценко Е. Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. – М.: ЧеРо, МГУ, 1997. – 344 с.

-
6. Клушина Н. И. Стилистика публицистического текста. – М.: МедиаМир, 2008. – 244 с.
 7. Копнина Г.А. Речевое манипулирование. – М.: Флинта, 2012. – 170 с.
 8. Майба В.В. Язык в контексте современного российского политического дискурса // Современный ученый. – 2020. – № 4. – С. 210–215.
 9. Маруневич О.В. К вопросу о прагматике инвективных этнонимов в современном политическом дискурсе России и США // На пересечении языков и культур. – 2021. – № 2. – С. 59–63.
 10. Мещанова А.С. Вербальные приемы манипулирования в рекламе // Язык. Культура. Коммуникации. – 2016. – № 2. URL: <https://journals.susu.ru/lcc/article/view/382/453> (дата обращения: 10.06.2022).
 11. Молодыченко А. В. Сильные позиции начала и конца текста как способ воздействия на адресата // Вестник ЛНУ имени Тараса Шевченко. – 2011. – Вып. 22 (233). – С. 42–47.
 12. Сковородников А.П. Языковое насилие в современной российской прессе // Теоретические и речевые аспекты речевого общения. – Красноярск: Ачинск, 1997. – С. 10–15.
 13. Сковородников А.П., Копнина Г.А. Политические ярлыки в современном русскоязычном медиадискурсе // Русская речь. – 2019. – № 1. – С. 44-57. DOI: 10.31857/S013161170003954-8
 14. Словарь русского публичного языка конца XX века / Сост. К. Вишнепольский, А. Моченов и С. Никулин // Журнал «Коммерсантъ Власть». – 2003. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/390624> (дата обращения 29.05.2022).
 15. Соломина В.В. Особенности реализации оппозиции «Свой – чужой» в различных видах дискурсов // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. – 2014. – №3. – С. 176–182.
 16. Стернин И. А. Введение в речевое воздействие. – Воронеж: Истоки, 2001. – 252 с.
 17. Шейнов В. П. Скрытое управление человеком. – Минск: АСТ, Харвест, 2008. – 816 с.
 18. Этимологический словарь русского языка / Под общ. ред. А.Ф. Журавлева, Н.М. Шанского. – Москва: МГУ, 2007. – Вып. 10. М. – 400 с.
 19. Marunovich O.V., Kononenko A.P. The “In-Group – Out-Group” Binary Opposition as the Criterion for Identifying the Out-Group Members in the Folk Model of the World (Based on Slavic Languages) // Russian Linguistic Bulletin. – 2020. – № 2 (22). – pp. 33–37.
 20. Odaryuk I. Using Mind Maps to motivate the digital generation of students to learn foreign languages // E3S Web of Conferences. – 2021. – Vol. 273. – С. 12146. <https://doi.org/10.1051/e3sconf/202127312146>
 21. Rudin J. Manipulation // Ethics. – 1978. – № 88 (4). – pp. 338–347.
 22. Schiller H. The Mind Managers. – Boston: Beacon Press, 2011. – 214 p.
 23. Shostrom E.L. Man the Manipulator: The Inner Journey from Manipulation to Actualization. – New York: Bantam Publishing, 20
-

Д.А. Сусеева, Э.В. Эрдниева

Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова

К ВОПРОСУ ОБ ОСНОВНЫХ ПОНЯТИЯХ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ МОНГОЛЬСКОГО ЯЗЫКА

Статья посвящена описанию основных понятий словообразовательной системы современного монгольского языка. Объект исследования – производные слова. Предмет исследования – семантика, структура производных слов и их формально-семантические отношения. Цель исследования – описать основные понятия словообразовательной системы монгольского языка. Задачи исследования: описать единицы словообразовательной системы в формальном и семантическом аспектах и их место в системе словообразования. Материалом для исследования послужили производные слова, зафиксированные в современных словарях и на страницах печати. Основным методом исследования был словообразовательный анализ, который принципиально отличается от морфемного и морфологического. Результаты исследования: используя достижения современного языкознания в области словообразования, впервые в настоящем исследовании предлагается описание словообразования современного монгольского языка как системы с двумя подсистемами: формально-семантической и семантико-формальной. При первом подходе выделяется комплексная единица словообразовательной системы – словообразовательное гнездо. Выводы: описание словообразования монгольского языка как системы с помощью комплексных словообразовательных единиц – это новый шаг в исследовании монгольского словообразования, констатирующий, что монгольское словообразование – это не только набор способов и средств образования слов (традиционный подход), но и особым образом организованная система производных слов, находящихся между собой в конкретных парадигматических и синтагматических отношениях (новый подход). Результаты важны для сравнения систем родственных языков.

Ключевые слова: монгольский язык, словообразование, производное слово, словообразовательное значение, словообразовательная мотивация, словообразовательное гнездо и словообразовательный тип.

D.A. Suseeva., E.V. Erdnieva

Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov

THE BASIC CONCEPT OF THE WORD-FORMATION OF THE MODERN MONGOLIAN LANGUAGE

The article is devoted to the description of the basic concepts of the word-formation system of the modern Mongolian language. The object of research is derived words. The subject of the study is semantics, the structure of derived words and their formal-semantic relations. The purpose of the study is to describe the basic concepts of the word-formation system of the Mongolian language. The objective of the research is to describe the units of the word-formation system in formal and semantic aspects and their place in the system of word formation. The material for the study was derived words recorded in modern dictionaries and on the pages of the press. The main method of research was word-formation analysis, which is fundamentally different from morphemic and morphological. Research results: using the achievements of modern linguistics in the field of word formation, for the first time in this study the authors propose a description of the word formation of the modern Mongolian language as a system with two subsystems: formal-semantic and semantic-formal.

In the first approach, a complex unit of the word-formation system is allocated – the word-formation type, and in the second approach, a complex unit is allocated – the word-formation nest. Conclusions: the description of the word formation of the Mongolian language as a system with the help of complex word-forming units is a new step in the study of Mongolian word formation, stating that Mongolian word formation is not only a set of ways and means of word formation (traditional approach), but also a specially organized system of derived words that are among themselves in specific paradigmatic and syntagmatic relations (a new approach). The results are important for comparing systems of related languages.

Key words: Mongolian language, word formation, derivative word, word-formation meaning, word-formation motivation, word-formation nest and word-formation type.

Введение

Изучению способов и средств современного монгольского словообразования были посвящены труды как российских, так и монгольских ученых, в частности, Б.Х.Тодаевой [10], Г.Д.Санжеева [19], Т.А.Бертагаева [1], У.-Ж.Ш.Дондукова [2], В.И.Золхоева [4], С.А.Крылова [5], Г.Ц.Пюрбеева [6], Д.Ш.Харанутовой [11], Ш.Лувсанвандана [15], Т.Бямбасана [14], Л.Болда [13], Ц.Онорбаяна [18], Г.Билгүүдэя [12], Самбуудоржи О. [20], Ц.Норжина [17], Орчин цагийн монгол хэл [19] и др.

Несмотря на попытки изучить словообразование монгольского языка, тема эта остается слабо разработанной, поскольку нет ясного представления о словообразовательной системе, её основных единицах и их отношениях. Тема монгольского словообразования остается на сегодняшний день одной из актуальных.

Постановка проблемы. Чтобы понять монгольское словообразование, необходимо его рассматривать как систему, описание которой без новых понятий сегодня невозможно. К их числу относятся, прежде всего, такие понятия, как единицы системы, их структура и семантика, отношения единиц и др.

Цель работы – описать систему монгольского словообразования и ее основные единицы. Для достижения цели поставлены задачи: рассмотреть систему монгольского словообразования в формальном и семантическом аспектах, выявить и описать единицы этой системы, определить формально-семантические отношения между ними.

Объектом исследования являются производные слова монгольского языка. **Предмет исследования** – структура и семантика производных слов, их формально-семантические отношения и место каждого из них в составе комплексных единиц системы словообразования монгольского языка.

Методы и приемы исследования

В настоящей работе производные слова изучаются через призму системной организации словообразования с использованием основных понятий словообразовательной системы. При системном подходе структура производного слова рассматривается с позиций формальной и семантической мотивации, что позволяет точно определить место производного слова в словообразовательной системе. В процессе исследования был применен комплекс методов и приемов: описательный, количественный, оппозиционный, дистрибутивный; словообразовательный, лексический и грамматический анализы.

Содержание исследования

Производное слово (далее – ПС) сегодня в языкознании признается основной единицей словообразовательной системы. Производным называется то слово, которое в современном языке имеет производящее слово, т.е. то слово, от которого оно образовано, напр.: монг. *бичиг* «письмо» < *бичих* «писать», *хадуур* «коса» < *хадах* «косить», *зураач* «художник» < *зурах* «рисовать».

ПС имеет бинарную структуру, т.к. состоит только из двух компонентов: 1) из производящей основы и словообразовательного суффикса (*алга-да/х/* «бить ладонью» < *алга* «ладонь» + *-да/х/*); 2) из двух производящих основ (*гэр бул* «семья, домочадцы» < *гэр* «дом» + *бул* «семья»); 3) из производящей основы и её повтора (*янз янзын* «разный, всякий, разнообразный»).

Понятие «структура производного слова» отличается от понятия «морфемный состав слова». Морфемный состав монгольского слова может состоять, напр.: из 1 морфемы (*аг* «сильно, крепко»; *алаг* «пестрый»), из 2 морфем (*алга-О* «ладонь», *буда-х* «красить»), из 3 морфем (*буда-г-О* «краска», *алга-да-х* «бить ладонью»), из 4 морфем (*айл-ч-ла-х* «гостить», *итгэ-мж-л-э-х* «оказывать доверие»), из 5 морфем (*зуу-ш-л-уула-х* «заставить есть», *итгэ-мж-л-уулэ-х* «заставить оказывать доверие») и т.д. В то время как основа ПС, независимо от количества морфем, входящих в ее состав, всегда имеет бинарную структуру, то есть состоит только из двух компонентов – производящей основы и словообразовательного средства либо из двух основ. Ср.: структуру ПС и морфемный состав одного и того же слова (см. Табл.1).

Таблица 1

Структура производного слова (ПС)		Морфемный состав производного слов				
производящее слово	основа ПС: основа производящего слова + суффикс	корень	афф.	афф.	афф.	афф.
1. <i>чимэглэ-х/</i> «украшать»	<i>чимэглэ-л-</i> «украшение»	<i>чимэ-</i>	<i>-г-</i>	<i>-лэ-</i>	<i>-л-</i>	О нулевое окончание
2. <i>чинээ/н</i> «сила; мощь»	<i>чинээ-тэй-</i> «сильный; зажиточный»	<i>чинээ-</i>	<i>-тэй</i>	-	-	-
3. <i>олзло/х/</i> «добывать»	<i>олзло-гдо-х</i> «попадать в плен»	<i>ол-</i>	<i>-г-</i>	<i>-ло-</i>	<i>-гдо-</i>	<i>-х</i>
4. <i>тооло/х</i> «считать»	<i>тооло-л-</i> «счет»	<i>тоо-</i>	<i>-ло-</i>	<i>-л-</i>	О нулевое окончание	-

Бинарная структура основы ПС – ключ к раскрытию двух аспектов словообразовательной системы: формально-семантической и семантико-формальной, а также для описания соответствующих им комплексных словообразовательных единиц. Когда внимание концентрируется на семантике и функциях словообразовательных средств основ ПС, то открывается возможность для изучения словообразовательной системы в формально-семантическом аспекте и её основной единицы – словообразовательного типа. Если в центре внимания исследователя семантика основы производящего слова, то открывается возможность для изучения словообразовательной системы в семантико-формальном аспекте и её основной единицы – словообразовательного гнезда.

Словообразовательный тип (далее – СТ) – это главная единица формальной системы словообразования. СТ – это комплексная единица словообразования, представляющая собой схему построения однотипных производных слов. Производные слова, входящие в состав одного СТ, характеризуются общностью трех признаков: 1) их производящие слова относятся к одной части речи; 2) все они образованы с помощью одного способа (либо аффиксации, либо сложения, либо редупликации); 3) все имеют общее словообразовательное значение. Так, существительные *явдал* «ход; походка», *боодал* «связка; сверток», *асуудал* «вопрос» и т.п. входят в состав одного СТ, поскольку 1) все они образованы от слов одной части речи – глаголов

(*ява/х* «ходить», *боо/х* «завязывать», *асуу/х* «спрашивать»); 2) все они образованы с помощью одного и того же словообразовательного суффикса *-дал/-дол*; 3) все они выражают одно и то же общее словообразовательное значение – «результат действия, названного основой производящего слова (глагола)». Т.о., производные слова, относящиеся к одному СТ, находятся в одинаковых формальных и семантических отношениях со своими производящими словами.

ПС, у которых хотя бы один из трех указанных признаков не совпадает, относятся к разным СТ, ср.: 1) *тохо-м* «потник» (< *тохо/х* «накладывать седло»), *хэрчи-м* «кусок, ломоть» (< *хэрчи/х* «нарезать»); 2) *оро-м* «след» (< *орон* «место»), *эрчи-м* «интенсивность» (< *эрч* «инерция»). Различие между этими двумя рядами производных слов заключается в том, что слова первого ряда образованы от глаголов, а слова второго ряда – от существительных.

Итак, каждый СТ представляет собой группу ПС, образованных от слов одной части речи с помощью одного и того же словообразовательного способа (в этом случае с помощью аффикса) и обладающих общим словообразовательным значением (типовым).

В качестве примера можно рассмотреть еще один СТ. Производные слова данного СТ образуются от основ глаголов с помощью суффикса *-лага*, имеющего алломорфы *-лого/-логго/-лэгэ*. Каждое ПС, входящее в данный СТ, имеет конкретное словообразовательное значение (далее – СЗ), которое необходимо отличать от его лексического значения (далее – ЛЗ). Лексическое ПС фиксируется в словарях. Напр., у нижеприведенных ПС зафиксированы следующие ЛЗ в словаре «Монгол орос толь» (1957): 1) *байгуул-лага* «организация; учреждение»; 2) *ач-лага* «подводы; груз»; 3) *барилд-лага* «сцепление»; 4) *бод-лого* «соображение»; 5) *боод-лого* «сноп; связка»; 6) *бос-лого* «подъём»; 7) *найр-лага* *хим.* «состав» и др.

К сожалению, в словарях не фиксируются СЗ у этих ПС, которые существенно отличаются от ЛЗ. Если ЛЗ называют *предметы, признаки, действия* реального мира, то СЗ указывают на *предметы, признаки, действия* реального мира через связь производных слов с их производящими словами. Ср.: 1) *байгуул-лага* «результат действия, названного производящим глаголом *байгуула/х* «организовывать»; 2) *ач-лага* «результат действия, названного глаголом» *ачи/х* «грузить»; 3) *барилд-лага* «результат действия, названного глаголом *барилда/х* «сцепиться; бороться»; 4) *бод-лого* «результат действия, названного глаголом *бодо/х* «думать»; 5) *боод-лого* «результат действия, названного глаголом *боодо/х* «завязывать»; 6) *бос-лого* «результат действия, названного глаголом *босо/х* «вставать»; 7) *найр-лага* «результат действия, названного глаголом *найра/х* «сочетаться, соединяться» и др. В рамках данного СТ на базе конкретных словообразовательных значений формируется типовое СЗ, которое можно дать в виде общего определения: *производное слово, образованное от основы глагола с помощью суффикса -лага/-лого/-логго/-лэгэ, обозначает результат действия, названного производящим глаголом.*

Словообразовательные значения можно классифицировать. Так, чешский ученый М.Докулил [7, с. 193–194] предлагает выделять три типа СЗ: *транспозиционное, мутационное и модификационное*. *Транспозиционное* СЗ наблюдается при образовании существительных от глаголов, когда производное существительное сохраняет категориальное значение производящего глагола, напр.: *унал* «падение» < *унах* «падать». В этом случае и глагол, и существительное обозначают «действие». *Модификационное* СЗ появляется при образовании прилагательных от прилагательных, напр.: *улаан* «красный» > *улаан-втар* «красноватый»; *цагаан* «белый» > *цагаан-втар* «беловатый». В этом случае производящие и производные слова относятся к одной части речи, обозначают один признак, только ПС обозначают признак модифицированно, т.е. более

интенсивно. *Мутационное* СЗ проявляется в тех случаях, когда от ПС одной части речи образуется ПС другой части речи, напр.: *униших* «читать» > *уни-аач* «чтец».

Итак, система монгольского словообразования в формально-семантическом аспекте представляет собой совокупность всех существующих в современном монгольском языке СТ. На данном этапе следует констатировать, что СТ и их отношения пока в монгольском языке изучены недостаточно.

Словообразовательное гнездо (далее – СГ) – это группа однокоренных производных слов, находящихся между собой в парадигматических и синтагматических отношениях, объединяемых однокоренным непроизводным словом, которое выступает в роли «вершины» гнезда (отсюда его название – «вершинное слово гнезда»). СГ различаются по объему. Есть гнезда, состоящие из двух-трех производных слов, напр., гнездо с вершинным словом *алдар* «слава, известность» (см. Табл.2).

Таблица 2

<i>алдар</i> слава, известность	<i>алдар-т</i> известный	
	<i>алдар-ши/х/</i> прославляться	<i>алдарши-л</i> известность; слава

Имеются СГ, содержащие более 10 производных слов, напр., СГ с вершинным словом *сура/х* “спрашивать; учиться” (см. Табл.3).

Таблица 3

Вершинное слово	1-ый СШ	2-ой СШ	3-ий СШ
<i>сура/х/</i> спрашивать; учиться	1. <i>сура-г</i> известие	<i>сураг-гүй</i> безвестно	–
		<i>сураг-ла/х/</i> осведомляться	–
	2. <i>сура-лца/х/</i> учиться	–	–
	3. <i>сур-га/х/</i> учить, обучать	1. <i>сург-уула/х/</i> обучать	–
		2. <i>сург-ууль</i> школа, училище	<i>сургуули-ла/х/</i> учиться, обучаться
		3. <i>сурга-гч</i> инструктор	–
		4. <i>сурга-мж</i> поучение; <i>перен.</i> урок	<i>сургамж-ла/х/</i> поучать <i>сургамж-тай</i> поучительный
		<i>*сурга-а/х/</i>	<i>сурга-а-л</i> учение
	4. <i>сур-лага</i> учеба	–	–
	5. <i>сур-ц</i> успеваемость	–	–
6. <i>сурам-гай</i> привычный; привыкший к чему-л.	–	–	

На примере с вершинным словом *сура/х* можно рассмотреть структуру СГ. Производные слова в СГ образуются не хаотически, а в строгом соответствии с понятием словообразовательного шага (далее – СШ). СШ – это позиция ПС в отношении вершинного слова. Если ПС образуется непосредственно от вершинного слова, то значит, что оно находится на позиции первого СШ. ПС, которое образуется от производного слова, находящегося на позиции первого СШ, занимает позицию второго СШ и т.д. Благодаря понятию СШ можно определить точное место любого ПС в составе СГ. Данное СГ раскрывает не только пошаговые позиции производных слов в отношении к вершинному слову *сура/х/*, но и в отношении друг к другу. В данном СГ представлены два типа отношений производных слов как к вершинному слову, так и друг к другу, а именно: синтагматические и парадигматические. Эти два типа отношений производящих и производных слов в составе СГ порождают такие единицы словообразования, как словообразовательная пара (*сура/х* «спрашивать; учиться» > *сура-г* «известие»), словообразовательная цепь (*сура/х* «спрашивать; учиться» > *сура-г* «известие» > *сураг-ла/х* «осведомляться») и словообразовательная парадигма (*сура/х* «спрашивать; учиться» > *сура-г* «известие», *сур-лага* «учеба», *сур-ц* «успеваемость», *сурам-гай* «привыкший к чему-либо», *сург-га-х* «учить, обучать», *сура-цах* «учиться»).

Результаты исследования

Современная лингвистика рассматривает язык как систему. При таком подходе термин «система» используется нами не только для описания монгольского языка в целом, но и для отдельных его уровней, в частности для словообразовательного. Чтобы описать монгольское словообразование как систему, необходимо ввести новые понятия. К их числу относятся: производное слово и его структура (не путать с морфемным составом слова и членимостью слова), словообразовательное значение и его типы (не путать с лексическим значением и его типами), парадигматические и синтагматические отношения в словообразовании, синхронный и диахронический аспекты словообразования, статику и динамику в словообразовании и др. Результаты исследования позволили собрать нам первичный материал к словарю, включающий в себя уже сегодня более 1100 словообразовательных гнезд современного монгольского языка.

Заключение

1. Результаты исследования позволяют констатировать, что монгольское словообразование – это действительно не только набор способов и средств образования слов (традиционный подход), но и особым образом организованная система производных слов, находящихся между собой в конкретных парадигматических и синтагматических отношениях (новый подход).

2. Установлено, что основной единицей системы словообразования является ПС, а не способы и средства словообразования (традиционный подход). Структура основы ПС, состоящая только из 2 компонентов (основы производящего слова и словообразовательного средства) – ключ к раскрытию словообразовательной системы монгольского языка.

3. Установлено, что между ПС и производящим словом в системе языка устанавливаются 2 типа отношений: а) формальные и б) семантические. Формальные отношения раскрываются в том случае, когда акцентируется внимание на способах и средствах образования ПС. Сравнить, напр., слова: бари-ул «ручка, рукоятка» (<барих «держать»), ээр-үүл «веретено» (<ээрэх «прясть»), утг-уур «черпалка» (<утгах «черпать»), бүсл-үүр «волосяная веревка, опоясывающая юрту» (<бүслэх «опоясывать; надевать пояс»), борд-уур «удобрение» (<бордох «откармливать; удобрять») и т.д.,

образованные от глаголов с помощью одного суффикса – ул//–үл//–ур//–үр//–уул//–үүл//–уур//–үүр, имеющего 8 вариантов. Все эти вышеперечисленные ПС образуют одну из формальных единиц монгольского словообразования, называемых термином «словообразовательный тип».

Семантические отношения между производными и производящими словами выявляются в том случае, когда акцентируется внимание на основе производящего слова. В этом случае ПС рассматривается в составе единицы словообразовательной системы, называемой термином «словообразовательное гнездо».

4. Словообразование связано с морфемикой, лексикой и грамматикой. Связь словообразования и морфемики проявляется в том, что в процессе образования слов в качестве производящих основ выступают корневые морфемы, а в качестве словообразовательного способа участвуют суффиксы. Связь словообразования с лексикой проявляется в том, что ПС могут образовываться от разных лексических значений одного производящего слова. Так, монг. *аймаг* имеет четыре значения, а производные слова образованы только от третьего лексического значения, ср.: *аймаг* > *аймаглах* «подразделять» > *аймаглал* «подразделение». Связь с морфологией проявляется в том, что некоторые суффиксы, используемые для образования грамматических форм и выражения грамматических значений, позволяют основам этих грамматических форм принимать активное участие в словообразовании, ср.: *алдах* «лишаться, терять» > *алда-гда-х* «потеряться» (суффикс страдательного залога) > *алдагда-л* «убыток» > *алдагдал-тай* «убыточный».

5. Словообразовательная система монгольского языка показывает не только её реализованные возможности, но и нереализованные (потенциальные), которые раскрываются при сопоставлении монгольского языка с родственными языками, напр. с калмыцким языком. Ср.: монг. *асрах* «ухаживать; опекать», от которого образовано только слово *асрагч* «няня», и калм. *асрх* «ухаживать, заботиться», от которого образованы 2 слова: *асруль* «попечение» и *асрач* «опекун».

Список литературы

1. Бертагаев Т.А. Морфологическая структура слова в монгольских языках. – М., 1969. – 183 с.
2. Дондуков У.-Ж. Ш. Словообразование монгольских языков. – Улан-Удэ, 1993. – 230 с.
3. Земская Е.А. Современный русский язык. Словообразование. – М.: Просвещение, 1973.
4. Золхоев В.И. Фонология и морфонология агглютинативных языков. – Новосибирск: Наука, 1980. – 143 с.
5. Крылов С.А. Теоретическая грамматика современного монгольского языка и смежные проблемы общей лингвистики. – Ч.1. Морфемика, морфонология, элементы фонологической трансформатики. – М.: Вост. лит., 2004. – 479 с.
6. Пюрбеев Г.Ц. Современная монгольская терминология. – М., 1984.
7. Современный русский язык. Под редакцией В.А.Белашаповой. – М.: «Высшая школа», 1981. – 559 с.
8. Монгольско-калмыцкий словообразовательный словарь. – Элиста, 2015. – 653 с.
9. Санжеев Г.Д. Современный монгольский язык. – М.: ТВЛ, 1959. – 103 с.
10. Тодаева Б.Х. Грамматика современного монгольского языка. – М.: Изд-во АН СССР, 1951.
11. Харанутова Д.Ш. Новые аспекты в изучении словообразовательной системы бурятского языка / Сб. «Проблемы морфологии и словообразования монгольских языков». – Улан-Удэ: Издательство БНЦ СО РАН, 2011. С.54–67.

-
12. Bilgudei G. Analysis on avanttext of “The Secret History of the Mongols” (“Монголын нууц товчоон” дахь авантекст үзэгдлийг шинжлэх нь.) – The 11th International Congress of Mongolists.– Ulaanbaatar, August 15-18, 2016) Улаанбаатар, 2017, pp.15–20.
 13. Болд Л. Орчин цагийн монгол хэлний дагавар. – Улаанбаатар, 1986.
 14. Бямбасан Т. Үйл үг бүтээх дагаврууд. УБДС-ийн ЭШЗАБ № 12. – Улаанбаатар, 1977. 3–10-р тал.
 15. Лувсанвандан Ш. Орчин цагийн монгол хэлний бүтэц. Монгол хэлний үг, нөхцөл хоёр нь. – Улаанбаатар, 1968.
 16. Монгол орос толь. – Москва, 1957. – 715 с.
 17. Норжин Ц. Монгол хэлний үг бүтээх дагаврын хураангуй.– Хөхот: Өвөр монголын сурган хүмүүждлийн хэвлэлийн хороо, 2001.
 18. Онорбаян Ц. Некоторые вопросы изучения способов словообразования в монгольском языке / Сб. «Проблемы морфологии и словообразования монгольских языков». – Улан-Удэ: Издательство БНЦ СО РАН, 2011.– С.46–53.
 19. Орчин цагийн монгол хэл. – Улаанбаатар хот, 2010 он. – 447 с.
 20. Самбуудорж О. Монгол хэлний этгээд үг хэллэг. Редактор, академич Кара Дөрдь.– Улаанбаатар., 2002.– 158 тал.

Ж.А. Убушиева

Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова

СИМВОЛИКА ЖЕЛТОГО ЦВЕТА В ЯЗЫКОВОЙ ТРАДИЦИИ КАЛМЫКОВ

*Исследование выполнено по внутриуниверситетскому гранту КалмГУ
«Монгольские и тюркские языки: традиции и инновации»*

Проблема цветовой символики широко изучалась и продолжает интересовать исследователей в настоящее время. С появлением в науке направления лингвокультурологии и когнитивной лингвистики возникла необходимость рассмотреть цвет в новом ракурсе. В данной статье мы обращаемся к желтому (в переводе на калм. шар) цвету как одной из основных лингвокультурологических категорий в цветовой символике калмыков. Поскольку изучение, анализ и исследование мира цвета имеет важное значение в освещении истории народа и его языка, связи с природой, другими народами, мы рассмотрели особенности функционирования цвета шар в художественных и фольклорных произведениях, а также в составе фразеологических единиц.

Ключевые слова: цвет, цветовая символика, лингвокультурология, когнитивная лингвистика, желтый цвет, языковая традиция, языковая культура, фольклор, художественные произведения, фразеологизмы, калмыцкий язык.

Zh.A. Ubushieva

Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov

THE SYMBOLISM OF YELLOW COLOR IN THE LANGUAGE TRADITION OF THE KALMYKS

*Research is supported by grant of the Kalmyk state university
“Mongol and Turkish languages: traditions and innovations”*

The problem of color symbolism has been widely studied and continues to attract scholars at present. With the advent of the direction of linguistic-cultural studies and cognitive linguistics in science, it became necessary to consider color from a new perspective. The author of the article considers the yellow (translated into Kalmyk “shar”) color as one of the main categories of culture in the Kalmyk language, tradition and culture in general. The study, analysis and inquiry of the world of color is important in highlighting people’s history and language and relationship to nature and other nations, the author made an attempt to study the performance features of the color “shar” in fictional and folklore works, as well as in the compound of phraseological units.

Key words: color, color symbolism, linguoculturology, cognitive linguistics, yellow color, language tradition, language culture, folklore, works of art, phraseological units, Kalmyk language.

В данной статье мы разберем желтый цвет, его символику и значение в лингвокультурологическом аспекте, а также попытаемся рассмотреть, как в традиции калмыков желтый нашел отражение в разных сферах, в языке и фольклоре. Лингвокультурологический вектор в исследованиях по цветолингвистике – это и восстановление смысловых трансформаций, которые отражают соответствующие той или иной эпохе аксиологические константы, и реконструирование ментальных установок этноса, и

воссоздание мировоззренческой системы универсума в целом [1, с. 52]. Нужно учитывать, если цвет рассматривать как знак, то необходимо понимать, что общественный и культурный опыт, на основе которого человек переживает знак, постоянно меняется, меняются события, атмосфера жизни, меняется означаемое, а значит – и сам знак [2, с. 58].

Желтый – один из первых цветов в искусстве, и связано это было с его доступностью. В древнем мире жёлтый ассоциировался с золотом и воспринимался как застывший солнечный свет. А если он был связан с солнцем, то, естественно, был очень почитаем. Еще Аристотель выделял по важности и значимости только три цвета: белый (воздух, вода), желтый (огонь, солнце) и черный (мрак), а древнегреческие философы утверждали, что цвет получается в процессе взаимодействия света и тьмы, светлого и темного.

Шар, по-калмыцки желтый цвет, символизирует вероисповедание народа, это цвет кожи и, наконец, это олицетворение того, чтобы Калмыкия всегда была солнечной. Желтый цвет пользуется особым почитанием у калмыков-ламаистов как символ буддизма. Желтый – цвет солнца и оптимизма, символизирует долгую жизнь. Буддийские монахи по традиции носят одежду шафранового цвета.

В калмыцко-русском словаре под редакцией Б.Д.Муниева слово «**шар**» имеет несколько значений:

I. 1) желтый, рыжий, русый, *шар кун* – рыжеволосый (рыжий) человек, *шар арстн* – желтокожие, *шар арат* – степная лисица, *шар усн* – светло-русые волосы, волосы на теле, *шар тосн* – топленое масло, *шар нарн* – солнце красное, *шар махлатнр* – желтошапочники (последователи Зункавы) и так далее 2) *шар өрг* – абрикос, *шар харһа* – сосна, *шар модн* – тутовое дерево, *шар толһата моһа* – уж, *шар өтг* – гиена, *шар зөг* – оса, *шар бичг* – тибетское курсивное письмо, *шар моңһл* – желтый монгол (название одного из родов калмыцкого народа).

II. 1) чайники, 2) отходы, отбросы

III. Изжога [3, с. 665].

Желтый цвет в калмыцком языке носит описательный характер предмета и в переводе на русский может отражать как сам цвет (*шар усн* – молозиво, гной), так и его смысл (*намрин шар нарн* – бабье лето). Как и красный, он относится к солярному цвету. Таким образом, желтый цвет – цвет солнца, жизни, тепла и веры [4, с. 270].

Солярной символикой наполнено и цветовое оформление свадьбы, свадебной поэзии. Все ритуальные движения на свадьбе совершаются по ходу солнца. Невесту увозили из родительского дома на коне масти сакрального цвета, чтобы новая жизнь была полна движением вперед. А цвет платья невесты напоминал лик восходящего солнца [5, с. 94].

В речевых оборотах калмыцких произведений мы смогли найти интересные выражения с цветом шар. Как говорилось выше, для калмыков религиозная тема была всегда важной, поэтому «буддизм» в переводе на калмыцкий язык звучит как *шар шажн* – желтая вера. Г.Ц.Пюрбеев в работе «Эпос «Джангар»: культура и язык (этнолингвистические этюды)» пишет: «Помимо своего прямого назначения, он выражает функциональные коннотации, символизируя цвет буддийской, желтой религии (шар шажн, шарин шажн), отсюда его священность, ритуальная жертвенность и сакральность» [6, с. 59].

Приведем примеры из газетных статей:

Пример: Шар шажсна туск сурһулин дегтрмуд, үзмр дөңцлмүд, нань чигн тоот школд кергтэ гижэ [КНК – Х.У].- «Было отмечено, что школе необходимы учебники, демонстрационный материал о буддизме и многое другое».

Пример: Удл уга эн шин хурлд шишилң шар шажэна музей эдлврт орулдгдхмн [КНК – Х.У.] – «Скоро в здании нового хурула начнет работать музей буддизма (желтой веры)».

Пример: Бидн бичкдүдт, байчүдт шар шажэна ном дасхх зөвтэвидн [КНК – Х.У.] – «Мы должны преподавать детям и молодежи основы буддизма (желтой веры)».

Кстати, ведущая роль желтого цвета в палитре красок школы Гелуг принадлежит желтошапочной школе. Помимо желтых шапок, вид которых зависел от ранга их владельцев, за особые заслуги перед пинским императорским двором хутухты (святые) и хубилганы (перерожденцы) получали право иметь желтые поводья у верховой лошади, ездить в желтых носилках, иметь желтую полосу – пояс на юрте, а хубилганы – еще и желтую ограду вокруг своего дворца [7, с. 271].

По мнению Н.В.Кочеткова, у калмыков и западных бурят особо почитались Солнце и Луна. Культ Солнца в искусстве калмыков присутствовал во всем – в оформлении жилища, в вышивке и т.д. У калмыков особо почитались в XIX в. цвета только красный и желтый. Красный цвет связывали с солнцем и любили называть себя улан залата хальмг (калмык с красной кистью) [8, с. 62].

В русском языке есть выражение красное солнышко, где красный, являясь общеславянским словом, восходит к основе краса, имевшее исходное значение «красивый» [9]. В калмыцком же солнце желтое – шар нарн. Возможно, отождествление солнца как макрокосмоса и обожествление природы порождало веру в огромную и чудесную силу этой звезды. В произведениях Константина Эрендженова мы нашли такие примеры:

Пример: Ода эн ормдан орчлцгин шар нар үзл уга од! [КНК – Э.К.] – «Да чтоб ты провалился на этом месте, не видя солнца (красного)! (проклятье)».

Пример: Шар нарн делкэд негн, Көртэ һазр цугтад негн [КНК – Э.К.] – «В мироздании солнце красное одно, и земля для людей одна».

О силе солнца упоминал в своих трудах и врач, ученый этнограф Душан Улюмджи. Вот что он писал: «Что касается зажигания костров во время «Зуль», то это есть, несомненно, желание воздействовать на убивающую силу солнца путем разведения костров и лампад и тем самым оживить умирающую от зимнего холода природу» [10, с.171].

По словарю Муниева Б.Д., одно из первых значений слова шар является рыжий, русый человек. Светлого и светловолосового человека калмыки называли шар күн, шар үстэ күн.

Примеры: Маитг шар бергэн машинэс көтлэд буулһув [КНК – Э.К.] – Высадил из машины свою рыжую (светлолицую) сноху небольшого роста.

Пример: Эльза Кларата хоюрн – йоста гиде неми күүкд бээсмн, цецкр нүүдтэ, ут шар үстэ, улагчрсн халхта, минчисн зузан урлта блондинкс [КНК – И.Н. 2005]. – Эльза с Klarой вдвоем были настоящими немками, с голубыми глазами, длинными светлыми волосами, румяными щечками, полными красными губами блондинки.

Пример: Не, не гицхэнэ, намаг йовжэ одхла, эврәһэрн кеецхэнэ, гижэ шуматр шар күүкн босжэ келв [КНК – Э.К.] – Шустрая светлолицая девушка заявила: «Они соглашались, но, когда я ухожу, делают по-своему».

Заметим, что в монгольском языке шар ус в первом значении совпадает с калмыцким «а) светло-русые волосы», второй его перевод «б) волоски на теле, мелкие волосы на теле», кроме того, есть еще третье значение, с пометой «хуучир. – устаревшее» «в) желтый волос (так в свое время в Монголии называли разные болезни: испанку, эпидемическую пневмонию, рак и др.): монг. шар хун «рыжий человек; блондин,

белокурый человек); *шара нахал* «рыжие (или белёдые) усы», букв. «жёлтые усы»; *шара шэрэ* «жёлтая краска», монг. *шар зос* «жёлтая охра».

Нередко в калмыцких названиях пищи можно встретить названия различных цветов. Например, улан луувч (свекла), улан эрк (красное вино), цаһан идэн (молочные продукты), цаһан һуйр (белая мука), цаһан хавстн (белокочанная капуста), цаһан тосн (сливочное масло), цаһан эрк (водка), шар луувч (морковь), шар тосн (топленое масло), шар усн (сыворожка), шар уург (молозиво, желток яйца). В основном цвет в названии указывает просто на цвет самого продукта, упрощая процесс запоминания.

Сливочное масло калмыки называют белым, то есть цаһан, а топленое масло шар по цветовому описанию. Посмотрим разные выражения в произведениях:

Пример: Чигэн, шар болн цаһан тосн, ээрг, арц, хөөрмг, тарг, ээзг, шуурмг, эрк нань чигн хот-хол кегднэ [КНК-Х.У]. – «Из этого производят кефир, топленое и сливочное масла, все виды молочных продуктов, сыры, творог, водка и многое другое».

Пример: Тавглата булмгин көвдһарнь хээлцгү шар тосн мелткһзнэ, қақһнсн хуурдң үнр хамрар орж таангерна [КНК – Э.К.]. – По краям тазика, в котором готовится булмг, появляется топленое масло, и благоухающий запах жареного приятно бьет в нос.

Пример: Зэрснь хээлсн шар тоста, хатасн махта, хальмг цээтэ [КНК – Э.К.]. – «Некоторые имеют топленое масло, сушеное мясо и калмыцкий чай».

Пример: Нохан геснд шар тосн тордмн биш [КНК – Э.К.]. – «букв. В желудке у собаки топленое масло не застывает».

Пример: Һарсн үрэн элкндэн шахжэ теврэд, алтн шар уурган көкүләд, сөөни ээптәхн нөөрэн гееһэд, амр-тавар бээлһэн мартад, эк үрэн өскжэ авдг [КНК-Х.У]. – Мать растит своего ребенка, прижимая его к себе, кормя ценным грудным молочком, мать сладкие ночные сны, забывшая о своей прежней спокойной жизни.

Пример: Шар өрг, альмн, черешнь, уста үзм эжил болһн сән урһц өгдгнь Василий Манджиевич темдгль [КНК-Х.У.]. – Василий Манджиевич отметил, что хорошо растут абрикос, яблоко, черешня и изюм.

В противовес яркому, солнечному, оптимистичному желтому стоит тусклый, болезненный и темный желтый. Значение такого цвета кардинально меняется и уже вызывает неприятные ассоциации, связанные с кожными заболеваниями, например, желтухой.

Четкая символика желтого как сигнала болезни идет со времен средневековой эпидемии чумы. Тогда все зараженные территории помечались желтыми крестами. Долгое время желтый флаг, поднятый над кораблем, означал карантин. Этот цвет нес и другую негативную символику. Он считался цветом ревности, жадности, обмана, неверности, предательства; Иуду часто изображали в грязно-желтой накидке, а нацисты предписывали евреям носить желтые «повязки позора» [11, с. 114].

У калмыков есть выражение *шар булна*, которое в переводе означает страдать от изжоги. Если разобрать буквальный перевод, то получится «желтое кипит», это говорит о выделении избыточного желудочного сока и раздражении слизистой желудка. Возможно, как раз и поэтому в художественной литературе и разговорной речи часто это выражение используется в виде метафоры, которая означает «испытывать злость, гнев, негодование». Вот как это выглядит в произведении:

Пример: Эн шивэ-бэашиң, өмн үзет кыргызмудын мелд бээх һазрт, зөвар холд шурһад орж тосхгдсн төләднь теднэ нүднь хорсад, шарнь буслад бээв [КНК – И.Н.2011]. – «Эта крепость, находившаяся на востоке со стороны киргизов, вторгшихся на территорию, вызывала ненависть и негодование».

Конечно, цвет имеет тенденцию переосмысливаться в метафорическом и метонимическом плане как черта, присущая личности или предмету [12, с. 104].

В монгольском языке **шар** «гепатит, желтуха; жёлтый волос», как выше уже отмечалось, так в Монголии называли разные болезни: испанку, эпидемическую пневмонию, рак и др.; **шар халуун** «тиф (возвратный); желтуха», букв. «жёлтая горячая»; **ярын шар ввчин** «сифилис», букв. «язвенная жёлтая болезнь» [11, с. 123].

Рассмотрим цвет шар в природных реалиях. На физиологическом уровне восприятия жёлтый цвет в калмыцком языке ассоциируется с природными явлениями, поверхностью земли, цветом почвы. Например, шар **һазр** (букв. жёлтая земля), шар **шора** (букв. жёлтый песок), шар **хулсн** (жёлтая солома), «бабье лето» – теплые осенние дни в сентябре калмыки называют **намрин шар нарн**, букв. «осеннее жёлтое солнце», а в монгольском языке это время тоже называется **намрын шар нар**. Например, в газетном номере за 2006 год имеется: *Кезэнэ бидн эн зээсэд аду хэрүлдг цагтан үвднй өмэрэн Манц һатлад Күмин шар хулснд күрч үвздг билэвидн [КНК-Х.Ү.]*. – «Раньше, когда пасли табун у этого богача, в зимнее время мы переходили реку Манц, доходили до камышей реки Кумы и зимовали там».

Цвет шар присутствует и в названиях масти животных. Например, шар **моһа** (букв. жёлтая змея) – уж, шар **гурвлг** – ящерица, шар **арат** – рыжая лисица, масть коровы **шар-цоохр** :

Пример: Гев-генткн шалдасн делцгтэ шар-цоохр үкр өмнэснь зөржэ харһад, өөрнь иржэ доһдн мөөрв [КНК – С-Б. Х.]. – «Вдруг нам навстречу вышла жёлто-рябая корова с выменем полного молока, остановилась около нас и замычала».

Пример: Та, Бадм, Манжин Нимгрин бичсн «**Шар** ямана арсн» гидг келвр соңслт? [КНК – Э.К.] – «Вы, Бадма, слышали о рассказе Нимгира Манджиева «Жёлтая шкура козы?»

В калмыцком языке можно выделить и топонимическую терминологию, в которой цвет шар также нашел широкое применение. Например, названия населенных пунктов:

Шар-Эльсн (букв. «жёлтый песок») – речка в Кетченеровском районе;

Шар-Адрг (букв. «жёлтые бугры») – местность в Юстинском районе;

Шар булг (букв. «жёлтый родник») – сельский населенный пункт в Ики-Бурульском районе;

Шар Мота (букв. «местность с тутовым деревом») – местность в Юстинском районе;

Шар Көл (букв. «жёлтое озеро») – балка в Целинном районе;

Шар нохан сала (букв. «балка жёлтой собаки») – балка в Ики-Бурульском районе;

Шар Нур (букв. «жёлтое озеро») – урочище в Яшалтинском районе,

Шар Оли (букв. «жёлтая осока») – лиман в Октябрьском районе,

Шар Сог (букв. «жёлтый луг») – местность в Юстинском районе;

Шар Тек (букв. «жёлтая степь») – местность в Кетченеровском районе,

Шар Толһа (букв. «жёлтый курган») – курган в Кетченеровском районе;

Шар хулсн (букв. «жёлтый камыш») – лиман в Октябрьском районе;

Шар царнг (Шар царн) (букв. «жёлтый лиман») – урочище в Яшкульском районе;

Шар эмч гелц (букв. «врач Шар гелюнг») – местность в Ики-Бурульском районе;

Шара (Шар) (букв. «жёлтый») – местность в Лаганском районе;

Шар улюн (Шар оли) (букв. «жёлтая осока») – лиман в Октябрьском районе [13].

Калмыкия в большей степени является степным регионом, курганов, лиманов, бугров, возвышенностей и холмов много. В Кетченеровском районе есть местность **Цаһан Эльсн**, которая переводится на русский как «белый песок», и в этом же районе есть речка **Шар Эльсн** – «жёлтый песок». Предположительно, названия происходят по внешнему описанию и восприятию местности [14, с. 5].

Немало желтого цвета употребляется в пословицах, загадках и поговорках. Например, *Улан шар гидг өңгин йилл, отг сумн гидг нутгин йилл.* – перевод: *Красное, желтое – различие в цветах, Оток и Сомон – различие внутри нутука* [ППЗКРОК, с. 596]; *Шар ноха шарвада бяжж, тарлж.* – «Желтая собака жиреет, виляя хвостом» [ППЗКРОК, с.680].

Калмыки издревле красный и желтый цвета считали священными, потому что именно эти два цвета ассоциировались с религией и шаманизмом, то есть с высшим обществом, которое чаще всего и было грамотной прослойкой населения. Возможно, поэтому в первой пословице и упоминаются эти два цвета наряду со словом «государство».

Далее мы приводим загадки, в которых те же описания, что были уже упомянуты нами выше (светловолосый мальчик, рыжий мальчуган, желтое вино, желтый чай (может говориться о зеленом чае):

1. Төрг шар көвун төр болһнд дутх уга.
(букв. *Круглый желтый мальчик в каждом деле не отстаёт (везде успевает)*
(Чашка) [ППЗКРОК, с.740].
2. Эргэс урд Хойр шар көвун урддж.
Из-под горки бегут наперегонки два рыжих мальчугана.
(Сопли) [ППЗКРОК, с.639].
3. Нег бочкт цаһан шар хойр эрк.
В одной бочке и белый, и желтый алкогольный напиток.
(Яйцо) [ППЗКРОК, с.753].
4. Тал деер шар цэ буслж.
На ровной местности кипит желтый чай.
(Муравьи) [ППЗКРОК, с.770].

Во многих культурах желтый цвет ассоциируется с золотым цветом. Калмыцкая культура не исключение. Золото – драгоценный металл, символ вечности, постоянства, ценности и богатства. Желтый как дублер золота – также цвет самого Будды и относится к стихии земли.

В буддизме золотой имеет множество значений: солнце, жизненная энергия, долголетие, власть, материальные блага, нирвана. По этой причине многие статуи и изображения живописи покрывают будд и бодхисатв золотой краской или напылением из золота. Желтый – относится к палитре цветов-сыновей и означает материальный и духовный мир, любовь. Нередко Будда Шакьямуни изображается в таком одеянии.

А в одном из главных направлений в буддизме, махаянском, каждая краска – это ступенька на пути к Будде. Палитра от черного к светлым оттенкам сама по себе символизирует движение к просветлению, а затем к золотому – к нирване. При этом соблюдается определенная последовательность:

- Желтый – монашество, которое встало на правильную тропу буддизма.
- Золотой – высшая ступень, состояние Будды, нирвана.

Нередко калмыки в языке золотой и желтый цвет отмечали вместе: *Шар алтн билцгтэ болдмб?* [КНК – Э.К.] – «Он(а) оказалась с золотым (желтым) кольцом?»

Очень много золотого цвета можно встретить в калмыцких пословицах:

1. Усн усн аршан,
Усн шора алтн.
*Вода, которую пил, словно аршан целебный,
А земля, на которой родился, словно золотая* [ППЗКРОК, с.86].

1. Өмд йовсн кун

Алтн ааһар чигн хот уудг.

*Живому человеку и из золотой чаши
Доведется испить* [ППЗКРОК, с.91].

2. Өмдин чирэ – алтн

Укснэ чирэ – умсн.

Лицо живого словно золото,

Лицо мертвого словно зола [ППЗКРОК, с.92].

3. Алтна өөр улан мөңгн шарлж үзгддг, сэн күүнэ өөр му күн сэн болж медгддг. – *Рядом с золотом и хорошая медь отдает желтым блеском, рядом с хорошим человеком и плохой кажется лучше* [ППЗКРОК, с.454].

4. Алтни хажуд зес шарлна, сээни хажуд му сээжрнэ.

Рядом с золотом и медь желтеет,

Рядом с хорошим человеком и плохой становится лучше [ППЗКРОК, с.449].

Хочется отметить, что зачастую золото придавало ценность и важность предмету или явлению. В пословице говорится, что даже земля становится на вес золота, если этот песок принадлежит родной земле, то есть там, где человек родился и вырос. А если человек жив и здоров, то он может добиться успеха в жизни и «испить из золотой чаши», такое идиоматическое выражение указывает на возможность достичь высот в социальной и финансовой сфере. Конечно же, золотистый или желтый цвет кожи придает живому человеку больше тепла и радости, а это значит, что самое ценное у человека – это жизнь. Не зря калмыки смерти приписывают цвет серой золы, как символа потухшего золотисто-желтого огня или костра, в котором когда-то было столько энергии и сил. Можно выделить красивое сравнение жизни с золотом, а смерти с золой.

В целом, желтый цвет у калмыков отражает развитие языка и раскрывает многие этнографические особенности жизни и быта народа, а прилагательное **шар** в калмыцком языке употребляется как для описания окружающего мира, так и для характеристики внешнего и внутреннего мира человека: внешности, умственных и физических способностей, эмоционального и психического состояния. Одна из главных сфер калмыцкого народа – религия, которая на протяжении долгого времени является основной желтой верой, само слово буддизм в переводе на калмыцкий *шар шажн* содержит этот цветовой компонент. Наряду с желтой верой *шар нарн* – Солнце – также играло особую роль в жизни народа. Небесное светило как символ жизни, плодородия и благополучия также ассоциируется с теплым желтым цветом. Изучая символику **шар**, мы выяснили, что в калмыцком языке в переносном значении он может содержать в себе негативный оттенок, выражая эмоцию гнева, негодования или возмущения (*шар буслна* – «желчь вскипает»). Однако таких примеров желтого цвета с отрицательным значением более не встречалось, что говорит о значимости цвета шар в калмыцкой лингвокультуре.

Список источников

1. КНК – Калмыцкий национальный корпус. http://web-corpora.net/KalmykCorpus/search/index.php?interface_language=ru
2. С-Б. Х. – Сян-Белгин Хаср. Дурн болн дун. Любовь и песня. 1970/
3. Э.К. – Эрнжэнэ Константин. Галан хадһл (хойр ботыга роман). Береги огонь. 1979 /
4. ППЗКРОК – Пословицы, поговорки и загадки калмыков России и ойратов Китая. Сост. Тодаева Б.Х. –Элиста, 2007. – 839 с.

5. И.Н. – Илюмжин Николай. Абиль. Гвардейцнр. 2005/
 6. И.Н. – Илюмжинов Николай. Ө-шуһу модна һазрт (В лесу дремучем) 1900-2011/
 7. ХУ – газета «Хальмг үнн». 2006/

Список литературы

1. Мукабенова Ж.А. Колорема оранжевый как социолингвистическая категория // Язык, литература, ментальность: разнообразие культурных практик. – Курск. 2016. №2.
2. Боженкова Н.А., Мукабенова Ж.А. Лингвоколористика как способ отражения этноментальных особенностей культуры: к постановке проблемы // Язык и межкультурная коммуникация в современном информационном пространстве. – Курск. 2015. – №4.
3. Калмыцко-русский словарь под ред. Муниева Б.Д. – М.: Изд-во «Русский язык», 1977. – 768 с.
4. Шараева Т.И. К проблеме изучения маркеров рода: символика и функции «өлгц» // Монголоведение. Т.2. №1, 2003; 2(1) – С.265–272.
5. Голубева Е.В. Калмыцкие культурные концепты. – Элиста: изд-во КалмГУ, 2009.
6. Пюрбеев Г.Ц. Эпос «Джангар»: культура и язык (этнолингвистические этюды) / Г.Ц. Пюрбеев. – Элиста, 1993.
7. Позднеев А.М. Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии в связи с отношением сего последнего к народу / [Соч.] А. Позднеева. – СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1887. – XVI, 492 с.: табл.; 11 л. ил.
8. Аюшова Ц.Н. Этническая картина мира калмыков: лингвокультурологический аспект. – Элиста: изд-во Калм. ун-та. 2012. – 120 с.
9. Этимологический онлайн-словарь русского языка Крылова Г.А. – Интернет ресурс: URL: <https://lexicography.online/etymology/krylov/> (дата обращения: 27.08.2022)
10. Душан У. Д. Избранные труды. Сост. Батыров В.В., Шараева Т.И. – Элиста: КИГИ РАН, 2016. – 376 с.
11. Хинзеева Д.П. Цветообозначение в бурятском языке: лингвокультурологический аспект: дис. канд. филол. наук / Д.П. Хинзеева. – Улан Удэ, 2011
12. Файзуллина З.С. «Этнокультурные особенности цветообозначения в современном башкирском языке»: дисс. канд. филол. Наук. РГБ. – Уфа, 2005
13. Гедеева Д.Б., Убушиева Б.Э., Лиджиева Л.А., Баринаева Б.В. Словарь топонимов Республики Калмыкия. Хальмг Тангчин Газр-усна нердин толь бичг. – Элиста: КалмНЦ РАН, 2019. – 344 с.
14. Мушаев В.Н., Лиджиев М.А., Шурунгова Б.А., Мукабенова Ж.А. Лингвокультурологический аспект лексем «белый-черный» (на материале калмыцкого языка) // Мир науки. Социология, филология, культурология, <https://sfk-mn.ru/PDF/48FLSK420.pdf> (доступ свободный). Загл. с экрана. Яз. рус., англ. – 2020. №4.
15. Пословицы, поговорки и загадки калмыков России и ойратов Китая. Сост. Тодаева Б.Х. – Элиста: ЗАОр «НПП Джангар». 2007. – 839 с.

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

С.В. Димитрова¹, Г.П. Кальдинова², М.А.Кярова³

¹Волгоградский государственный университет

²БНУ РК «ИКИАТ»

³Кабардино-Балкарский государственный аграрный университет им. В.М. Кокова

О НОВЫХ ТИПАХ СОЛИДАРНОСТИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНЫХ РИСКОВ

Поиск новых форм сплоченности в условиях современного, стоящего перед лицом глобальных угроз мира имеет экзистенциальную значимость.

Цель исследования – рассмотреть солидарность как основание для преодоления доктрины индивидуализма. Актуальным становится поиск ресурсов для достижения солидарности в условиях, при которых активность свободного субъекта может проявляться не в эффективных действиях в условиях заданной системы, а в способности дистанцироваться, сопротивляться существующим порядкам. Представляется, как последовательное воплощение идеалов индивидуализма приводит к беспрецедентной степени неопределенности, непредсказуемости социального развития. Обосновывается продуктивность типов солидарности, основанных не на институционально закрепленных правилах и стратегиях поведения, а на инициативных, лично ответственных действиях людей.

Ключевые слова: *солидарность, индивидуализм, экзистенциальные угрозы, «общество риска», коллективизм, институциональные и неинституциональные нормы, ответственность, альтруизм.*

S.V. Dimitrova¹, G.P. Kaldinova², M.A. Kyarova³

¹Volgograd State University

²Institute for Comprehensive Research of Arid Areas

³Kabardino-Balkarian State Agrarian University named after V.M. Kokov

ON NEW TYPES OF SOLIDARITY UNDER THE CONDITIONS OF GLOBAL RISKS

The search for new forms of cohesion in the conditions of the modern world, facing global threats, has an existential significance.

The purpose of the study is to consider solidarity as a basis for overcoming the doctrine of individualism. It is presented as a consistent embodiment of the ideals of individualism which leads to an unprecedented degree of uncertainty, unpredictability of social development. The search for resources to achieve solidarity becomes relevant in conditions under which the activity of a free subject can manifest itself not in effective actions under the conditions of a given system, but in the ability to distance oneself, to resist the existing order.

The authors believe that the productivity of solidarity types should be based on initiative and personally responsible actions of people rather than on institutionally fixed rules and strategies of behavior.

Key words: *solidarity, individualism, existential threats, “risk society”; collectivism, institutional and non-institutional norms, responsibility, altruism.*

Введение. Проблема становления и выявления сущности понятия «солидарность» часто оказывается в поле исследовательского интереса социально-гуманитарного знания. Социология, этика, юриспруденция, социальная философия сформировали

различные подходы к определению сущности, истоков и путей достижения солидарности. Примечательным является то, что и в рамках одной науки к решению вопросов о «природе» солидарности формулируется множество разнообразных, а порой противоречивых подходов.

В условиях развития современного, сложного общества появляются новые тенденции, определяющие способы достижения согласия, что позволяет указать на продуктивность междисциплинарного анализа проблемы солидарности.

Бинарность подходов и противоречивость статуса понятия солидарности заключается в том, что, с одной стороны, солидарность рассматривается как некий идеал, указывающий на уровень нравственного развития, при котором становится возможным достижение согласия. С другой стороны, солидарность рассматривается как научная проблема, исследование которой предполагает анализ механизмов формирования принципов и ресурсов сохранения социального единства.

Таким образом, сложность формирования научного дискурса обусловлена тем, что понятие солидарности оказывается связанным с определенными политическими, классовыми идеалами и нравственными нормами. И именно эта связанность понятия солидарности с политическими и этическими нормами является одной из причин, обуславливающей неравномерность исследовательского интереса. Сложность анализа солидарности заключается в «полисемии» данного понятия, которая «...несомненно повлияла не только на повседневный, политический или моральный дискурсы солидарности; она (полисемия)... проникла в научный дискурс, оказывая на него существенное влияние. Это влияние прослеживается и в классических теориях, и в современных» [8, с. 10].

К причинам, приводящим к забвению научного исследования понятия, относят «неочевидность» самого феномена солидарности. «Парадоксальность заключается в том, что в социологии социальная солидарность признается необходимым и достаточным условием социального целого, её наличие ... Но верификация её крайне затруднительна в силу того, что социальная солидарность является неочевидным, а потому чрезвычайно сложным для исследования феноменом» [11, с. 18].

Важным, на наш взгляд, является и то, что понятие солидарности в обыденном сознании также имеет позитивные и негативные коннотации. Это связано, к примеру, с историческим прошлым нашей страны, а также с логикой становления и развития индустриальных обществ. Использование понятия солидарности в пропаганде ценностей советского строя имело ярко выраженный классовый характер. Сформировались условия, при которых солидарность, как принцип социальной жизни, стала ассоциироваться с навязанными ценностями коллективизма, с попранием идеалов индивидуальной свободы и личной автономии. Тем самым развитие, направленное на провозглашение идеалов личной свободы, может быть рассмотрено как одно из условий «забвения» идеалов солидарности.

Однако в условиях нестабильного, рискогенного, стремительно изменяющегося мира проблема солидарности вновь становится актуальной. «Солидарности и в самом деле нужно уделить новое внимание как социологическому понятию, наряду с моралью и возможностями альтруизма, которые идея солидарности подразумевает» [1, с. 103].

Условием возвращения интереса к проблеме солидарности в социологии, социальной философии, политологии стала необходимость решения таких задач, как «...проблема культурной и гражданской идентичности, обострившаяся, в том числе, в связи с беспрецедентными миграционными потоками в западные страны со стороны культурно и ментально не близких регионов, и тесно связанная с предыдущей проблемой сохранения определенного уровня жизни и социальной защищенности» [11, с. 19].

Важно отметить, что стремительность изменений мира ведет к возникновению новых форматов взаимодействия между социальными акторами – меняются способы коммуникации, появляются новые социальные группы и т.д. В этой связи актуальным становится философское пере/осмысление такого понятия, как солидарность.

Быстрая скорость изменений жизни отдельных социумов и мирового сообщества в целом актуализировала такие основания для возрождающегося интереса к проблеме солидарности, как стремление к безопасности, сохранению жизни людей и обществ. Проблема солидарности в настоящее время не только актуальна, но и обретает экзистенциальный характер. Преодоление возникающих рисков связано с обострением проблем войны и мира; угрозы голода; возникающих и стремительно распространяющихся инфекций.

Экзистенциальный характер угроз, возникающий в условиях высокотехнологического развития, сделал очевидным необходимость поиска и установления новых типов солидарности, поиска иных ресурсов для поддержания общественного единства. Между тем стихийно возникающие новые формы солидарности актуализируют необходимость исследования формирующихся тенденций, приводящих к появлению различных форм единения в современном динамичном мире.

Таким образом, последовательное воплощение идеалов индивидуализма привело к ситуациям, при которых не только актуализировались проблемы достижения личной свободы, но и возникли экзистенциальные угрозы – проблемы существования людей. Возникшее противоречие послужило условием для постановки цели исследования – рассмотреть солидарность как основание для преодоления доктрины индивидуализма.

Обзор литературы. Определение характерных черт солидарности в социально-философских исследованиях неизменно связано с анализом важнейшей проблемы общественного развития – возможностью сосуществования личной свободы и социального порядка. По мнению О.Конта, есть два условия существования социальной солидарности «... самостоятельность и сотрудничество, между которыми общество обязано установить правильные отношения» [12].

Солидарность в трудах представителей классических теорий социологии рассматривалась как следствие «внешнего воздействия», результат структурных условий, при которых осуществляются действия людей. Разделение и специализация труда выступают важнейшим ресурсом, формирующим институционализированные нормы и правила. Таким образом, солидарность есть результат следования предписанным нормам, обеспечивающим высокую производительность труда.

Марксистская философия рассматривала разделение труда как процесс, основанный на способах распределения собственности. Соответственно, в классовых обществах, где собственность принадлежит господствующему классу, специализация труда приводит к усилению эксплуатации. Следует отметить значимость марксистской теории отчуждения, в которой повышение производительности труда, специализация деятельности и даже улучшение материального положения профессионалов представлены как механизмы подавления личности. Вместе с тем усиление классовой сплоченности позволит сформировать условия, при которых станет возможным гармоничное развитие человека.

Согласно учению Э.Дюркгейма, специализация труда способствует возникновению гибкости социальных отношений, что, в свою очередь, формирует условия для гармоничного сочетания индивидуальных интересов и общественного порядка. Переход от традиционного общества к индустриальному становится основанием для формирования

органического типа солидарности, при котором социальный статус становился результатом сознательного выбора индивида. Таким образом, переход от механического типа солидарности к органическому позволяет реализовать личные свободы, не нарушая социальный порядок, поскольку «...индивидуальные натуры, специализируясь, становятся сложнее и в силу этого отчасти избавлены от коллективного воздействия и от наследственных влияний» [9, с. 412].

Основанием единства при механической солидарности явилось коллективное сознание, похожесть индивидов, а органическая солидарность жидилась на взаимодействии индивидуальных и функциональных различий. Однако важно учитывать то, что в контексте учения Дюркгейма признавалось присутствие механической солидарности в обществах, основанных на органическом типе солидарности. Как подчеркивал Гофман А.Б., «если механическая солидарность и общества, основанные на ней, могут существовать без органической, то органическая и соответствующий ей тип общества без механической – не могут» [8, с. 119]. Для нашего исследования является важным вывод о том, что смена источников солидарности предполагает смену приоритетов, повышение роли одних форм взаимодействия и состояний над другими.

Еще одним значимым подходом к определению понятия солидарности является учение М.Вебера о социальном действии. Основанием солидарности, по Веберу, являются сознательные действия индивидов, направленные на достижение целей и учитывающие интересы других. Взаимная ориентированность социальных действий приводит к возникновению социальных отношений, которые могут обрести статус почитаемого порядка, поскольку воспринимаются индивидами как обязательные. Установление порядка, связанное с радикальной ориентацией на ценности и цели, выступает основанием единства, проявляющегося как в соотнесенности действий людей, так и обществ.

Принципиальным отличием подхода М.Вебера становится то, что сплоченность является не результатом действия, внешних по отношению к индивиду, институциональных норм, а как ориентированные на достижение собственных целей действия индивидов. Рациональность как главный ресурс достижения солидарности не является субстанциальным фактором и трансформируется в результате изменений социокультурных условий. Переход от материальной, ценностно-ориентированной рациональности к целерациональной, формальной рассматривается М.Вебером как ориентированная ценностная рациональность.

Материальная рациональность, преобладающая в традиционных обществах, «характеризуется степенью, в какой снабжение определенной группы людей жизненными благами осуществляется путем экологически ориентированного социального действия с точки зрения определенных ценностных постулатов» [5, с. 711]. Формальная рациональность основывается не на качественных, а на количественных, калькулируемых отношениях. Примечательным становится то, что воспроизводство единства, посредством ориентированных на достижение собственных целей действий индивидов, приводит еще к большей обезличенности, чем следование внешним институциональным нормам.

Процессы становления и развития индустриального общества привели не к установлению органической солидарности, позволяющей в процессе реализации личных интересов поддерживать социальный порядок, а сформировали обезличенную силу, господствующую над людьми. Г.Маркузе, анализирующий особенность порабощения людей в развитых индустриальных обществах, подчеркивает, что угнетение «...связано не с естественной и технической незрелостью, а с позицией силы» [13, с. 256].

Тем самым солидарность также выступает как репрессивная, навязанная стратегия поведения. В высокотехнологичных обществах устанавливается деперсонализированный вид угнетения – автономная логика эффективного производства. При этом любое стремление людей к освобождению связано с необходимостью отрицания рационального порядка, способствующего сохранению безопасности людей и удовлетворению их растущих потребностей. Перманентное увеличение эффективности труда меняет характер производства, которое направлено на то, чтобы не только удовлетворять, но и формировать потребности индивидов. Таким образом, автономная логика производства «...определяет не только общественно необходимую деятельность, навыки и поведение, но и индивидуальные потребности и желания ... и приводит к новым способам социального контроля и социальной сплоченности» [13, с. 261].

Выбор и краткий анализ социально-философских подходов был обусловлен необходимостью представить эволюцию взглядов, рассматривающих трудовые и производственные отношения, как главный ресурс для утверждения солидарности. Такой подход позволил выявить закономерность, заключающуюся в том, что индустриально-техническое развитие, основанное на специализации труда, не только ведет к увеличению производительности, позволяющей удовлетворять потребности людей, но и порождает тотальные формы отчуждения. Характерным является то, что именно успешные действия людей формируют условия, при которых человек оказывается подчиненным автономной логике развития.

Кризис индивидуализма как условие формирования новых форм солидарности. Западноевропейская традиция рассматривала развитие индивидуализма как основной ресурс для достижения гармоничного сочетания личной свободы и социальной сплоченности. Главный субъект социального развития представлялся как «...рациональный собственник, созидаящий себя в своем историческом развитии» [6, с. 133].

Между тем последовательное воплощение идеалов индивидуализма, дискредитация коллективистских ценностей, разрушение «навязанных форм» солидарности, привели к беспрецедентной степени неопределенности. «Мир не стал более управляемым ... он ускользает из рук» [7, с. 18].

Для нашего исследования является важным то, что после публикации работ У.Бека о становлении и закономерностях развития «общества риска» [4] существенно трансформируется и само понимание процесса «индивидуализации». З.Бауман обратил внимание на то, что развитие индивидуализации – это бесконечный процесс, не стремящийся к определенной цели, подчиняющийся логике «...крутых изгибов и поворотов» [2, с. 57].

Логика исследования позволяет утверждать, что рискогенность, неопределенность и изменчивость есть результат как успешных эффективных, высокотехнологичных действий, так и абсолютизации процессов индивидуализации. Парадокс заключается в том, что на вызовы, которые отличаются по масштабу распространения и степени проникновения в жизни людей, должны отвечать индивиды, руководствующиеся «...одним главным принципом – отказом от долгосрочных обязательств и любых форм зафиксированности/привязанности (по месту, событию, морали, субъекту, отношениям и т. д.) [6, с. 134].

Между тем понимание необходимости достижения единства актуализирует поиск ценностей, стремление к которым позволило бы солидаризироваться. Последовательное стремление к солидарности, базирующееся на трудовых процессах, привело к пониманию того, что солидарность – это один из механизмов репрессивного государства.

Тем самым, значимым становится поиск ресурсов для достижения солидарности в условиях, при которых активность свободного субъекта может проявляться не в эффективных действиях в заданной системе, а в способности дистанцироваться, сопротивляться существующим порядкам.

Важно отметить, что сопротивление и дистанцированность проявляются не в активных действиях и формах сопротивления, а в поиске оснований для новых форм солидарности. Так, Ю.Хабермас противопоставляет целерациональному действию коммуникативное, целью последнего является достижение единства через взаимопонимание. «Из факта плюральности действующих лиц и двойственного условия, в силу которого реальность одной воли встречается с реальностью других волей – из этого проистекает новая проблема совместного преследования коллективных целей, а уже известная проблема регулирования совместной жизни под влиянием сложности социального ставится иным образом» [16, с. 112]. Ценностные основания, символическое структурирование жизненного мира выступают главными ресурсами и механизмами установления солидарности.

Все большую значимость в современном обществе обретают подходы, согласно которым основным ресурсом солидарности является не ориентированность на прагматичные цели, достижение которых требует следования имманентной логике развития, а инициативные действия.

Созвучным современному состоянию дел является утверждение П.Сорокина о том, что нельзя добиться солидарности путем установления институализированных норм. Солидарность возникает благодаря усилиям, направленным на преодоление внешних запретов. При этом усилия эти предпринимаются не ради достижения эгоистических целей, а в процессе следования идеалам альтруизма. Интегральная социология П.А.Сорокина утверждает значимость и жизненную необходимость следования общечеловеческим ценностям. Как отмечают авторы статьи «Классические и современные подходы к исследованию солидарности: проблемы и перспективы в условиях деструктуризации», актуальность подхода Сорокина состоит в том, что центральная роль в формировании солидарности отводится индивиду и его действию, происходящему не только благодаря, но и вопреки институциональным предписаниям», а благодаря действиям «интегральных лидеров» создаются «...новые формы «социальной связности» и новые идентичности, основанные не на конфликте, а на единстве всех членов общества независимо от структурно-институциональной принадлежности» [14, с. 460].

Неинституциональные формы солидарности. Скорость возникновения и степень воздействия рисков не дают возможности сформироваться социальным институтам, позволяющим преодолеть новый вид угроз. В этих условиях эффективными становятся не институализированные сообщества, отличающиеся гибкостью, разновекторностью, быстротой возникновения и исчезновения. Такие формы проявления солидарности, как волонтерство, группы и форумы в социальных сетях, мессенджерах формируются как способы стихийного преодоления опасностей и вместе с тем являются результатом осознания личной ответственности.

Процесс возникновения и распространения не институализированных видов солидарности маркирует изменения в направленности и логике формирования социальной действительности – от индивидуальных, инициативных действий к социальным нормам, от сплоченности малых социальных групп к солидарным действиям. Девальвация значимости институциональной солидарности делает актуальным и экзистенциально значимым обращение к духовным ценностям и практикам культур

различных наций. Тем самым, «...социальный кризис способствует изменению самих механизмов социальной солидарности, а также соотношению между групповой, локальной, этнической, гражданской и другими видами солидарности» [10, с. 50].

Логика исследования противоречивого отношения к проблеме солидарности делает закономерным вывод о том, что в условиях современного мира основным ресурсом, формирующим коллективные ценности, становится расширение личной ответственности.

Особенность современного мира проявляется во взаимодействии двух видов ответственности – «специальной, ответственной за содержание» [3, с. 87] и нравственной. В рамках реализации специальной ответственности человек ориентирован на объективистскую оценку – знание и следование правилам, инструкциям. Безусловным является то, что высокая рискогенность современного мира предъявляет беспрецедентные требования к исполнителю, эксперту. Разрабатываются и совершенствуются технологии, обеспечивающие безопасность жизни людей. При этом последовательная реализация специальной ответственности, как правило, предполагает элиминирование личностных качеств. «Современный человек находит детали своего облика, знакомые свойства, связи, структуры, но только не себя самого. Двигается по направлению к себе, но никогда не достигает себя. Общество же оперирует человеком, исчисляет его статистически, его распределяют по организациям, используют его для разных целей» [15].

Вместе с тем все более значимым становится включенность специальной ответственности в нравственную жизнь личности. Только осознание того, что «ценно лично для моего бытия», приведет к принятию того, что значимо для других.

Ответственность как экзистенциальная ценность человеческой жизни должна наполняться конкретным содержанием в процессе реализации личностного отношения к миру, что делает актуальным обращение к этическим нормам, согласуемым с традициями народа, семейными ценностями и так далее. Смыслообразующим фактором ответственного сознания является ориентированность на другого человека, а не на объективистские нормы, экспертные оценки и абстрактные ценности. Ответственность, реализующаяся в личностном отношении к миру, может стать основанием солидарности.

Выводы. Поиск новых форм сплоченности становится экзистенциально значимым в условиях современного мира, стоящего перед лицом глобальных, экзистенциальных угроз. Экспликация и сравнение условий формирования различных типов солидарности позволили показать, что ориентированность на достижение индивидуальных целей, абсолютизирующая роль эффективности действий, создает условия для тотальных форм отчуждения и социальной разобщенности. Следовательно, поиск ресурсов для достижения сплоченности людей в условиях непредсказуемого, стремительного развития обществ следует искать в духовных и ценностных практиках, реализующих общечеловеческие, а не индивидуалистские ценности.

Стремительность возникновения вызовов приводит к ситуациям, при которых институционально закрепленные способы обеспечения безопасности утрачивают способность выполнять свои функции. Между тем разрушение социальных институтов, деструктуризация социальных систем формируют условия для формирования типов солидарности, основанных не на институционально закрепленных правилах и стратегиях поведения, а на инициативных, индивидуальных усилиях людей.

Значимым выводом исследования становится указание на то, что в условиях девальвации институциональных форм солидарности, возрастает роль личностно ответственных действий людей.

Список литературы

1. Александер Дж.Ч. Мораль как культурная система: О солидарности гражданской и негражданской / Дж.Ч. Александер // Социологический ежегодник – 2014: Сб. науч. тр. / Отв. ред. Ефременко Д.В. – М., 2014. – С. 101–109.
2. Бауман З. Индивидуализированное общество / З. Бауман. – М.: Логос, 2002 – 390 с.
3. Бахтин М.М. Философия поступка / М.М. Бахтин // Философия и социология науки и техники. – М., 1986. – С. 84–157.
4. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну / У. Бек. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – 383 с.
5. Вебер М. Избранные произведения / М. Вебер. – М.: Прогресс, 1990. – 796 с.
6. Галкин Д.В. К антропологии индивидуализма: судьбы этики и проблемы морального самоопределения в условиях культурной динамики (пост)Современности / Д.В.Галкин // Вестник Томского государственного университета 2004. №282. – С. 133–142.
7. Гидденс Э. Ускользающий мир / Э. Гидденс. – М.: Весь мир, 2004. – 116 с.
8. Гофман А.Б. Солидарность или правила, Дюркгейм или Хайек? О двух формах социальной интеграции / А.Б. Гофман // Социологический ежегодник – 2014: Сб. науч. тр. / Отв. ред. Ефременко Д.В. – М., 2014. – С. 16–101.
9. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда / Э. Дюркгейм. – М.: Канон, 1996. – 432 с.
10. Ефременко Д.В. Многоликая солидарность / Д.В.Ефременко // Социологический ежегодник. 2011: Сб. науч. тр. / Ред. и сост. Н.Е.Покровский, Д.В. Ефременко. – М. ИНИОН РАН: , 2011. – Ч. 2. – С. 48–242.
11. Кармадонов О.А., Ковригина Г.Д. Неочевидность солидарности: проблема эмпирического изучения трудно верифицируемых социальных состояний // Социологические исследования. – 2018. № 10. – С. 14–23.
12. Конт О. Дух позитивной философии (Слово о положительном мышлении). СПб., 1910. [Электронный ресурс]. URL: http://www.100bestbooks.ru/files/Kont_Duh_rozitivnoy_filosofii.pdf (дата обращения: 18.05.2022).
13. Маркузе Г. Эрос и цивилизация. Одномерный человек: исследование идеологии развитого индустриального общества / Г. Маркузе. – М. : АСТ, 2003. – 526 с.
14. Сорокин П.С., Попова Т.А. Классические и современные подходы к исследованию солидарности: проблемы и перспективы в условиях деструктуризации / Вестник РУДН. Серия: Социология. 2021. Т. 21. № 3. – С. 457–468
15. Тульчинский Г.Л. Трансцендентальный субъект, постчеловеческая персонология и новые перспективы гуманитарной парадигмы. URL: <http://hpsy.ru/public/x2891.htm>. (дата обращения 29.05.2022)
16. Хабермас, Ю. Демократия. Разум. Нравственность / Ю. Хабермас. – М. : Прогресс, 1992. – 234 с.

С.Е. Крючкова¹, С.А. Храпов²

¹Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

²Астраханский государственный университет

ИННОВАЦИИ В ОБЩЕСТВЕ: ПРОБЛЕМА СУБЪЕКТА

В статье исследуются субъекты инновационной деятельности, их социальный состав и роль в инновационном процессе. Экономико-технической классификации, основывающейся на «жизненном цикле» инноваций (создатели, производители и распространители), противопоставляется социологический подход, выделяющий более широкий класс субъектов. Рассматриваются институциональный, структурный и коммуникационный подходы к выстраиванию иерархий субъектов. Анализируются такие группы субъектов, как индивиды («создатели» и «реализаторы») и организации (МИФы, технопарки и технополисы). Обосновывается методологическая неверность противопоставления крупного и малого бизнеса в инновационной сфере, показана их взаимодополнительность на разных этапах «жизненного цикла». Ставится вопрос об инновационной личности как нового социального типа личности, органично соединяющего креативность и инновационность.

Ключевые слова: инновации, субъекты, инноваторы, реализаторы, малые инновационные фирмы, технопарки.

S.E. Kryuchkova¹, S.A. Khrapov²

¹Financial University under the Government of the Russian Federation

²Astrakhan state University

INNOVATIONS IN SOCIETY: THE PROBLEM OF THE SUBJECT

The article examines the subjects of innovation activity, their social composition and role in the innovation process. The economic-technical classification, based on the “life cycle” of innovations (co-creators, producers and distributors), is opposed to the socio-logical approach, which singles out a wider class of subjects. The institutional, structural and communicational approaches to building the hierarchies of subjects are considered. The article analyzes such groups of subjects as individuals (“creators” and “implementers”) and organizations (MYTHs, technology parks and technopolises). The authors discuss methodological incorrectness of the opposition between large and small businesses in the innovation sphere and show their complementarity at different stages of the “life cycle”. The question is raised about the innovative personality as a new social type of personality that organically combines creativity and innovation

Key words: innovations, subjects, innovators, implementers, small innovative firms, technology parks.

Техническая реальность, ее статус и генезис, а также влияние техники и технологий на развитие социума и культуры – вопросы, которые сегодня приобрели особую актуальность, т.к. масштаб и скорость развития техносферы и произведенные ею кардинальные изменения в существовании человека превзошли все предыдущие эпохи [16; 17]. Современную цивилизацию часто называют «техногенной», ее ядром является т.н. «знаниевая экономика». В данном случае термин «знание» подразумевает не столько познавательную ценность истины, сколько полезность, причем, как правило, в виде коммерческой выгоды. Характерная черта такой экономики – открытость для инноваций, скорость возникновения которых напоминает «эпидемоподобный взрыв».

Сегодня актуальность исследования инноваций продиктована не только той важной трансформационной ролью, которую они играют в социальной динамике, но и тем, что из механизма обновления экономической сферы общества они превратились в социокультурную ценность, способ формирования новых оригинальных идей, практик, целевых установок и образцов деятельности.

Как результат, начинает формироваться инноватика – новая самостоятельная область научных исследований, имеющая свой предмет, методы и принципы. Она интегрировала целый ряд идей из различных научных направлений [10, с.84]. И хотя инноватика находится в стадии становления, т.к. пока не создана универсальная модель инновационной деятельности и нет единства в трактовке основных концептов, универсальные смыслы понемногу вырабатываются, идет работа по созданию соответствующей методологии. Стимулирует этот процесс и появление дисциплин инновационного цикла в вузовской практике подготовки специалистов для высокотехнологических секторов экономики – инженеров, экономистов, менеджеров, специалистов по информационным технологиям и других специалистов, от которых требуются не только теоретические знания, но и владение техническими навыками и креативное мышление.

На смену экономико-технической традиции исследования инноваций, доминировавшей в прошлом столетии, приходит социо-гуманитарный подход, ведущий не только к более широкой трактовке инноваций, но и к изменению способов управления, например, управление знаниями как основой инновационного процесса, обеспечивающее безусловное доведение научных идей до коммерческого результата. С позиции теории экономического благосостояния активно ведутся исследования по выявлению факторов инновационного роста (А.Яффе, Дж.Лернер, С.Стерн) [22], вводятся новые критерии оценки эффективности и рисков инновационных проектов, позволяющие сдерживать процесс распространения «рыночной ментальности» в прагматистско-ориентированных умах некоторых участников инновационной деятельности.

Выдвижение проблемы субъектов инновационной деятельности на первый план, отодвинувшее (на время) вопросы о «жизненном цикле» инноваций, особенностях инновационной деятельности, классификации видов и др., связано с тем, что началом инновационного процесса выступает новая идея, новое научно-техническое знание. И рождают эти новые «исторически индивидуальные» идеи субъекты научной деятельности, творческие люди, ученые, без которых инновационный процесс не может начаться, а впоследствии осуществляться, так как именно они совершают процедуру выбора траектории развития из веера «возможных миров» на разных этапах инновационного цикла, руководствуясь не традиционной целью – получением истины, а достижением успеха новшества на рынке.

На практикоориентированность получаемых новшеств исследователи обращали внимание уже на ранних этапах становления инноватики, начавшихся в прошлом столетии. Сам термин «инновация» первоначально использовался в культурологическом смысле как процесс инфильтрации элементов одной культуры в другую. Но вскоре под инновациями стали понимать производство нового (или воспринимаемого как новое), оригинального, «ранее не бывшего», будь то новая идея, конкретный продукт, новое решение проблемы или новый метод [21, с.7].

Долгое время в трактовке инноваций доминировал экономико-технический подход, увязывавший экономические циклы с волнами технических изобретений (Г.Тард, В.Зомбарт, М.Туган-Барановский, Н.Кондратьев, А.Богданов) и получивший наиболее яркое воплощение в работах Й.Шумпетера. А вот вопрос о роли субъектов в инновационном процессе изначально оставался на периферии исследовательского интереса. Первым проблему субъектов затронул французский социолог Г.Тард, который

рассматривал инновации как результат «подражания» масс гениальным изобретателям-одиночкам, чьи новые идеи и практики обычно копируются и тиражируются остальными. В противоположность ему В.Зомбарт считал главными субъектами в производстве инноваций не творцов нового, а тех, кто обладает особым типом мышления («спекулятивным духом») и демонстрирует при этом «предпринимательскую модель поведения», т.е. занимается практическим воплощением и распространением новшеств в различных сферах общественной жизни. Более широкий (объединяющий) подход мы находим у Й.Шумпетера, который относил к субъектам-инноваторам не только изобретателей новшеств, но и часть предпринимателей, готовых к риску, обладающих способностью убеждения и «широкого предвидения», чья функция «заключается в том, чтобы реформировать или революционизировать производство, используя изобретения» [19, с.184].

Проблема субъектов инноваций, их состав, характерные черты, мотивация, способы стимулирования еще недостаточно изучены. Выступая важным интеллектуальным ресурсом современного общества, они составляют весьма неоднородную группу, что обусловлено как межорганизационным характером самой инновационной деятельности, так и наличием в «жизненном цикле» инноваций различных этапов со своими субъектами [8, с.37–38].

Этапы «жизненного цикла» инноваций позволяют выделить три основные группы субъектов: создатели, производители и распространители. А если посмотреть с позиций социологического подхода, то здесь обнаружится более широкий спектр, на концах которого, с одной стороны, находятся отдельные личности – рационализаторы и изобретатели, а с другой – общество в целом. Пространство между ними заполняют организации, начиная с НИИ, специализированных исследовательских центров при вузах, различных инновационных производственных предприятий и заканчивая такими сравнительно новыми институтами, как малые инновационные фирмы (МИФы), технопарки и технополисы, а также примыкающими к ним венчурами и бизнес-инкубаторами. Все вместе они составляют инновационную инфраструктуру, ядром которой, по крайней мере, в нашей стране является государство.

Сегодня выделяют несколько подходов к выстраиванию иерархий субъектов инновационной деятельности: институциональный, структурный и коммуникационный. Институциональный подход к инновациям (У.Бейкер, К.Перес), применяющийся на макроуровне социального анализа, считает главной деятельностью социальных институтов разного рода – от экономических и научно-технологических до образовательных. При этом фактически игнорируется роль индивидуальных социальных акторов, представленных как отдельными личностями, так и социальными группами (ассоциированный индивид), участвующими в генерации, производстве и диффузии новшеств. Эти участники вносят различный вклад: *авторы-творцы* выдвигают новые идеи, *менеджеры* организуют процесс, *разработчики* создают техническую документацию, *производители* занимаются массовым изготовлением новшества, а *маркетологи* – его распространением на рынке [9, с.58–59]. Структурный подход, сфера которого, прежде всего, микроуровень, фокусируется на горизонтальных связях между профессиональными группами участников инновационного процесса. Его определенная ограниченность может быть преодолена путем использования концепции так называемых «ситуационных структур», выступающих «конкретными импульсами изменения развивающейся системы» [7, с. 13]. Недостаточность как институционального, так и структурного подхода компенсирует коммуникационный подход к процессу легитимации нового знания (Т.Хагерстранд, Э.Роджерс), опираясь на который исследователь

М.А.Сигутина выделила шесть групп субъектов: собственно «инноваторы» составляют всего 2,5 %, а 13,5% – это примыкающие к ним «ранние реципиенты» нового, благодаря коммуникации с которыми новые знания и технологии распространяются в социуме, в оставшуюся часть входят поровну «раннее и позднее большинство» (68%) и отстающие (16%) [13, с. 213].

Важное место в исследованиях субъектов инноваций отводится психологическому изучению креативности (как когнитивной способности продуцировать новые идеи и ассоциации) и инновационного потенциала личности, т.е. ее успешности в деле практической реализации «прикладных результатов творческого процесса в виде новых продуктов, услуг, процедур, желательных и жизнеспособных процессов» [1, с. 21]. Эти две особенности – развитая креативность как способность продуцировать новые идеи и инновативность как умение применить их на практике – существуют в личности инноватора в тесном единстве [24, с. 17]. Введенным Э.Хагеном термином «инновационная личность», которым он называл тех, кто способен ставить цели и принимать самостоятельные решения, сегодня обозначают субъектов, обладающих, в первую очередь, инновационным мышлением, позволяющим адаптироваться к ситуации выбора. В силу ориентации на коммерчески эффективные решения, инновационное мышление, как продуктивный творческий процесс переработки информации, нацеленный на поиск новых решений, в силу тесной интеграции с практикой, приносит его обладателю не только эмоциональное удовлетворение от творческого самовыражения личности, но экономический результат [14, с. 6]. Инновационное мышление вместе с инновационной мотивацией и потребностями выступает регулятором инновационного поведения, которое чаще всего представлено тремя типами: активный, нейтральный и отвергающий.

Сегодня об инновационной личности можно говорить как о новом социальном типе, предстающем как совокупность социально-значимых функций, которые она выполняет в обществе. Выделение этого типа выпадает из традиционных классификаций типов личности. Этот тип личности необходимо изучать теоретически, а практически – всячески поддерживать и даже культивировать, если мы хотим превратить наше общество в инновационное. «Российское общество сможет стать инновационным, во-первых, когда инновационная личность станет массовой личностью и, во-вторых, когда инновационной деятельностью таких личностей будут пронизаны все сферы жизнедеятельности общества. Но этот путь не простой для нашей страны, и он еще не до конца понят в своих сущностных характеристиках» [18, с. 37].

Если Э.Хаген выделял в качестве основных характеристик, присущих инновационной личности, творческое начало и стремление к новизне, то сегодняшние исследователи значительно расширили этот список, включив в него следующие черты: инициативность (предприимчивость), способность к творчеству, готовность к постоянным инновационным действиям, умение ориентироваться в экстремальных ситуациях и самостоятельно принимать нестандартные решения, стратегическое мышление, системный взгляд на развитие, креативность (оригинальность взгляда на вещи), упорная работа, вера в успех, высокая индивидуальная мотивация и достаточная социальная зрелость, желание работать в команде и т.д. Этот современный ценностно-нормативный комплекс является отражением того, что время инноваторов-одиночек уже в прошлом. Новшества сегодня – результат работы целых коллективов, состоящих из разнородных участников. Инновационный процесс сегодня в науке и технике совершается в организациях, что не отменяет роли

индивидуального новаторства, т.к. всегда сохраняется возможность появления изобретения, полностью замещающего какую-либо монопольную технологию, что, в свою очередь, может привести к гибели даже сильные компании [5].

Наиболее часто встречается классификация субъектов инноваций на две группы по ролевому критерию: на инициаторов – создателей нового и безынициативных исполнителей («адапторов»), принимающих инновации как данность. Это не очень удачное деление, так как эти группы не исчерпывают все множество участников инновационной деятельности, так как, помимо тех, кто непосредственно создает новшества («создатели»), есть еще очень важная группа субъектов – так называемые «реализаторы» (А.И.Пригожин), «инновационные менеджеры» или «раскрепощенные менеджеры» (М.Вудкок, Д.Фрэнсис), занятые практическим внедрением нововведений. Представителям этой категории также присуще творческое начало, хотя и особого рода [1, с. 132]. И хотя статус этих людей традиционно уступает «творцам», на самом деле без их деятельности в организационной сфере инновационный процесс становится проблематичным. Так, в случае с Г.Фордом, Б.Гейтсом, А.Морита, С.Джобсом, Дж.Морганом, Дж.Ма, И.Маском и др. мы имеем дело с гениальным чутьем (поразительной прозорливостью), упорством, верой в успех, стремлением к первенству в сочетании с трудолюбием, делающими их также «творцами». Реализуя свои личные амбиции, эти субъекты инноваций «работают» на технический и, в конечном счете, социальный прогресс. В качестве характерных черт, свойственных таким «инновационным менеджерам», сами успешные предприниматели называют следующие: интерес к делу, уверенность в себе, авантюризм, открытость новому, умение убеждать других, упорство в достижении цели и удовлетворение, когда затраченные усилия вознаграждаются достойным образом [12, с. 116].

Вместе с тем, и «адапторам», как подчеркивают современные западные исследователи [20], есть место в современной инновационной организации, так как они с инноваторами реализуют разные, но взаимодополняющие функции. Перефразируя Дж.Ласдрама, можно сказать, что если инноваторы продуктивны в творчестве, то «адапторы изобретательны в продуктивности», так как их работа важна для функционирования организации не только в периоды кризисов (время для инноваторов), но и в любое другое время.

Самая многочисленная группа субъектов инноваций – организации всякого рода: научно-исследовательские (как государственные, например, вузовские исследовательские центры, так и корпоративные), различные предприятия, среди которых важнейшую роль играют малые инновационные предприятия или так называемые «МИФы» – малые инновационные фирмы (new technology-based firm), фирмы-новаторы, сознательно идущие на риск в ходе разработки и реализации различных новшеств, деятельность которых характеризуется самостоятельностью и относительной независимостью. Именно в них, по данным американских исследователей, создается более половины всех инноваций и 95% – радикальных, что свидетельствует о стратегической способности этого вида организаций обнаруживать и даже предвидеть рыночные тенденции. Такие корпорации, как Apple Computers, Microsoft, Intel выросли из МИФов. В последних эффективность использования ресурсов, получаемых из различных источников на научные разработки и их коммерциализацию (господдержка, гранты, льготы от технопарков, куда они могут входить), обусловлена наличием гибкой структуры, основанной как на внутренней кооперации между подразделениями, так и на внешней – с разработчиками, консультантами, заказчиками, с которыми создаются открытые партнерства, предполагающие при необходимости включение в

проект и новых участников. Это позволяет МИФам создавать конкурентный инновационный продукт, оставляя задачи совершенствования существующих технологий крупным компаниям с масштабным производством. Организационные преимущества (гибкость и предпринимательская активность) в современных условиях приобретают определяющее значение, особенно под углом созданий новых знаний и коммерциализации объектов интеллектуальной собственности в ходе взаимодействия между индивидами в условиях интенсивных конъюнктурных изменений (теория организационного знания Н.Нонака и Х.Такеучи).

Целый ряд исследователей абсолютизировали достоинства МИФов (Ф.Шерер, Р.Стиллерман и др.), полагая, что их гибкость, простая организационная структура, возможность учета местных условий делают их главными субъектами инновационной деятельности. Особо это касалось их экономической эффективности, так как именно для них характерна наибольшая, по сравнению с другими организациями, отдача на вложенные средства. Однако сегодня в инновационной сфере МИФы начинают уступать пальму первенства крупным корпорациям, которые в силу финансовых, технических и кадровых возможностей могут позволить себе создавать собственные подразделения, способные генерировать инновации. МИФы же в силу ограниченности финансовых и производственных ресурсов, кредитных возможностей, зависимости от рыночной конъюнктуры, а также масштабов, опыта и возраста, не могут использовать конкурентные преимущества, которые, к примеру, открываются у крупных корпораций при расширении сферы деятельности в процессе выходе на внешние рынки [2]. Именно крупные корпорации являются, по мнению некоторых исследователей, основными субъектами инновационной деятельности. Вместе с тем, у крупных корпораций также есть свои серьезные барьеры для инноваций, например, прикладной характер НИОКР, ориентация на улучшение и расширение ассортимента уже выпускаемого продукта, и главное – нежелание рисковать и идти на невыгодные коммерческие траты.

Очевидно, что методологически неверно противопоставлять крупный и малый бизнес в инновационной сфере. Они взаимодополняют друг друга на разных этапах «жизненного цикла» инновации: на первом преобладают МИФы, а на этапе массового производства и сбыта – крупные фирмы (К.Норрис, Дж.Вейзи). Мировой опыт показывает, что наиболее активным финансовым партнером и надежным союзником МИФов является венчурный капитал – рисковые вложения, приносящие в случае успеха доходность много выше среднего уровня. Помимо МИФов, инновационная инфраструктура общества включает инновационные парки, технопарки, инкубаторы и технополисы. Из них самая распространенная организационная форма, с помощью которой научные идеи и технологические разработки доводятся до коммерческого результата, – технопарки, соединяющие науку и предпринимательство. Технопарк – сознательно формируемая «инновационная среда», в которой присутствуют 4 элемента: наука, капитал, многопрофильные производства и высококвалифицированные специалисты в разных областях («Силиконовая долина», «Кремниевая долина»). Иногда (хотя это и не совсем верно) их называют «технополисами», если речь идет о нескольких городках, в которых обязательно есть университет(ы), а также необходимая инновационная инфраструктура.

Технопарки бывают «естественными» (преобладают в США) и «экономически управляемыми» (преобладают в Европе). Если в первых хорошая научно-технологическая база и развитая инфраструктура сочетается с высокой культурой предпринимательства и большим числом частных инвесторов, то у вторых при хорошей научно-технологической базе отмечается низкий уровень предпринимательской культуры и

малое число компаний, менее развитая инфраструктура и высокая степень зависимости от государственного финансирования. В России изначально практически все без исключения технопарки являлись экономически управляемыми (Томский технопарк, Новосибирский Академгородок, научный парк МГУ и др.). Отечественные технопарки в основном нацелены на заключительный этап «жизненного цикла» инновации – освоение и диффузию технических новшеств.

Технопарки и технополисы способствуют появлению не только технико-технологических, но и организационно-управленческих, экономических и социальных инноваций. Они являются «опорами, вокруг которых формируются национальные, макрорегиональные и глобальные хозяйственные комплексы. Мегалополисы – созидатели экономики, основанной на знаниях, фабрики инноваций, в которых апробируются и утверждаются новые модели человеческой деятельности и общежития» [3, с. 46]. Кроме них, в некоторых странах существуют т.н. «инкубаторы» бизнеса – структуры, не требующие больших затрат, задачей которых является подготовка для парков новых компаний, предоставление материальных и информационных услуг, экспертиза инновационных проектов, оценка риска, поиск инвесторов и т.п. С технопарками также тесно связаны стимулирующие активность весьма продуктивные субъекты инновационной деятельности под названием «венчуры». Под ними понимают как фирмы, работающие на рисковом капитале, так и вообще любые финансовые вложения в рискованные инновационные проекты, прежде всего, в области высоких технологий, предполагающие возможность как потери капитала при неудаче, так и высокую норму прибыли в случае коммерческого успеха новшества. Для успешного осуществления инновационной деятельности важнейшим условием является наличие финансирования проектов интеллектуальной деятельности. Оно должно иметь различные источники, в том числе и от частных инвесторов [11, с. 25–26]. В нашей стране венчуры в классическом виде мало развиты, что во многом обусловлено отсутствием правовых механизмов, с помощью которых можно было бы привлечь средства для венчурного финансирования. «Арсенал гражданско-правовых средств ведения бизнеса, установленный гражданским законодательством РФ, представляет собой довольно консервативную материю, как правило, построенную на принципах безусловной возвратности долга и полной имущественной ответственности за неисполнение обязательств и причинение убытков» [4, с. 34]. Затрудненный доступ к финансовым источникам в целом и к венчурным в особенности – серьезный барьер для инноваций, который необходимо преодолевать. Специалисты полагают, что сегодня для России важно «развивать именно венчурную деятельность и финансировать новые фирмы на начальных этапах, для чего больше всего и подходила аура наших наукоградов» [6, с. 46]. Может, эту функцию постепенно возьмут на себя венчурные фонды корпораций, многие из которых уже сегодня (хотя и в малых масштабах) начинают финансировать малые фирмы, интегрированные с данными корпорациями. Это, безусловно, способствует повышению их научно-технического уровня за счет использования прорывных исследований и разработок.

Это актуальная задача, т.к. темпы технического обновления экономики в России в силу различных причин как глобально экономического, так и политического характера невысоки, поэтому необходимо активнее развивать инновационную инфраструктуру и, в первую очередь, систему институтов поддержки основных субъектов инновационной деятельности с учетом специфики их существования в нашей стране. «Цивилизационная динамика такова, что скорость стала важнейшим фактором социального бытия» [15, с. 36], и в этой «гонке за новизной» инновации, как форма обновления

общества, становятся главным инструментом для решения возникающих в обществе проблем. Устойчивое развитие инновационной сферы во многом определит будущий статус России в мировом сообществе.

Список литературы

1. Вудкок М., Френсис Д. Раскрепощенный менеджер.– М.: «Дело», 1991. – 320 с.
2. Гасанов Э.А., Бойко Г.С., Фролова Н.С. Малые инновационные фирмы: коммерциализация и доступ на внешние рынки // *Фундаментальные исследования*, 2018. №1. – С.46–52. URL: <https://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=42047> (дата обращения: 27.07.2022).
3. Гоффе Н.В. Мегалополисы – инкубаторы инноваций // *Мировая экономика и международные отношения*, 2014. №3. С.46. – С.46–59. DOI: 10.20542/0131-2227-2014-3-46-59 (Дата обращения 08.08.2022).
4. Гудков Ф.А. Инвестиции в инновации – или русская «инвестиционная рулетка» // *Эко*, 2012. №5. – С.34–43.
5. Клейтон М., Кристенсен У. Дилемма инноватора.– М.: «Альпина Бизнес Бук», 2004. – 239 с.
6. Коростышевская Е.М. Малые инновационные фирмы: классификационная характеристика и региональное развитие // *Инновации*, 2012. №6 (164). – С. 42–47.
7. Крючкова С.Е. Инноватика: самостоятельная наука или междисциплинарный синтез? // *Гуманитарные исследования*, 2008. №1 (25). – С.12–15.
8. Крючкова С.Е., Крючкова Е.В. Инноватика.– М.: Янус-К, 2016. – 184 с.
9. Лапин Н.И. Теория и практика инноватики.– М.: Логос, 2008. – 328 с.
10. Маркелов С.В. Инновационная парадигма в разрезе научных теорий, определений и терминов // *Журнал прикладных исследований*, 2021. №2. – С.81-86. DOI 10.47576/2712-7516_2021_2_1_81.
11. Овчинников В.В. Основные проблемы инновационной деятельности в России с учетом глобализации мировой экономики // *Европа и развитие российской науки: традиции и перспективы*.– М.: Издательство «Огни», 2003. – С.24–31.
12. Попов А.И. Особенности инновационной культуры предпринимателей // *Социологические науки*, 2012. №12 (30). – С.110–117.
13. Сигутина М.А. Инновации: теоретические подходы к анализу факторов внедрения нового научно-технического знания // *Эпистемология & философия науки*. Т.ХІХ, №1. – С.208–214.
14. Струк Е.Н., Струк Н.М. Инновационная личность современного общества: теоретический анализ // *Вестник ИргТУ*, 2011. №4 (51). – С.272–277.
15. Храпов С.А. «Человек техногенный» в социокультурном пространстве техногенной цивилизации.– Астрахань: Издательский дом «Астраханский университет», 2019. – 157 с.
16. Храпов С.А. Техногенные основания кризиса социокультурной идентичности // *Социальная политика и социология*. 2012.№ 1. – С. 88–104.
17. Храпов С.А. Техногенные метаморфозы общественного сознания: содержательный уровень // *Гуманитарные исследования*. 2011. № 4. – С. 52–60.
18. Шевченко В.Н. Инновационная личность как социальный тип // *Научные ведомости*. Серия: Философия. Социология. Право, 2010. №2(73). Выпуск 11. – С.37–51.
19. Шумпетер Й.А. Капитализм, социализм и демократия.– М.: Экономика, 1995. – 540с.

20. Dollinger S.J., Burke Ph.A., Gump N.W. Creativity and Values // Creativity Research Journal, 2007. №2–3. Vol.19. – P.91–103.

21. Godin B. Innovation: The History of a Category // Working Paper No. 1, Project on the Intellectual History of Innovation. Montreal: INRS, 2008. – 67 p.

22. Jaffe A. B., Lerner J., Stern S. Innovation Policy and the Economy. National Bureau of Economic Research. Cambridge, Massachusetts: The MIT Press, 2005. – 272p.

23. Serrat O. Harnessing Creativity and Innovation in the Workplace // Knowledge Solutions. Mandaluyong: Asian Development Bank. 2009. Vol. 6. – P.1–11.

24. West M.A. Effective Teamwork: Practical Lessons from Organizational Research. Oxford, 2004. – 224 p.

Н.Н. Равочкин¹, М.А. Петров², И.С. Качай²

*¹Кузбасский государственный технический университет имени Т.Ф. Горбачева,
Кузбасская государственная сельскохозяйственная академия*

²Сибирский федеральный университет

РОЛЬ КРЕАТИВНЫХ ИНДУСТРИЙ И ФАБРИК МЫСЛИ В СОЦИАЛЬНОМ РАЗВИТИИ

С учетом происходящих в мире метаморфоз и трансформаций, обладающих к тому же все большей непредсказуемостью и рисковостью, но одновременно с этим дающих и широкие возможности, возникает потребность в валидных сценариях и жизнеспособных моделях общественной жизни. В статье рассматриваются особенности участия креативных индустрий и фабрик мысли в качестве агентов социального развития. Исследование посвящено изучению возможностей обозначенных объединений в создании нетривиальных интеллектуальных конструкций, которые в последующем воплощаются в социальных преобразованиях. В работе представлены теоретические подходы к креативным индустриям и фабрикам мысли. Обозначено повышение их роли в общественной жизни. Отмечается высокое детерминационное значение демократических идей, децентрализации традиционных государств и усложнение привычных систем intersubjective взаимодействий, способствовавших расширению организаций, участвующих в ремоделировании общественной жизни. Обозначены векторы и рассмотрены практические примеры участия креативных индустрий и фабрик мысли в социальных преобразованиях. В заключении обобщаются результаты и приводятся итоги исследования, содержащие важные теоретико-методологические замечания для последующего углубления тематики философского осмысления социального развития.

Ключевые слова: социальное развитие, агент, фабрики мысли, креативные индустрии, социум, коммуникация, идея, интеллект.

N.N. Ravochkin¹, M.A. Petrov², I.S. Kachay²

*¹Kuzbass State Technical University named after T.F. Gorbachev,
Kuzbass State Agricultural Academy*

²Siberian Federal University

THE ROLE OF CREATIVE INDUSTRIES AND THINK TANKS AS AGENTS OF SOCIAL DEVELOPMENT

Taking into account the metamorphoses and transformations taking place in the world, which are also increasingly unpredictable and risky, but at the same time providing wide opportunities, there is a need for valid scenarios and viable models of social life. The article discusses the features of the participation of creative industries and thought factory as agents of social development. The study is devoted to the study of the possibilities of the indicated associations in the creation of non-trivial intellectual constructs, which are subsequently embodied in social transformations. The paper presents theoretical approaches to creative industries and thought factories. The increase of their role in public life is indicated. High deterministic importance of democratic ideas, decentralization of traditional states and complication of habitual systems of intersubjective interactions, which contributed to the expansion of organizations involved in the remodeling of public life, are noted. Vectors are indicated and practical examples of the participation of creative industries and thought factories in social transformations are considered. In conclusion, the results are summarized and the results of the study are presented containing important theoretical and methodological remarks for the subsequent deepening of the subject of philosophical understanding of social development.

Key words: social development, agent, thought factories, creative industries, society, communication, idea, intellect.

В современной философии все чаще возникают вопросы о сущности, роли и практической значимости целого ряда агентов для социального развития. Несмотря на то что традиционно они оставались вне исследовательской оптики, анализ эмпирических реалий не дает малейшего повода усомниться в их инструментальном функционале. В данной работе мы остановимся на осмыслении таких объединений, как «креативные индустрии» и «фабрики мысли», а также выявим их значение в контексте общественного развития.

Начнем с того, что сущностное изучение данных феноменов позволяет сформировать и предложить научному сообществу более целостное понимание современной институциональной среды, поскольку, как показывает практика, они являются актуальными и эффективными для решения нового пласта проблем. Отсюда следует, что в прикладном аспекте креативные индустрии и фабрики мысли дают возможность определять векторы развития всего общества в целом и отдельных его структурных элементов. Частным случаем очерченных трансформаций можно полагать формирование государственных культурных инициатив и целых стратегий, а также выбор политики идентичности, что оказывается определяющим в процессе формирования образа конкретной страны и ее позиционирования на международной арене.

Итак, впервые понятие «креативные индустрии» было сформулировано в британской научной мысли в 1990-х годах и подразумевало некоторую активность субъекта, «в основе которой лежит индивидуальное творческое начало, навык или талант и которое несет в себе потенциал создания добавленной стоимости и рабочих мест путем производства и эксплуатации интеллектуальной собственности» [9, с. 7]. Современные интерпретации преимущественно также предлагают «деятельностное» видение этих агентов, сводя их к многочисленным операциям «по созданию, производству и распространению товаров и услуг, основанных на творчестве и интеллектуальном капитале» [8, с. 166]. Приведенные варианты дефинирования дают четкое понимание, что изначально теоретики вкладывали исключительно экономический смысл. В дальнейшем «креативные индустрии» приобрели широкое значение, которое было распространено и на остальные сферы общественной жизни, главным образом на социальную и политическую.

По нашему мнению, именно творчество является тем интегральным элементом, который не просто отличает данный вид индустрий, но позволяет соединить разнородные составляющие креативных индустрий: экономику, управление, культуру, рыночное производство, политические решения и многое другое. Как считает Ф.Альжанова, в перспективе это позволяет конституировать вокруг креативных индустрий четыре масштабные отрасли, которые предполагают взаимные пересечения целого ряда феноменов: культуры, бизнеса и технологий. К таковым ученые относят: (1) культурное наследие как источник вдохновения и последующего генерирования идей; (2) искусство как форма упаковывания создаваемых продуктов; (3) медиа как каналы дистрибуции; (4) регион функционального креатива, охватывающий всевозможные сопутствующие товары и услуги (дизайн, контент, реклама, рекреационные услуги) [1, с. 10].

Мы считаем, что при философской концептуализации рассматриваемого понятия для фундаментального обобщения следует также указать на (1) инновационную природу, а также более четко прописать (2) межотраслевые связи и (3) интеллектуальную составляющую креативных практик, образующих ввиду своей значимости сложностную структуру. Действительно, мыслителям необходимо комплексно охватить этот феномен, в котором уникальным образом сочетаются разнородные элементы,

что позволяет креативным индустриям выйти далеко за пределы. Например, при нахождении только лишь в сферах культуры и экономики, но учесть научные, технико-технологические и иные параметры, которые наличествуют в различных моделях постиндустриального общества.

В целом векторы изменения вкладываемых в категорию «креативное» смыслов связываются целым рядом исследователей с выделением двух направлений, которые необходимо объединить для социально-философского видения. В первую очередь, сюда относят совокупность инструментов, при помощи которых творческая деятельность вообще становится возможной. Далее резонно трактовать «креативное» как цель, не «саму-по-себе», но выражающую интенции индивидов и общества для воплощения чего-либо прагматичного либо утилитарного. Можно исходить из того, что динамизм социального бытия и его организованность для выхода того или иного общества на желаемые эволюционные магистрали развития немислимы без планирования и реализации изменений форм коллективного существования человека. Таким образом, креативность витальна для поиска новых способов адекватного реагирования на вызовы и организации взаимодействий для эффективных практик, обеспечивающих стабильность государственных порядков. Смеем полагать институционализацию креативных индустрий в современном мире как закономерный ответ на задолго возникший социальный заказ [15]. Действительно, сегодня перманентно изменяются содержание и структура общественных отношений, а также организаций и компаний – и это неизбежным образом конституирует новую культуру и предъявляет повышенные требования к интеллектуальной деятельности [14]. Одной из центральных ценностей такой культуры становятся переработанные антропоцентристские идеи, которые одновременно представляют интеллектуалам и представителям других сообществ широкие возможности для самореализации и со-участия в конструировании нового мира, существенные характеристики которого, конечно же, не противоречили бы их установкам [6]. В самом деле, в актуальных социальных координатах многих эмпирических контекстов высокое значение двуединым образом придается именно трансформировавшемуся ценностному отношению как самих людей, так и к Другому.

Отсюда следует, что важнейшими идейными основаниями креативных индустрий становятся интеллектуальные конструкции, так или иначе связанные с творчеством. Однако почему мы не раскрываем их конкретно? Пожалуй, главной причиной такого общего ответа становятся множественные практические воплощения креативных индустрий в эмпирических контекстах: в зависимости от множества факторов это всегда будет неповторимое сочетание фундаментальных основ, тяготящих как к иррационализму и синтетическим теориям, так и имеющих в своем проявлении адаптированные под актуальные реалии классические концепты. Инструментальное значение креативности в ее приложении к социальному развитию усматривается в том, что она позволяет осуществить выход за пределы повседневности и привести в рутинные практики новые связи, тем самым существенно укрепив качество сложившихся в определенном обществе к конкретному историческому этапу отношений. Любое общество функционирует и стремится обрести некоторый баланс, поэтому креативные индустрии, задействованные при организации досуговых практик, не только изолированно повышают уровень соответствующей деятельности, но и имеют, по мнению Н.Н.Ярошенко, гораздо большие детерминационные и объяснительные возможности для совершенствования качества социальных процессов [12]. Данная логика весьма понятна: бесконечный труд в современном обществе, вероятнее всего, исчерпал бы ресурсы в весьма краткосрочной перспективе, а досуг позволяет находить равновесные

состояния, давая населению возможности для восполнения собственных сил, а, с другой стороны, реализовывать ту или иную деятельность представителям креативных индустрий, обеспечивая его развитие. Так мы обнаруживаем референсы к бэлловским идеям технократического общества: с развитием науки и техники возрастает роль нестандартного мышления и апелляции к внутреннему миру человека, что неизбежно предполагает изменение привычных сочетаний как самих ресурсов, так и подходов к организации трудовой деятельности. Общеизвестно, что до середины второй половины XX века определяющими являлись экономические факторы, поскольку затруднительное положение большей части мирового населения диктовало им необходимость получения ресурсов для элементарного обеспечения жизнедеятельности. Однако с эволюцией социальной теории произошел пересмотр практик властного и иного принуждения, когда «обобщенный рефлексивный самоконтроль и самоактуализация вышли на арену политической жизни в качестве главных стратегий социальной организации и формирования образа бытия» [12, с. 68]. Представленный способ организации человеческого общежития и социальных систем позволил воплотить на практике принципиально новый способ регламентации межсубъектных отношений. Главным образом, потому что экзистенциальные и моральные аспекты бытия человека выходят за пределы границ, которые ранее устанавливали властные акторы и политико-правовые институты.

Также большое значение в необходимости раскрытия креативного потенциала различных организаций сыграли многочисленные кризисы идеологий. Важнейшим следствием отсюда стало оформление так называемой «жизненной политики», положения которой выходят за архаизировавшиеся борьбу масс и классовое сознание, но сосредоточились на отдельном человеке и его жизненных потребностях. Э.Гидденс отмечает, что «положения “жизненной политики” преимущественно касаются связанных с властвованием и производных от него процессов и потребностей индивидов в персональной актуализации в реалиях посттрадиционных контекстов, где интегральный эффект глобальных воздействий проверяет на прочность и нарушает глубинные рефлексивные проекты самосознания и одновременно там, где процессы самореализации влияют на глобальные стратегии» [13, с. 214].

Налицо двойное проявление тезисов о креативности: (1) высвечивание данного феномена среди прочих активностей с целью обеспечения ее функционирования всевозможными методами и ресурсами и (2) оформление результатов социального творчества теоретиков различного профиля. По этому поводу можно говорить о том, что само формирование, существование и функционирование креативных индустрий позволяет расширить привычный спектр конструктивного влияния на множество социальных групп и тем самым повысить устойчивость социальных порядков и конкретных институциональных сред. Изучение механики новых способов взаимодействия между обществом и государством дает многочисленные основания для оценки реализации нормирования социальных процессов в позитивной модальности. Вследствие этого посредством креативных индустрий и на фоне децентрализации государств властные акторы (пере)ориентируются не на возможность прежнего навязывания своих интересов, но в артикулируемых (вне зависимости от реально демократических, популистских или иных) целях стремятся учесть интересы, потребности и ресурсы самого человека.

Метаморфозы, происходящие в социальной ткани благодаря активизации творческих начал и запуска соответствующих процессов, были бы невозможны без создания новых технологий, которые буквально становятся одним из основных стратегических

инновационных ресурсов. Самоочевидно, что принципиальная открытость и вовлеченность самых разнообразных институтов также подкрепляет креативные индустрии, позволяя им использовать ресурсы различных смежных областей для продвижения необходимых инноваций. Анализируя отечественный контекст, Н.А.Кочеляева подчеркивает заметный характер тенденций региональной культурной политики. Таким образом, многим акторам действительно удалось осуществить выход за пределы узкого понимания культуры и в большей степени использовать культурные активы и ценности. В полной мере соглашаемся с тем, что подобные новации действительно «являются важными приоритетами территориального развития, повышения качества жизни, инвестиционной привлекательности и экспортного потенциала региона» [7, с. 207]. Обозначенные тенденции, напрямую или опосредованно связанные с креативными индустриями, способствуют многоаспектному решению целого ряда проблем. Это может и традиционное удовлетворение потребностей населения, и ревизия программ государственного развития, и инициация законодательных проектов, и брендинг страны на внешней и внутренней аренах, и даже вплоть до уровня (макро) региона, в который Россия, к примеру, включена по географическому принципу.

Переходя к изучению опыта других стран, являющихся ведущими по количеству и проценту участия креативных индустрий в общественном развитии, следует выделить Англию и Китай. Так, европейская страна стала первым государством, которому удалось обосновать креативные индустрии как самостоятельный кластер экономики, на основании чего британцы также смогли оценить их вклад в социальное развитие на основании количественных и качественных методов. Солидными показателями их участия в общественном развитии являются хотя бы те факты, что их вклад составляет порядка пяти процентов от ВВП государства, а также создание более полумиллиона рабочих мест. Переходя к качественным оценкам, прежде всего, обнаруживаем влияние креативных индустрий на государственную политику Великобритании, в соответствии с которой акторы стремятся создать определенные программы, цели которых «объединить предприятия, исследователей и технологов для создания нового опыта для будущих потребителей» [5, с. 48].

Развитие в островном государстве ряда кластеров креативных индустрий позволяет использовать политические и творческие ресурсы для инновационного развития государства. Описанное положение дел становится возможным в Великобритании за счет объединения многочисленных участников, занятых в науке, промышленности и непосредственно относящихся к творческой деятельности на взаимовыгодном, словно по стратегии «Win – Win», партнерстве. Именно так объективируются новые возможности для разработки программ обучения, проведения междисциплинарных исследований – и это выгодно как в инвестиционном плане, так и в аспекте вовлеченности интеллектуалов и представителей креативных индустрий, не обычным суммативным, но интегральным образом способствующих инновационному экономическому росту и социальному развитию.

Несколько иной опыт использования креативных индустрий обнаруживается в Китае. При переходе от производственной экономики это государство выбрало траектории, ведущие к знаниевому и основанные на услугах вариантах хозяйствования. Отмечается, что доля расходов на услуги составляет 40%. Кроме этого, утверждается, что доходы государства от функционирования креативных индустрий составляют все те же пять процентов – и это, несомненно, довольно существенно для любого государства вообще. Подобное стало возможным благодаря включенности креативных индустрий в очередной пятилетний план развития страны в качестве одной из приоритетных сфер государственной стратегии [5].

В итоге мы отчетливо видим, как именно креативным индустриям удалось стать одним из важнейших новых агентов современного мира, отмечая их значимость не только для национальных экономик, но и для социального развития в целом. Все чаще креативные индустрии становятся драйверами развития культурной, социальной и остальных сфер жизни общества. На этом основании страны мирового ядра и периферии все чаще координируют и сообразуют тактики и стратегии общественного развития с креативными организациями и тем или иным образом связанными с ними практиками.

Немаловажное значение в производстве идеальных факторов социального развития выполняют и фабрики мысли. Среди мыслителей до сих пор нет единства по поводу содержания данного понятия и раскрытия сущности этого феномена. По нашему мнению, одним из наиболее удачных дефинирований рассматриваемого понятия является следующее: «Фабрика мысли, или мозговой центр, – независимая, не ориентированная на прибыль исследовательская организация, созданная в целях обсуждения и по возможности продвижения важных для общественной (публичной) жизни решений, а также продвижения той или иной практической политики в той или иной сфере, отрасли общественной жизни» [3, с. 10]. Из представленного определения ясна генеральная идея существования и прикладного значения фабрик мысли. Таким образом полагается наличие некоторого института советников-экспертов, формирующих государственные или частные аналитические структуры, которые к тому же обладают ресурсами для определения векторов развития и реализации политики конкретной страны. По сути, цель таких объединений состоит в разработке новых проектов, продуцировании нетривиальных идей и поиске методов решения актуальных для конкретного общества на определенном этапе исторического развития задач.

Самоочевидно, что возможность подобных действий напрямую зависит от квалификации входящих в состав этих объединений. Ввиду общепринятого тождества понятий «фабрика мысли» и «мозговой центр» большинство исследователей расширяют перечень структур, которые могут к ним относиться: это аналитические и исследовательские лаборатории, а также ситуационные центры и различные учреждения публичной политики. В этом смысле концептуально уточняющим нам представляется определение А.Сунгурова, интегрально описывающего рассматриваемые образования как «острова качественного использования полноценной междисциплинарной мысли для глубокого улучшения процесса выработки конкретных политических практик решения стоящих перед обществом проблем, как главный мост между властью и знанием» [10]. Междисциплинарность – вот действительно актуальная повестка настоящего времени. Прежде всего, она свидетельствует о том, что существенным в функционировании фабрик мысли становится многогранный характер аккумулированных и транслируемых знаний, имеющих к тому же прикладную направленность. Другим немаловажным моментом, который нельзя не отметить при освещении деятельности этих центров становится его умение не просто транслировать идеи, но артикулировать их таким образом, чтобы ключевые акторы социальных преобразований могли сформировать у целевых групп необходимое мнение.

Итак, мы видим, что содержательно природа фабрик мысли состоит в концентрации интеллектуалов, или, как говорят современные теоретики, притяжении «умных людей», способных формировать эффективные социальные стратегии для последующего их артикулирования и дистрибуции в конгруэнтной контекстуальным реалиям форме. Это дает возможности влиять на законодательные и исполнительные решения органов власти, при этом фабрикам удается оставаться независимыми, благодаря различной

поддержке со стороны государства и частных лиц. Конечно, эти агенты выполняют и другие значимые для общества функции, связанные, к примеру, с обеспечением реализации проектов, продвижением отдельных инициатив и remodelированием коммуникации между участниками социальных процессов, тем самым способствуя повышению эффективности запланированного [11, с. 69–70].

С учетом происходящих в мире трансформаций общая логика существования фабрик мысли, да еще с учетом усиления коммуникативных составляющих в общественных процессах, считаем, что еще одним важным пунктом в перечне реализуемых ими задач становится имплементация демократических идей через построение публичной политики. Центральной особенностью фабрик мысли является то, что варианты решения конкретных проблем и применяемые для этого методы не просто подкреплены современными научными достижениями, но и имеют ярко выраженную обращенность к сфере политического.

Я.В.Щетинская полагает, что в рамках фабрик мысли не только разрабатываются концепции и многочисленные идеи социальных преобразований, но и предлагаются методика ее применения и технологии реализации. Таким образом, решения и этапы по их достижению не просто остаются «в столе» в виде нереализованных разработок. Как и полагается настоящему социальному заказу, это конструкты доводятся до сознания властных и других ключевых акторов, то есть таких субъектов, от решения которых зависит возможность и преломленная об контекстуальные реалии модификация идей в виде оформленных результатов на практике. Говоря о стремлении демократически ориентированных акторов осуществлять строительство уже упомянутой публичной политики, поясним, что на практике воплощение соответствующих ментальных конструктов наблюдается постепенное размывание традиционной вертикали власти, зато все чаще применяется известный сетевой подход к пониманию общественности и всей сферы политического.

Сущностными характеристиками демократии и принципами функционирования фабрик мысли является готовность к коммуникации с различными группами. Первостепенную значимость приобретает анализ общественного мнения. Это, в свою очередь, способствует максимально полной и всесторонней адаптации предлагаемых решений к контекстуальным реалиям. Широкое распространение сегодня получил делиберативный метод, суть которого сводится к массовым консультациям по различным актуальным вопросам. Цель этого инструмента очевидна – адекватная интерпретация общественного мнения, минимизация искажений и последующая трансляция полученных результатов акторам, обладающим компетенциями принятия решений для проведения социальных преобразований. По итогам описанных процедур формируется несколько обоснованных альтернатив будущих проектов общественного развития, которые могут быть реализованы на практике, но, что самое важное, без критического неприятия большинством социальных групп. Как агенты фабрики мысли могут защищать и продвигать общественные интересы, то есть напрямую способствовать развитию и укреплению демократии в государстве. Анализируя мировой опыт, данные структуры могут обращаться к технологиям выпуска аудио-изданий, создавать на своих сайтах видеоколонки или же в «классическом стиле» репрезентировать тематические подборки материалов лекций экспертов на злободневные для конкретного государства темы, а также излагать точки зрения по вопросу модернизации институтов гражданского общества в форме интервью. Важно понимать, что ключевой посыл заключается в том, что результаты деятельности этих интеллектуалов попросту невозможно найти

в иных источниках [11, с. 73]. Таким образом, стейкхолдеры маркируют воспринимаемые данные как «эксклюзивные» и приписывают им достаточную эффективность для других представителей общественности, а ключевые акторы получают надежный инструмент формирования массовых предпочтений и ожиданий.

Другой немаловажный аспект участия этих консультативных структур можно усмотреть в практиках повышения национальной безопасности. Данные центры способны выработать и предложить государству ряд новаторских идей для обеспечения безопасности страны на международной арене. Здесь уместен пример, приводимый Г.Арутюняном: «Американская корпорация RAND (первая в мире организация, которую назвали «фабрикой мысли») в годы Первой холодной войны внесла значительный вклад в дело разработки «стратегии ядерного сдерживания» [2, с. 6]. Интеллектуалы, относящиеся к этой же фабрике мысли, ввели в употребление различные интерпретации таких понятий, как «информационная война», «сетевая информационная система» и целый ряд других. Другая фабрика мысли DARPA внедрила в практику использования глобальную паутину – Интернет. Перечисленные концепты по своему содержанию имеют как оборонительное, так и наступательное значение, поскольку определяют вектор использования разведывательной, активной и пассивной систем как структурных элементов сохранения национальной безопасности. Как мы понимаем, сегодня многие лексические единицы выходят за рамки однажды созданного для них словаря и могут не только использоваться для однозначного употребления в одной сфере по принципу, к примеру, «война – мир», «финансы – сельское хозяйство», но и применяться в гражданских условиях. Тем самым посредством слов и вкладываемого в них смысла властные акторы и интеллектуалы, реализуя идеологические функции, могут обозначать состояние конкретного социума и влиять на формирование мировоззрения как отдельного человека, так и большей части населения отдельного государства.

Необходимо уточнить, что тактики и стратегии общественного развития формируются фабриками мысли с учетом оказываемого ими влияния на общественное мнение, что и позволяет отвечать на появляющиеся социальные запросы у властных акторов для определенных групп. Сегодня в условиях постдемократии аналитические центры все чаще обслуживают интересы правительственно-олигархических структур. Приводя статистику по формированию количества фабрик мысли в США, Г.Арутюнян показывает, что в истории развития североамериканского государства выделяется несколько пиков их создания и функционирования. Каждый из таких поворотных моментов, вне всякого сомнения, детерминирован контекстуальными реалиями. Первый их них связан с 1970-ми годами, что было вызвано необходимостью борьбы с «советами» и предполагало работу на формирование оборонной концепции государства. Второй пиковый момент был обусловлен перестроечным периодом в Советском Союзе – и это требовало переосмысления ситуации и формирования новой стратегии отношений между НАТО и ОВД, отличной от той, что использовалась в предыдущие годы идеологического противостояния. Очередной спрос на фабрику мысли был связан с демократическим транзитом восточноевропейских стран и стремительно происходящими метаморфозами социальных порядков и следованием этих государств программным инициативам западного мира, в первую очередь, приверженности либеральным векторам США [6].

Мы видим, что фабрики мысли способны оказывать высокое влияние на формирование конкретных политических действий по обеспечению национальной безопасности внутри страны. Более того, использование ресурсов мозговых центров и фабрик мысли дает возможность сформировать концепцию отношений с другими государствами с

целью продвижения национальных интересов по всему миру. В целом, если подводить итоги, можно сказать, что фабрики мысли, мозговые и аналитические центры представляют собой совокупность неполитических субъектов, которые аккумулируют в себе множество ученых и специалистов в различных областях, которые в силу имеющихся компетенций и интеллектуальных способностей имеют возможность предлагать рекомендации по различным актуальным вопросам и проблемам и, тем самым, оказывать влияние на политическую повестку дня. Речь идет о том, что рекомендации, которые предлагают фабрики мысли, получают заинтересованные политические субъекты и используют для реализации значимых политических действий по продвижению и реализации национальной политики.

Ряд крупных стран-лидеров целенаправленно развивает систему фабрик мысли для проведения всестороннего анализа политической ситуации внутри государства и за его пределами. С одной стороны, фабрики мысли на основании своей способности проводить аналитику общественного мнения могут быть поняты в качестве основания децентрализации властных полномочий и достижения максимально демократического государства. Можно говорить, что фабрики мысли оказывают сдерживающее влияние на политические институты внутри конкретного государства, что способствует большей его демократизации. Другая сторона влияния фабрик мысли состоит в их способности влиять на международную политику, реализовывать идею национальной безопасности на международной арене, что требует формирования концепции продвижения национальных интересов по всему миру. В результате, можно говорить о том, что фабрики мысли, аналитические и мозговые центры буквально определяются как субъекты «пятой власти», набирающей свою силу наряду с медиа [4]. Эти агенты давно играют ведущую роль в процессе формирования политики на том основании, что предлагают экспертные оценки в совершенно различных областях и ситуациях, начиная с проблем борьбы с глобальным экономическим кризисом и заканчивая изучением форм и методов влияния на военные действия и выработку курсов и экспорт передовых идей социального развития для полупериферии и периферии.

Подводя итоги проведенного исследования, отметим, что в современном мире круг агентов, продуцирующих идеи социального развития, существенно расширяется. Диффузия демократических теоретических конструктов, появление новых связей и отношений между участниками и сферами общественной жизни, ярко выраженные тенденции к децентрализации государства – вот лишь неполный перечень детерминант, способствовавших тому, что креативные индустрии и фабрики мысли стали одними из ключевых акторов социальных преобразований. В этом также усматривается и дух настоящего времени: создающие знание интеллектуалы, задействованные в участии при прогнозировании будущего облика той или иной страны, выходят за рамки теоретического поиска, но находят применение своих идей на практике.

Стремительное усложнение общественной жизни регулярно создает новые запросы на создание эффективно функционирующих порядков, предполагая участие большего количества субъектов, нежели это было, к примеру, до перехода к нелинейной динамике мирового развития до второй половины прошлого столетия. Интенсификация взаимодействий почти наверняка приведет и к появлению других агентов, не просто способных предлагать адекватные модели идеального государства, но и обладающих, например, реальными прогностическими компетенциями. Таким образом, можно зафиксировать, что дальнейшее умножение аттитюдов различных социальных групп, как и их комбинаций, приведет к бесконечному обновлению панорамы праксиологического поиска. В свою очередь, это необратимо повлечет за собой необходимость

учета как узких, молекулярного уровня, проблемных мест, так и образуемых за счет их интеграции неопределенностей мезо- и макроуровня. Для адекватного реагирования на очерченные вызовы потребуются уже совершенно иные масштабные проекты социального развития, создание которых не представляется нам возможным без интеллектуальной деятельности как рассмотренных в данной работе агентов, так и других способных создавать нетривиальные идеи объединений индивидов.

Список литературы

1. Альжанова Ф.Г. Креативная экономика: теоретическая концепция и её практическое применение // Казахский экономический вестник. – 2012. – № 4. – С. 1–16.
2. Арутюнян Г. «Мозговые центры» и национальная безопасность // 21-й век. – 2011. – №1 (35). – С. 5–18.
3. Балаян А.А., Сунгуров А.Ю. Фабрики мысли: международный и российский опыт. – СПб.: Санкт-Петербургский филиал Нац. исслед. ун-та «Высшая школа экономики», 2014. – 236 с.
4. Бубнова Н.И. «Мозговые центры» как актор современной политики // Сравнительная политика. – 2017. – Т. 8. – № 3. – С. 8–19.
5. Жупарова А.С., Нусюпаева А.А. Сравнительный анализ развития креативных индустрий в Китае и Великобритании // Модели, системы, сети в экономике, технике, природе и обществе. – 2020. – № 3 (35). – С. 46–53.
6. Каячев Г.Ф., Локтионов Д.А. Эволюция ценностного подхода в управлении компании // Лидерство и менеджмент. – 2019. – Т. 6. – № 4. – С. 397–408.
7. Кочеляева Н.А. Стратегическое планирование в сфере культуры: российский опыт региональной культурной политики // Ярославский педагогический вестник. – 2015. – Т. 1. – № 2. – С. 206–211.
8. Новосельская В.В. Креативные индустрии в инновационном развитии территорий: особенности функционирования // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. – 2017. – № 4 (78). – С. 164–174.
9. Овечкина А.А. Креативные индустрии как понятие социально-культурной деятельности // Культура: теория и практика. – 2017. – № 2 (17). – С. 7.
10. Сунгуров А. Фабрики мысли: первое приближение к анализу зарубежного опыта [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pandia.ru/text/78/293/85286.php> (Дата обращения 25.06.2022)
11. Щетинская Я.В. «Фабрики мысли»: принципы, технологии и методы работы // Социальные явления – журнал международных исследований. – 2012. – № 1 (1). – С. 68–74.
12. Ярошенко Н.Н. Ценности досуга в контексте цивилизационного развития // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. – 2011. – № 6 (44). – С. 66–73.
13. Giddens A. Modernity and self-identity. – Cambridge: Polity, 1991. – 256 p.
14. Ravochkin N.N., Porhachev V.N., Shchennikov V.P., Petrov M.A., Shtumpf S.P., Rakhinsky D.V. Intellectual diversity in Postmodern reality // Revista Inclusiones. – 2020. – Vol. 7. – № S4-5. – pp. 338–348.
15. Woolcock M. Social institutions and the development process: Using cross-disciplinary insights to build an alternative aid architecture // Polymath: An Interdisciplinary Arts and Sciences Journal. 2017. – Vol. 7. – № 2. – pp. 5–30.

*М.С. Уланов, А.М. Грищенко**Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова***БУДДИЗМ И ПРАВОСЛАВИЕ
В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННОЙ КАЛМЫКИИ:
ОПЫТ МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНОГО ДИАЛОГА***Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда
№ 19-18-00118, <https://rscf.ru/project/19-18-00118/>*

В статье анализируется современный опыт участия буддийских и православных священнослужителей в деятельности по межрелигиозному сотрудничеству на территории Республики Калмыкия. Авторы отмечают, что основной проблемой для представителей буддийской и православной общин на территории региона в вопросе межрелигиозного диалога была недостаточная подготовка к этой сфере деятельности и отсутствие четких правил организации данной работы. Дореволюционный опыт взаимодействия был утрачен из-за разрыва преемственности в советский период, поэтому многие решения приходилось находить заново. В результате совместными усилиями буддийской и православной общин в постсоветский период были выработаны нормы межрелигиозного взаимодействия, которые используются и в настоящее время.

Ключевые слова: буддизм, христианство, православие, Калмыкия, Нижнее Поволжье, Золотая Орда, Россия, межконфессиональный диалог.

*M.S. Ulanov, A.M. Grishenko**Kalmyk state university named after B.B. Gorodovikov***BUDDHISM AND CHRISTIANITY IN SOCIO-CULTURAL SPACE
OF MODERN KALMYKIA:
THE DIALOGUE BETWEEN DIFFERENT CHURCHES***The research is supported by the Russian scientific fund's grant № 19-18-00118,
<https://rscf.ru/project/19-18-00118/>*

The article analyzes the cooperation between Buddhist and Russian Orthodox priests on the territory of the Republic of Kalmykia nowadays. The authors underline the main problem in this interconfessional dialogue was the lack of training in this sphere of activity of priests from both churches and the absence of strict rules for this kind of activity. The Soviet period in the history of the country led to the discontinuity of succession between two churches which existed before the revolution. There was a need to resolve such misunderstandings. Nowadays both Buddhist and Russian Orthodox churches had to work out new norms for their relations and actions.

Key words: Buddhism, Christianity, Orthodoxy, Kalmykia, Lower Volga region, Golden Horde, Russia, interfaith dialogue.

Изучение опыта взаимодействия буддизма и православия в социокультурном пространстве современной Калмыкии обусловлено как процессом возрождения традиционных религий в Российской Федерации, так и сложной межконфессиональной ситуацией в современном мире, где противоречия и конфликты на религиозной почве имеют достаточно широкое распространение. В этой связи позитивный опыт, накопленный буддийской и православной общинами Калмыкии в постсоветский период, приобретает исключительное значение для построения дружественных и гармоничных

отношений между разными религиями и конфессиями. Современные исследователи не случайно отмечают, что в республике «фиксируется положительная динамика в области межконфессионального взаимодействия, которая обусловлена исторически сложившимися особенностями взаимопомощи и уважения друг к другу всех проживающих здесь народов» [7, с. 22].

Буддизм и православие представляют собой важную и неотъемлемую часть истории социокультурного пространства Калмыкии, которое исторически формировалась как поликультурный и многоконфессиональный феномен. Обе религии выступают не только как предмет академической исторической или философской науки, но и как значимый компонент современной культурной и общественной жизни Калмыкии, играющий достаточно заметную роль. Являясь существенным фактором формирования общественного сознания и поведенческих стереотипов соответственно буддийского (калмыцкого) и православного (славянского) населения, буддизм и православие оказывают значительное воздействие на развитие социальных и политических событий в республике Калмыкия.

Актуальность исследования опыта взаимодействия буддизма и православия в Калмыкии определяется, прежде всего, тем, что Калмыкия представляет собой один из наиболее уникальных регионов не только России, но и мира, где буддизм, являясь доминирующей конфессией, в течение значительного исторического периода достаточно гармонично сосуществовал с православием и исламом. Фактически Калмыкия является единственным регионом мира, где традиционно сосуществовали все три мировые религии. Такое уникальное явление не может быть не замеченным со стороны академической науки. Вместе с тем эта современная межконфессиональная ситуация в республике Калмыкия до сих пор остается малоисследованной. В частности, по данной проблеме до сих пор нет специальных монографических исследований. Цель данной статьи – восполнить этот пробел и попытаться дать целостный социокультурный анализ современного состояния взаимодействия буддизма и православия в данном регионе.

Вначале необходимо дать краткий исторический обзор взаимодействия буддизма и православия в социокультурном пространстве Калмыкии.

Впервые буддизм и христианство на территории Нижнего Поволжья вероятно встретились в XIII в., в эпоху существования здесь Золотой Орды, где в 1261 г. была учреждена кафедра православного епископа. Значительную роль в этом событии сыграли князь Александр Невский и митрополит Киевский Кирилл II. В этот период в столице монголо-татарского государства г. Сарае проживало достаточно много русского населения, исповедовавшего православие, а князья имели здесь свои дворы с челядью. Сарайский епископат в тот период обладал значительным влиянием в решении не только религиозных, но и политических вопросов. Епископ обладал правом неприкосновенности и не подвергался гонениям. Во всех ордынских городских центрах, где проживало русское население со временем возникли православные церкви и часовни [подр.: 12].

О буддизме на территории Золотой Орды сохранилось достаточно мало сведений, что позволяет некоторым исследователям религиозной жизни этого государства фактически игнорировать его наличие. Однако в действительности сохранились источники, которые свидетельствуют о существовании буддизма на территории Ордынского государства. По мнению В.П.Костюкова, одним из таких свидетельств является неоднократное упоминание о нахождении в Орде уйгурских бакшей (буддийских священнослужителей). Уйгуры в тот период играли важную роль при дворах монгольских правителей в качестве чиновников различного ранга. При этом большинство уйгуров в XIII в. исповедовало буддизм [6, с.189–190].

Еще одним свидетельством существования буддизма в Золотой Орде является рассказ знаменитого персидского историка Рашид ад-Дина об одном посольстве от князя Ногая, датируемый 1288 г. Здесь Рашид ад-Дин говорит о том, что «от улуса Нокая приехали гонцы ... и доставили шариль... Мнение у них такое: если кого-либо, кто достиг высокого положения, подобно Шакьямуни-бурхану, будут сжигать, шариль его не сгорит. Короче говоря, когда его (шариль) везли, Аргун-хан вышел навстречу, его осыпали деньгами, ликовали и несколько дней предавались пиршествам и увеселениям» [10, с.117–118]. Данный факт, несомненно, свидетельствует о существовании в Золотой Орде значительной и организованной буддийской общины, располагающей общепбуддийскими святынями.

Буддистом, вероятно, был и правитель Золотой Орды Тохта. Так, в летописи Шайха ал-Бирзали отмечается, что Тохта «был неверным, (державшимся) религии поклонения идолам, любил уйгуров, т.е. лам и волшебников, и оказывал им большой почет» [13, с. 172]. В связи с этим можно предположить, что его окружение тоже могло исповедовать буддийскую религию. Кроме того, В.П.Костюков обнаружил ряд признаков буддийской обрядности в золотоордынских погребальных памятниках [6, с. 204].

В то же время и христианство, и буддизм не были в Золотой Орде господствующими религиями, не сохранилось данных и об взаимоотношениях между православием и буддизмом.

Более широкое взаимодействие между буддийским и православным миром началось в XVII веке. Распространение буддизма на территории Калмыкии было связано с процессом переселения на запад в XVII веке части западномонгольских или ойратских этнических групп, которые, обосновавшись в Нижнем Поволжье, получили название «калмыки». К этому времени православие уже укрепилось в дельте Волги в связи с присоединением к Российскому государству территории Астраханского ханства.

Калмыки, придя на Волгу, стали первым и единственным этносом в Европе, который традиционно исповедует буддизм. В силу этого они занимают особое положение в этнокультурном пространстве Юга России» [15, с. 100]. Калмыки пришли на Волгу в тот период, когда буддизм уже начал свое укоренение в их среде благодаря просветительской деятельности известного ламы Зая-Пандиты, который создал для ойратов особый алфавит, получивший название «тодо бичиг» («ясное письмо»). Распространение буддизма среди ойрат-калмыков способствовало их социальному и культурному развитию. Буддизм привнес в культуру калмыков традиционную национальную письменность, духовное образование, тибетскую медицину, религиозное искусство. Возникла национальная традиция буддийской скульптуры и живописи. Позже получила развитие буддийская архитектура, впитавшая в себя, наряду с восточными (тибето-монгольскими) традициями, элементы русского православного зодчества, что, в частности, проявилось при возведении знаменитого Хошеутовского хурула. После прихода калмыков на территорию Нижнего Поволжья и образования там Калмыцкого ханства здесь сформировался своеобразный очаг принципиально новой для этого региона культуры и цивилизации, которая при этом не вступала в антогонистические противоречия с окружающим ее православным и исламским миром.

Таким образом, буддизм и православие на территории Калмыкии, да и России в целом, масштабно соприкоснулись в XVII веке, когда в пределах Нижней Волги и Северного Прикаспия появились ойрат-калмыки. С этого момента начался процесс взаимодействия представителей двух мировых религий. Характер этого взаимодействия часто не устраивал обе стороны. Во второй половине XIX в. по инициативе царского правительства в Калмыкии стала проводиться активная миссионерская деятельность.

В калмыцких степях появились православные миссионерские станы, что, естественно, не могло не вызывать опасение со стороны калмыцкой буддийской церкви.

Но, несмотря на трудности, формировался опыт взаимных отношений. Он не был и не мог быть свободен от веяний эпохи, от определенных политических факторов, но все-таки оказался ценным. Политика централизованной христианизации несомненно усложнила отношения между буддийским и православным духовенством. Однако на бытовом уровне между русскими и калмыками-буддистами продолжали сохраняться хорошие, доброжелательные отношения, что, исходя из учения о пассионарности Л.Н.Гумилева, можно объяснить определенной евразийской комплементарностью двух этносов [14, с.116].

Кроме того, представители русской православной церкви, стремясь распространить христианство среди калмыков, активно изучали и описывали повседневный быт и религиозные традиции калмыков, тем самым внося существенный вклад в историографию калмыцкого буддизма. Так, на рубеже XIX–XX столетий стали появляться труды, в которых, кроме собственно мер по христианизации калмыков, имелись интересные данные о буддийской культуре калмыцкого народа. Среди значительного массива подобного рода трудов можно выделить работы А.А.Бобровникова «Очерк религиозного состояния калмыков» [2], Ф.М.Юштина «Обозрение мероприятий правительства к распространению христианства между калмыками» [16], Мефодия (Львовского) «Калмыки Большедербетовского улуса Ставропольской губернии и калмыцкие хурулы» [8], Гурия (Степанова) «Очерки по истории распространения христианства среди монгольских народов» [4] и «Донские калмыки и история их христианского просвещения по трудам Казанского миссионерского съезда» [3] и т.д.

Наверное, самым ярким периодом для православно-буддийских отношений в исторической России стало время правления императора Николая II, когда представителям буддийского вероисповедания были даны значительные свободы. В 1908 г. делегация калмыков принимала участие в юбилейных торжествах в Петербурге по случаю 300-летия дома Романовых. Своеобразным памятником этому периоду взаимоотношений является построенный в те годы дацан (хурул), разместившейся в главном городе официально православной Российской империи – Петербурге [подр.: 1].

После революции «межрелигиозный диалог» продолжился в местах ссылок и заключений. Его вели простые люди, православные и буддисты, помогая друг другу выжить в условиях гонений. Конечным итогом советского периода стала почти полная утрата опыта взаимного общения: на территории Калмыкии осталось два православных храма, но не было ни одного хурула.

В постсоветский период ситуация начала меняться. Хотя перемены в положении религиозных организаций наметились ещё раньше (можно вспомнить поддержанное властями празднование 1000-летия Крещения Руси в 1988 году и произошедшая в этот год регистрация буддийской общины в Элисте). Один за другим стали открываться буддийские и православные молельные дома, храмы, субурганы и часовни. Инициаторами обычно выступали группы верующих. Особенно сложной была ситуация с подготовкой квалифицированных кадров, поскольку вновь открытые храмы и молельные дома нуждались в духовенстве. Люди активно просили прислать к ним в село священников. Так началась экстренная подготовка кадров. Качество подготовки в этот период страдало и у буддистов, и у православных. Многие священнослужители принимали сан без специального образования или ограничивались кратковременным обучением. Выходом из этого положения стала отправка молодых послушников на учебу. В случае с православием это были близлежащие духовные семинарии. Буддисты же отправляли молодежь на учебу в Индию, Монголию или Бурятию.

Находящиеся в таком положении буддийская и православная общины столкнулись с ещё одной неочевидной вначале задачей: необходимостью выстраивать межрелигиозный диалог. Оказалось, что такой же бурный рост религиозной жизни переживают и другие религиозные организации страны. А значит, в одном населенном пункте появляются духовные лица буддийских, православных, мусульманских общин, священнослужители многочисленных христианских исповеданий. Необходимо было учиться взаимодействовать не только на внутриконфессиональном, но и на межрелигиозном уровне. Таким образом, перед представителями буддийского и православного духовенства встала сложная и творческая задача. Дореволюционный опыт был важен, но использовать его можно было только фрагментарно, так как очень сильно изменились условия. Поэтому приходилось все начинать с самого начала: без концепции, без инструкций, фактически методом проб и ошибок.

Основными акторами данного процесса стали простые священнослужители, часто с минимальным уровнем богословского образования. Как ни странно, опыт жизни в Советском Союзе способствовал быстрому нахождению общего языка. Гонения на религию в советский период сблизили верующих людей разных религий. Представитель другой религии в условиях противостояния с атеистической властью для православного был «свой», кто бы он ни был. Известно, что многие калмыки-буддисты для удовлетворения своих религиозных потребностей приходили «помолиться» в Крестовоздвиженскую церковь Элисты, объясняя это тем, что «хурула нет, а Бог один». Еще одним значимым фактором плодотворного межконфессионального диалога был фактор языка. Так, чтобы провести встречу епископа Кавказского Германа и бакши Большедербетовского улуса Санджи Яванова в 1874 г., нужны были переводчики. Теперь и высшее духовенство, и обычные верующие могли свободно общаться на русском языке. Помогала созданная за годы советской власти общая культурная среда: все читали одни книги в школе, смотрели одни фильмы, читали общих героев.

В этот исторический момент межконфессиональный диалог только начинал складываться, поэтому было немало крайностей как в сторону фанатизма, так и в сторону экуменизма. Кто-то приводил древние тексты, запрещавшие принимать пищу с «неверными», а кто-то брался до такой степени, что верующие поднимали бунт. Так случилось в середине 90-х в г. Городовиковск. Руководитель православной общины и глава буддийской общины здесь проводили регулярные «симпозиумы» с распитием спиртных напитков. В итоге православный деятель «покрестил» буддиста, а сам прошёл инициацию по малоизвестному буддийскому обряду от рук своего коллеги по «межрелигиозному диалогу». После разбирательства обоих пионеров «межрелигиозного сотрудничества» лишили возможности продолжать служение. Несмотря на курьёзность, подобные случаи требовали скорейшей выработки принципов межрелигиозного диалога.

Постепенно сформировались следующие правила:

1. Межрелигиозное сотрудничество возможно только с авторитетными в обществе религиозными организациями, которые представляют собой исторически сложившуюся религиозную традицию для этого народа и этой территории. В 90-е годы в Калмыкии, как и везде в России, появилось множество сектантских групп. Их деятельность была направлена на активную вербовку новых адептов, иногда и грязными методами. В результате выходов в народ представители таких организаций часто обманывали людей, представляясь активистами традиционных религий. Странно было бы вести межрелигиозный диалог с подобной общиной-симулякр, которая, может быть, появилась несколько дней назад с целью личного обогащения ее

руководителя и через год исчезнет. Поэтому православным необходимо было иметь хотя бы минимальные представления о буддийских организациях, и наоборот. Православные Калмыкии с благодарностью отмечают сознательное уклонение буддистами от межрелигиозных контактов с многочисленными нео-протестантскими группами, наводнившими в тот период регион. Представители православия в Республике также отказались от взаимодействия с рядом псевдобуддийских организаций, хотя просьбы об этом неоднократно поступали. Важной была признана и личная репрезентативность: для участия в диалоге необходимо, чтобы конкретный священнослужитель представлял свою общину, а не был самозванцем.

2. Межрелигиозный диалог должен иметь определенные границы. Межрелигиозное сотрудничество возможно только тогда, когда каждая из сторон хранит свои собственные традиции и не поступает своими религиозными представлениями. Иначе это уже не сотрудничество представителей разных религий, а просто некое сомнительное начинание, которое не имеет ничего общего с целями реального межконфессионального диалога. В подлинном диалоге, на наш взгляд, от каждой из сторон требуется вероучительная чистота. Никакие совместные религиозные церемонии не допустимы. Сотрудничество не должно быть диалогом ради диалога, нужны конкретные цели: миротворчество, социальное служение, воспитание подрастающего поколения, благотворительность и т.п. Межрелигиозный диалог должен вестись в социально-гуманитарной плоскости, с глубоким взаимным уважением, не подвергая сомнению основ вероучений.

Другая опасность заключается в попытке подменить разумное взаимодействие священнослужителей разных религий по культурно-гуманитарной и социальной повестке созданием некоего искусственного псевдорелигиозного конструкта. Этим «грешили» и некоторые политики, время от времени предлагая построить храм всех религий. Учитывая сказанное, надо отдать должное важности межрелигиозного диалога, но при этом знать о существовании подворных камней и проблемных зон в этом направлении деятельности. Межрелигиозный диалог требует от его участников творческого подхода, оградённого духовной зрелостью и трезвым взглядом на мир.

Сегодня, межрелигиозный православно-буддийский диалог – важнейшая часть современной общественной жизни. Конструктивное взаимодействие традиционных религий оказывает положительное влияние на многие сферы. Совместными усилиями представителей православной и буддийской общин удалось сделать многое в области сохранения культуры народов Калмыкии, в налаживании процесса воспитания детей и подростков, в поддержке пожилых людей и людей с ограниченными возможностями. Серьезный вклад внесён в сохранение гражданского мира. В сложные моменты духовные лидеры региона делали совместные заявления о недопустимости разжигания вражды и ненависти. Здесь можно вспомнить и теплые личностные отношения между духовными лидерами буддизма и православия, в частности, между Его Святейшеством Далай-ламой XIV и бывшим архиепископом Элистинским и Калмыцким Зосимой. Вспоминая о своих встречах с духовным лидером буддистов, архиепископ Зосима отмечал: «Это человек не простой, глубокой духовности и смиренности. В нем есть все то, о чем мы читаем в жизнеописаниях наш их православных святых, особенно пустынников первых веков» [5].

Как и в любом деле, в межрелигиозной работе надо избегать крайностей и идти (по-православному) «царским» или (по-буддистски) «срединным» путём. Нельзя соглашаться с теми, кто запрещает любые межрелигиозные контакты, приравнивая это к предательству веры. С точки зрения таких людей, православный священник, который

обсуждает что-либо с буддийским монахом, уже не достоин своего сана, чему бы ни был посвящён разговор. Этот близорукий взгляд ведёт в тупик. Здесь можно вспомнить призыв апостола Павла: «Если возможно с вашей стороны, будьте в мире со всеми людьми» (Рим. 12. 18).

Сегодня исследователи отмечают «целый ряд позитивных процессов в современной истории религии в Калмыкии: рост авторитета традиционных религий, их влияния на сохранение историко-культурного наследия, формирование современной культуры региона. Отмечается активное участие представителей религиозных объединений в жизни общества» [9, с.254].

Итак, важным направлением деятельности буддийской и православной общин Калмыкии сегодня является укрепление мира и согласия между людьми разных национальностей и религиозных традиций. Для решения задач в этой области создан и успешно действует Межрелигиозный совет Калмыкии, куда входят представители традиционных религиозных общин нашего региона. В православных и буддийских храмах Калмыкии, которые сегодня открыты во всех районных центрах республики, совершается молитва о благословении нашего степного края и страны, об укреплении в народе веры, вековых нравственных ценностей, милосердия, уважения и любви друг к другу.

Список литературы

1. Андреев А. И. Санкт-Петербургский дацан Гунзэчойнэй. – СПб.: Нестор-История, 2012. – 79 с.
2. Бобровников А.А. Очерк религиозного состояния калмыков // Православное обозрение. – 1865. № 7–8. – С.335–352, 495–510.
3. Гурий (Степанов). Донские калмыки и история их христианского просвещения по трудам Казанского миссионерского съезда. – СПб.: В.М. Скворцов, 1911. 40 с.
4. Гурий (Степанов). Очерки по истории распространения христианства среди монгольских племен. – Казань: Центральная типография, 1915. Т. 1. Ч.1. – 254 с. Ч.2. – 700 с.
5. Зосима, епископ Элистинский и Калмыцкий. В нем очень много от православных подвижников // Новые известия. – 2004. №223. – С.7.
6. Костюков В.П. Буддизм в культуре Золотой Орды // Тюркологический сборник. – СПб.: Институт восточных рукописей РАН, 2009. – С.189–236.
7. Лиджиева И.В., Немгирова С.Н. Этнокультурное развитие региона: мониторинг этноконфессионального и межкультурного взаимодействия в Республике Калмыкия // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2014. Т.7. – №1. – С.15–22.
8. Мефодий (Львовский Н.). Калмыки Большедербетовского улуса Ставропольской губернии и калмыцкие хурулы. Казань: типо-лит. ун-та, 1893. – 119 с.
9. Очирова Н.Г. Традиционные религии и межконфессиональные отношения в современной калмыкии // Ислам и исламоведение в современной России: сборник докладов Всероссийского исламоведческого форума, Махачкала, 27–28 сентября 2019 года. – Махачкала: Общество с ограниченной ответственностью «АЛЕФ», 2019. – С.246–255.
10. Рашид ад-Дин. Сборник летописей / Пер. А.К.Арендса. Т.III. – М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1946. – С.117–118.
11. Сухоруков В. А. Русская православная церковь в период монголо-татарского завоевания // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2015. – № 1(32). – С. 169–175.

12. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. – СПб.: Изд. на иждивение гр. С.Г. Строганова, 1884.– 564 с.

13. Уланов М.С. Буддизм и православие в цивилизационном пространстве России: истоки толерантности // Философские науки. – 2013. №2. – С.115–122.

14. Уланов М.С., Уланова Г.В. Социокультурное пространство России и буддизм // Вестник Калмыцкого университета. – 2012. – № 1(13). – С.95–101.

15. Юштин Ф. М. Обзрение мероприятий правительства к распространению христианства между калмыками. – Астрахань: Типография губернского правления, 1883. – 62 с.

*И.С. Урбанаева**Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН***РЕАЛЬНОСТЬ КАК КОНСТРУКТ И СМЫСЛ ТАКОВОСТИ:
К ФИЛОСОФСКОЙ СПЕЦИФИКЕ МАДХЬЯМАКИ
И МАХАЯНСКОГО МИРА***Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 21-18-00074,
<https://rscf.ru/project/21-18-00074/>**«Миры махаянского буддизма в контексте мировых цивилизационных процессов»*

Статья посвящена обоснованию идеи о том, что мадхьямака Нагарджуны и ее интерпретация прасангиками (на основе текста Чже Цонкапы «Океан аргументов») представляет собой радикальную критику не только индийских философских воззрений о реальности, но и вообще субстанциалистской онтологии. Мадхьямака разоблачает «реальность» как онтологический конструкт, в отличие от «таковости» – пустоты-рантонг. Но «негативная онтология» Нагарджуны не является нигилистической философией: она опирается на доктрину зависимого возникновения и имеет прочный фундамент онтологических доктрин, выраженных четырьмя благородными истинами и четырьмя философскими печатями.

Ключевые слова: Праджняпарамита, мадхьямака, прасангика, онтология, молчание Будды, конструкт, реальность, таковость, пустота, неведение.

*I.S. Urbanaeva**Institute of Mongolian, Buddhist, and Tibetan studies of Siberian Branch
of Russian academy of sciences***REALITY AS A CONSTRUCT AND MEANING OF SUCHNESS:
TO THE PHILOSOPHICAL SPECIFICITY OF THE MADHYAMA
AND THE MAHĀYĀNA WORLD**

The article is devoted to the presentation of the idea that the Nāgārjuna's Madhyamaka and its interpretation by the Prasangika (based on the text by Je Tsongkhapa "Ocean of Reasoning") is a radical critique not only of Indian philosophical views about reality, but in general of substantialist ontology. Madhyamaka exposes "reality" as an ontological construct, in contrast to "suchness" – emptiness-rantong. But Nāgārjuna's "negative ontology" is not a nihilistic philosophy: it is based on the doctrine of dependent arising and has a solid foundation of ontological doctrines expressed by the Four Noble Truths and the four philosophical seals.

Key words: Prajñāpāramitā, Madhyamaka, Prasangika, ontology, the silence of the Buddha, construct, reality, suchness, emptiness, ignorance

Мадхьямака (тиб. dbu-ma), философия срединности, свободная от крайностей философского нигилизма и этернализма, была изложена Нагарджуной (150–250) в его трактатах по мадхьямаке («Муламадхьямакакарики», «Шуньята-шаптати»; «Виграха-вьавартани»; «Юктииастика»; «Вайдаля-пракарана»; «Ратнавали»). Среди них фундаментальное значение имеет текст «Муламадхьямакакарики» (далее – ММК). Он был написан в качестве экспликации смысла изложенных Буддой во время II Поворота Колеса Дхармы сутр Праджняпарамиты в качестве конечного смысла (нирартха; nges-don) его Учения, в отличие от относительного смысла сутр I и III Поворотов Колеса, являющихся, согласно Нагарджуне, учениями, нуждающимися в интерпретации (неартха; drang-don).

К этому принципиальному герменевтическому различению двух типов учений Будды имеет прямое отношение существенное различие между способами осмысления реальности в их рамках. Мадхьямака Нагарджуны, получившая множество самых различных интерпретаций в истории буддизма во Внутренней и Восточной Азии, а также в современной буддологии и философии, представляет собой, если рассматривать ее по линии *прасангики* (Буддапалита, Чандракирти, Цонкапа и гелугпинские ученые), радикальную критику всех философских учений о реальности. Ее критицизм относится как к восточным, так и к западным философиям, хотя в ММК опровергаются только древнеиндийские философские системы. Представленное в ММК опровержение онтологической состоятельности индийских учений имеет универсальное значение. То, что критика Нагарджуной других философских систем направлена не против отдельных доктрин конкретных философских школ, а против определенного типа философствования и против претензии реифицированного субъекта на обладание истиной как объективным знанием о реифицированной реальности, было совершенно верно подчеркнуто Хантингтоном Младшим и Геше Намгьялом Вангченом в их совместной монографии [13]. Мы еще больше усиливаем этот тезис, утверждая, что то, что понимается философами, исключая Нагарджуну и прасангики, в качестве *реальности, бытия, сущего*, на самом деле является, несмотря на все различия в их воззрениях, лишь *конструктом* (тиб. *spros-pa*), а не реальностью (*dnagos*) или сущим, имеющим истинное существование (*bden-yod-pa*). Нагарджуна и его последователи раскрывают Учение Будды во всей его онтологической глубине, *деконструируя* все разновидности онтологии, базирующейся на *конструкте* «реальность», т.е. на идее *бытия, сущего, природы, сущности, вещей* и т. д. как чего-то *истинно существующего*, независимого от мысленной фиксации и языкового выражения. В таком случае является логичным вопрос: а содержит ли такой «деконструктивный» философский подход возможность вообще онтологии? Или это все же онтологический нигилизм?

Из «Малункья-сутты» и других источников известно, что Будда молчал в ответ на метафизические вопросы своих индийских учеников, по сути сходные с теми, что волновали умы западных мыслителей. При интерпретации красноречивого молчания Будды ясно, что он молчал не потому, что не имел ответов. И было бы ошибкой утверждать, что предельные вопросы бытия лежат за рамками буддийской философии. Как говорит Его Святейшество Далай-лама XIV Тензин Гьяцо, буддизм содержит богатый опыт глубокого исследования фундаментальных и вечных вопросов о нашем существовании и мире, в котором живем. Иначе не было бы оснований говорить о том, что буддизм содержит философию [см.: 4; 5]. Рассказывают, что однажды Будда взял в руки горсть листьев и сказал, что все то, чему он учил, подобно этой горсти листьев, а то, чему он не учил, подобно всем листьям в этом лесу. Большинство буддологов сходится в том, что молчание Будды объясняется тем, что ответы на метафизические вопросы не связаны с освобождением от сансары и с необходимостью оказания живым существам незамедлительной помощи. То есть эти вопросы являются бесполезными в перспективе сотериологии. Но здесь нужно пояснить, что как раз *бесполезность* для существ, живущих в страданиях, постановки и поиска ответов на метафизические вопросы очерчивает линию демаркации между западным и буддийским типами философствования. Дело в том, что увлеченность метафизическими проблемами – это особенность западного менталитета. Подобные вопросы совершенно *бесполезны* в том смысле, что совершенно непрактичны. *Бесполезность философской метафизики* для жизни была признана еще Аристотелем: философия – это занятие свободного человека, живущего для себя самого, а не для других; это роскошь и удовольствие, не связанные с извлечением практической пользы для жизни [1, с. 67].

Эта же идея выражалась Декартом в его «картезианских медитациях», которые Гуссерль расценивал как «прообраз философского самоосмысления» [3, с. 13]. И даже индолог и исследователь буддизма А.Пятигорский считал, что *ценность философии в том, что она никому не нужна* [8; 9]. В этом же духе высказывался Ортега-и-Гассет, связывая философию с «предельным интеллектуальным героизмом», не имеющим отношения к «эмпиризму жизни» [6]. Словом, западные философы в соответствии с их пониманием философии являются героями, имевшими свободу и смелость заниматься бесполезными вещами. Но их героизм – это *бесполезный* интеллектуальный героизм «Его», не озабоченного проблемами *Другого/ Других*. Будда – тоже герой, величайший из героев. Но, в отличие от западных героев, представляющих эго-центрированную интеллектуальную культуру, Будда проповедовал свою философию *ради принесения пользы другим*, ради того, чтобы все живые существа обрели шанс избавиться от страданий и стать по-настоящему счастливыми. Поэтому он молчал в ответ на метафизические вопросы, поскольку это были именно *бесполезные вопросы*. Как подчеркивается в устной тибето-буддийской традиции, важно уметь задавать вопросы, ответы на которые сопряжены с духовной *пользой* для других. Именно поэтому, как объясняет во время своих наставлений досточтимый Геше Джампа Тинлей, современный мастер тибетской махаяны, во времена Будды существовала традиция, по которой ему или великим бодхисаттвам задавали вопросы наиболее квалифицированные ученики. Так, на Коршуньей Горе Шарипутра, «побуждаемый силою Будды», обратился к бодхисаттве-махасаттве Авалокитешваре с таким вопросом, ответ на который содержал лаконичную презентацию доктрины пустоты в ее самом глубоком смысле [10; 11; 17].

Кроме того, как следует из трактатов Нагарджуны, молчание Будды объясняется и тем, что вопросы, затрагивающие онтологические проблемы, были заданы некорректно – посредством логики, которая недостаточна для их постановки и решения, – будь то дуалистическая логика, характерная для западного типа философствования, или логическая тетралемма – *чатушкотика*, характерная для индийской философской мысли. Они были сформулированы в рамках субстанциализма, того типа философского мышления, которое не только бесполезно, но и представляет даже опасность с точки зрения достижения свободы от страданий и их причин. Логика, субстанциализирующая бытие как таковое и существование конкретных вещей, допускает существование «собственной сущности», «природы», «самости» и т.д. – *самосущих* вещей (*tang-bzhin, dngos-po, bdag* и т. д.). Она не в силах выразить конечную природу реальности, как ее знает Будда. Это было объяснено Нагарджуной.

Мадхьямака Нагарджуны со всей остротой обнажила проблему значимости достоверного мировосприятия для достижения свободы и раскрыла ценность праджня-парамитской негативной онтологии как достоверной основы устранения *неведения* (*авидья; ma-rig-pa*), коренной болезни тех, кто влачит циклическое существование под контролем омрачений (*клеша; nyon-mongs*). Эта болезнь заключается, по сути, в недоверном восприятии способа существования всех вещей и в цеплянии за сей ошибочный паттерн. То, что объекты познания существуют не так, как они проявляются в нашем восприятии, было давно известно и небуддийским мыслителям. Принципиальное отличие философской позиции Нагарджуны и его последователей-прасангиков от всех небуддийских онтологий, а также и от низших буддийских школ заключается в том, что они разоблачили врожденную тенденцию ошибочного мировосприятия и врожденное цепляние за ошибочные онтологические конструкты в качестве главного виновника непрерывного создания существами причин собственных страданий. То есть то, что в индо-буддийской философии было принято называть *неведением*. Но именно Будда объяснил, что *неведение* заключается не только в

признании существования *атмана* – души, самости, «я», самосушей личности и т.п., но и вообще в субстанциалистской онтологии, приписывающей объектам познания некую внутреннюю природу или собственную сущность. Будда и вслед за ним Нагарджуна объяснили с точки зрения механизма реинкарнаций и факта отсутствия начала и конца сознания, что люди с безначалья времен допускают неправомерное *онтологическое преувеличение* (sgro-‘dogs), *приписывая* явлениям *истинное существование*, в то время как то, что считается ими *истинно* или *реально существующим* (bden-yod-pa), является на самом деле ни чем иным, как *конструктом* (spros-pa), субстанциализированным результатом ментальной активности. Иначе говоря, люди, не являющиеся *арьями* – существами, достигшими прямого постижения пустоты (stong-pa-nyid), как и все другие обычные существа, живут в мире собственных *конструктов*, где и страдания, и счастье тоже есть не что иное, как реифицированные ложные представления, основанные на ошибочном мировосприятии, полностью противоположном действительному положению вещей – их *таковости* (de-kho-na-nyid), которая есть *пустота от самобытия* (rang-stong).

Категория *таковости* в мадхьямаке, обозначающая подлинный онтологический статус всего сущего, или абсолютную природу всех вещей, обозначает то, что противоположно *конструкту*. В логико-эпистемологическом смысле они являются соответственно абсолютной истиной (don-dam-pa’i-bden-pa) и относительной истиной (kun-rdzob-bden-pa). С этой точки зрения все теории человечества, претендующие на истину, какими бы хорошими они ни казались, являются лишь *конструктами*, или *относительной истиной*, но никак не абсолютной истиной. Незрелым существам, или существам-детям, как называют в буддийских текстах индивидов, еще не готовых к постижению *таковости*, свойственно задаваться метафизическими вопросами, на которые Будда хранил молчание. Он молчал как раз потому, что ученики, задававшие такие вопросы, не созрели для того, чтобы постичь глубинный смысл буддийской онтологии, онтологии пустоты-*рантонг* (rang-stong) – пустоты от самобытия. Они, подобно небуддийским философам, занимались концептуализацией реальности: *сансары* – как *реальности*, которую нужно отбросить, и *нирваны* – как *реальности*, которую нужно обрести. Чже Цонкапа в своем *Большом комментарии* к ММК, который называется «Океан аргументов», объяснил в колофоне автора: «Это Учение (ММК) называется *Дхармой*, потому что *удерживает* от падения в пропасть воззрений, концептуализирующих реальность сансары и нирваны как того, что подлежит отбрасыванию и соответственно – принятию...» [16, с. 466].

Нагарджуна изложил конечный смысл буддийской онтологии как радикальное опустошение реальности. Но это – не нигилизм, ибо пустота объясняется в единстве с зависимым возникновением, понимаемым на самом глубоком уровне как номинальная зависимость – зависимость от обозначения. Пустота как абсолютная истина в интерпретации Нагарджуны – это онтологический факт, трактуемый в единстве с *зависимым возникновением* как относительной истиной. Но понимание пустоты, а также характера онтологического единства пустоты и зависимого возникновения – это проблема, вызывающая огромные трудности для философов – как небуддийских, так и буддийских. Поскольку даже буддийские философы оказались не в состоянии сразу же постичь конечный смысл «пустой» онтологии Будды, то сам Будда обучал последователей по постепенной системе освоения пустоты. Чже Цонкапа в своем «Океане аргументов» специально останавливается на описании этой системы и характеризует ее как *искусные уловки* – метод постепенного принятия «нектара

таковости» – и подчеркивает, что он опирается на относительную истину – на то, что известно ученикам [16, с. 318]. Поэтому вначале, как писал сердечный ученик Нагарджуны Арьядева в «Чатухшагаке» (VIII: 20),

[Вещи] существуют, не существуют, [верно] и то и другое,
Ни то, ни другое [неверно]» – было также преподано.

Разве не может все что угодно служить лекарством
В зависимости от болезни?

Сам Будда, как известно из «Трисамвара-нирдеша», говорил:

«Обычные люди спорят со мной, но я не спорю с ними, потому что все, что они считают существующим в мире, я тоже формулирую как существующее. Все, что считается в мире несуществующим, я тоже называю несуществующим»

[dKon brtsegs ka 9b; цит. по: 16, с. 318].

Таким образом, в начальный период Будда проповедовал так, чтобы его проповеди были понятны в соответствии с мирскими конвенциями и вызывали доверие к нему как к Учителю. Цонкапа пишет: «Относительно всех внешних и внутренних вещей в мире – скандх, элементов, аятан и т. д. – для тех учеников, чей ум затемнен завесами неведения, приписывавших им реальный статус, он проповедовал, что все это является реальным, т.е. истинным (истинно существующим)» [16, с. 318]. На основе этих учений возникла абхидхармистская метафизика – реалистические онтологии вайбхашиков и саутрантиков. ««Для них он позже проповедовал, что *подлинно реальное (совершенное, чистое)* бытие не допускает изменений, а эти составные феномены, поскольку разрушаются каждый миг, существуют, изменяясь в каждое мгновение, поэтому не являются *подлинно реальным* бытием. Этой проповедью Будда, объяснив их *тонкое непостоянство*, сказал, что они ненадежны, чтобы на них полагаться, и не являются *совершенными*, т.е. обманчивы» [Там же: 319]. Это учение Будды устранило *тонкое цепляние за постоянство*. Таким образом, он преподавал Дхарму при опоре на мирские условности и представления, но так, чтобы слушатели с самого начала могли избегать крайностей нигилизма и этернализма. «Затем для некоторых учеников Будда проповедовал, что то, что с точки зрения всех тех сосудов, которые являются «детьми», представляется *подлинно реальным*, т.е. истинным, с точки зрения постмедитативной мудрости арьев не является подлинно реальным: это ложная [видимость]» [там же]. И лишь для некоторых учеников, кто имел длительное знакомство с глубинным воззрением в прошлых жизнях, а в этой жизни из-за влияния философских теорий имел немного еще не отброшенных завес цепляния за истинное бытие вещей, для того чтобы они тоже могли отбросить эту тонкую омраченность, Будда проповедовал учение, суть которого передается в простой форме так: «Бессмысленно воображать, какого цвета [одежду носит] несуществующий сын бесплодной женщины – голубоватую или беловатую» [там же]. Иначе говоря, для них «он сразу преподавал Дхарму, отбрасывающую постоянство и непостоянство – обоих – как несуществующие самосущим способом» [там же: 320].

Цонкапа объясняет, что этот порядок обучения пустоте сначала отвлекает слушателей от ложных путей, а затем подводит их к благородному пути постижения *таковости*. Эту систему обучения посредством *направляющих инструкций* (rjes-su-bstan-pa), адаптирующих Дхарму к ментальным особенностям учеников, Цонкапа называет *систематическим обучением*. При этом он напоминает наставление Буддапалиты из его комментария к ММК: хотя при таком методе последовательного обучения пустоте необходимо опираться на мирские конвенции, – относительную истину, – тем не менее, «те, кто желает узреть *таковость*, не должны устремляться к тому, что было проповедано в зависимости от мирских конвенций...». [Buddhapalita 244a–245a. Цит. по: 16, с. 320].

Таким образом, при *систематическом обучении* пустоте, продемонстрированном самим Буддой, *онтологические конструкты*, являющиеся по своей сути *преувеличением бытия*, выступают искусными уловками, позволяющими ученикам до наступления ментальной зрелости не впасть в крайности нигилизма и постоянства. Но, когда ученик приступает к постижению *таковости*, от применения этих конструктов и любых концептуализаций реальности следует воздержаться, ибо «то, что выражено в языке, подлежит отбрасыванию» [16, с. 320]. И все же с целью предотвращения ошибочных представлений, Нагарджуна в ММК (XVIII: 9) проповедовал, что *таковость*, т.е. пустота-рантонг, обладает пятью характеристиками:

Не является познаваемой от другого, пребывает в покое,

Не является конструктом ментальной активности,

Недискурсивна, не дифференцирована по объекту.

Таковы характеристики *таковости* [15, с. 25–26].

Цонкапа комментирует эту строфу так: «Первая из них – “не является познаваемой от другого” – означает, что ее невозможно постичь, просто послушав учение, которое дает другая личность, а необходимо постичь ее посредством собственной незагрязненной мудрости» [16, с. 321]. И далее следует пояснение, что, хотя арьи обучают *таковости* путем онтологического преувеличения, выражаемого посредством языка, все же обычные существа не могут посредством слушания их наставлений постичь ее природу так же, как посредством собственной незагрязненной мудрости. «Тем не менее, когда лекарство безошибочного видения смысла пустоты излечит ментальное око, зародится незапятнанная «катарактой» неведения мудрость *таковости*. В это время ученик посредством метода не-видения никакой измышленной видимости сам постигает *таковость*» [Там же]. При таком подходе к обучению пустоте существа, еще не обретшие такую мудрость, хотя и не способны еще постичь *таковость* посредством устранения двойственной видимости, «не могут не понять абсолютный смысл – пустоту от самосущего бытия». Аналогичным образом нельзя утверждать, что, если человеку с катарактой кто-то другой, чьи глаза не поражены катарактой, скажет, что в поле зрения первого человека нет свисающих волосков, то этот человек не способен понять это.

Вторая характеристика *таковости* – *покой* – означает, что «*таковость* вещей есть отсутствие самобытия, которое существовало бы в силу сущности». И с этим связана третья характеристика – «не является конструктом ментальной активности»: объекты, конструируемые мыслетворчеством, более не конструируются, т.е. не выражаются в языке» [там же: 322]. Четвертая характеристика – это *недискурсивность*. «Пятая характеристика – это *недифференцированность по объекту*: каков один феномен в абсолютном смысле, таковы и все другие феномены, поэтому в абсолютной [реальности] нет отдельных объектов» [там же].

Вклад Чже Цонкапы в мадхьямикское обоснование онтологии пустоты как основы махаянского мира – мира трансформации обычных существ, их освобождения и просветления – очень важен также по той причине, что он разъяснил мысль Нагарджуны о том, почему учениями категории *нитартха* являются именно проповеди Второго Поворота. Согласно комментарию Цонкапы, смысл пустоты в качестве *нитартхи* (*nges-don*) – это абсолютное отрицание: существование самости, природы, сущности и т.п. полностью отрицается без подразумевания чего-то существующего помимо того, что отрицается. Это *окончательный смысл* пустоты, устанавливаемый посредством абсолютной негации объекта отрицания в объекте пустоты. Такой смысл

содержит именно доктрина *шуньяты* в учении Праджняпарамиты, тогда как учения Первого и Третьего Поворотов хотя и говорят о пустоте, не доходят до абсолютной негации «*истинно сущего*».

При объяснении обычным существам *таковости*, т.е. негативной онтологии пустоты-рантонг, принципиальное значение имеет опора на зависимое возникновение, позволяющая избежать ошибок экстремальных интерпретаций. «Опустошение» эссенциалистской онтологии при одновременной опоре на относительную истину *зависимого возникновения реальности* служит мировоззренческой основой активности героев-бодхисаттв. Итак, до конца деконструируя эссенциалистскую метафизику и применяя негативную диалектику (*прасанга*), Нагарджуна и прасангики отнюдь не были нигилистами и не уничтожали вообще бытие, поскольку объясняли свою радикальную онтологию при опоре на две истины, наиболее полно и точно идентифицируя тот вид *неведения*, который является корнем сансары. Дело в том, что если для всех низших школ корнем зла представлялось цепляние за «я» (*атман, самость*) личности как нечто истинно существующее, то Нагарджуна объяснил, что цепляние за самость феноменов – это тоже омраченное неведение, а не *завесы познания*, как считали йогачарины (Асанга и др.) и мадхьямики-сватантрики (Бхававивека и др.).

Таким образом, только мадхьямака Нагарджуны и прасангики содержит такую онтологическую интерпретацию смысла Учения Будды, которая служит достоверным обоснованием махаянского пути к освобождению и просветлению посредством диалектики пустоты и зависимого возникновения. Однако было бы ошибкой считать мадхьямаку нигилистическим учением: она имеет прочный позитивный онтологический фундамент в виде *четырех благородных истин* и *четырех философских печатей* [см.: 2; 12].

Список литературы

1. Аристотель. Сочинения в 4 т. – Т. 1. /Ред. В.Ф. Асмус. – М.: Мысль, 1976. – 550 с.
2. Геше Джампа Тинлей. Четыре благородные истины. – Улан-Удэ: Изд-во Дже Цонкапа, 2012. – 532 с.
3. Гуссерль Э. Картезианские медитации / пер. с нем. В.И. Молчанова. – М.: Академический Проект, 2010. – 229 с.
4. Его Святейшество Далай-лама XIV Тензин Гьяцо. Исследование природы реальности. – Новосибирск: ООО «Издательство Дже Цонкапа», 2015. – 158 с.
5. Его Святейшество Далай-лама. Буддийская практика: Путь к жизни, полной смысла /Пер. с англ. – М.: ООО ИД «София», 2006. – 208 с.
6. Ортега-и-Гассет, Х. Что такое философия. – М., 1991. – <http://www.philosophy.ru/library/ortega/wph.html>.
7. Нагарджуна. Праджня-нама-муламадхьямакакарика, Toh. 3824, dBu ma tsa 1b1– 19a6
8. Пятигорский, А. «Ценность философии в том, что она никому не нужна» // <http://elementy.ru/lib/430491>
9. Пятигорский А. Философия одного переулка. RR Press: London, 1989. – 123 с.
10. Сутра Сердца Победоносной Матери, Ушедшей-За-Пределы CoC 906 вершенства Мудрости [bcom ldan ‘das ma shes rab kyi pha rol tu pyin pa’i snying bo]: текст и комментарий на основе устных наставлений Геше Джампа Тинлэя /Пер. с тиб. и сост. комментариев И.С.Урбанаева. – Улан-Удэ: РИО Буддийской Общины «Зеленая тара». – 2006. – 184 с.
11. Урбанаева И.С. «Сутра сердца»: медитация бессамости в контексте пяти путей махаяны // Вестник Бурятского госуниверситета, 2008.– № 8. – С. 8–17.

12. Урбанаева И.С. Четыре философские печати – онтологическая основа сотериологического прагматизма буддизма // Вестник БНЦ СО РАН. – 2015. – № 3(19). – С. 161–175.

13. Huntington C.W., Jr. and Geshe Namgyal Wangchen. Emptiness of the Emptiness. – Delhi: Motilal Banarsidass, 2007. – 287 p.

14. Inada, Kennet. Nāgārjuna: A Translation of his “Mūlamadhymakakārikā” with an Introductory Essay by Kennet K. Inada. – Sri Satguru Publications, Delhi, 1993. – 204 p.

15. dPpal-mgon-‘phags-pa-klu-sgrub [автор – Прославленный Покровитель Арья Нарджуна]. dBu-ma-rtsa-ba’i-tshig-le-ur-byas-pa-shes-rab-ces-bya-ba-bzhugs-so [название текста – Коренные строфы о срединности: текст, называемый Мудростью]. – Ser-byes-rig-mdzod-chen-mo-gra-tshang (Издатель: великая сокровищница знаний – дацан Сера Дже), 2016. – 47 p. (тиб.)

16. Tsong- khapa- blo-bsangs-grags-pa (автор). dBu-ma-rtsa-ba’i-tshig-leur-byas-pa-shes-rab-ces-bya-ba’i-rnam-bshad-rigs-pa’i-rgya-mtsho-zhes-bya-ba-bzhugs-so (“Океан аргументов: Большой комментарий к тексту «Муламадхьямакарики», известному как «Мудрость») // rje-tsong-kha-pa-chen-po-i-gsung-‘bum (Собрание сочинений Чже Цонкапы). – Vol. 15. – Pe cin (место издания): khrung-go’i-bod-rigs-pa-dpe-skrun-khang (Publisher). – 2012. – 663 p. (тиб.)

17. Shes-rab-snying-po (Сутра сердца) // bLa-ma’i-rbal-‘byor-dang-yi-dam-khag-gi-bdag-bskyed-sogs-zhal-‘don-gces-btus-bzhugs-so. – Bod-gzhung-shes-rig-dpar-khang, 2001. – P. 446–450. (тиб.)

Ю.Ю. Эрендженова

Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова

ПРИМЕНЕНИЕ МЕТОДОВ ЕСТЕСТВЕННО-ТЕХНИЧЕСКИХ НАУК В БУДДОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 19-18-00118,
<https://rscf.ru/project/19-18-00118>*

Статья посвящена обзору научных публикаций, в которых отражены результаты буддологических исследований, проведенных с применением методов естественных (физика, химия, геология, биология, нейронауки, медицина) и технических (информатика и программирование) наук. Выявлено, что интерес исследователей к религиозной проблематике позволяет расширить представления о буддизме и его влиянии на природные процессы и цифровизацию. Особое значение буддизм имеет для нейронаук и медицины, поскольку эти науки обращают внимание на практическую сторону буддийской религии – медитативные техники, имеющие серьезный потенциал для улучшения качества жизни людей. В техническом плане вопросы в отношении буддизма связаны в большей степени с дизайном и цифровизацией буддийского наследия, а также измерением активности буддийских сообществ в онлайн-пространстве.

Ключевые слова: буддология, буддологические исследования, междисциплинарный подход, методы естественных наук, методы технических наук.

Yu. Yu. Erendzhenova

Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov

APPLICATION OF THE METHODS OF NATURAL AND TECHNICAL SCIENCES IN BUDDHIST STUDIES

*The study was funded by Russian Science Foundation according to the research project No. 19-18-00118,
<https://rscf.ru/project/19-18-00118>*

The article is devoted to a review of scientific publications that reflect the results of Buddhist studies conducted using the methods of natural (physics, chemistry, geology, biology, neuroscience, medicine) and technical (computer science and programming) sciences. It was revealed that the interest of researchers in religious issues allows expanding the understanding of Buddhism and its impact on natural processes and digitization. Buddhism is of particular importance for neuroscience and medicine, since these sciences pay attention to the practical side of the Buddhist religion – meditative techniques that have a serious potential to improve the quality of people's lives. Concerning technical research, issues regarding Buddhism are more related to the design and digitization of Buddhist heritage, and measuring the activity of Buddhist communities in the online space.

Key words: Buddhology, Buddhist Studies, interdisciplinary approach, methods of natural sciences, methods of technical sciences.

В современной науке все большую популярность приобретают междисциплинарный и системный подходы, обусловленные синергетической парадигмой. В отечественной науке эта методология была сформулирована в 1997 году С.П.Капицей, С.П.Курдюмовым и Г.Г.Малинецким в ставшей уже классической работе «Синергетика и прогнозы будущего» [3]. Тенденцию на сближение естественных и гуманитарных наук в 2004 году отметил и академик В.А.Лекторский. Более того, он доказывал сущностное единство этих, на первый взгляд кажущихся противоречивыми, граней научного познания [4].

В последние годы ведущие отечественные ученые все чаще обсуждают актуальность, значимость и как таковую возможность междисциплинарных исследований [1].

В условиях технологического развития и цифровизации особое значение приобретают технические науки, благодаря которым теоретические разработки естественно-научного и социогуманитарного циклов получают техническое воплощение либо переходят в цифровое пространство. К примеру, А.Д.Московченко разработал биоавтотрофокосмологическую концепцию, объясняющую автотрофное технологическое знание как интеграцию природно-технологического и социально-технологического знания [7].

Наряду с этим Т.Г.Лешкевич рассуждает о трансформации методологических подходов в контексте цифровой эры. Философ приходит к выводу, что при осмыслении взаимодействия «человек – мир» необходимо учитывать цифровую норму и применять такие интеллектуальные средства, как нелинейность, модальность, диссипация, аттрактивность и др. Такой подход в условиях активно развивающейся цифровой среды может гарантировать успешное будущее человечества [5].

Все эти изменения в отношении интеграции наук не обошли стороной и религиоведение. Многие исследователи в ходе критического изучения религиозных феноменов прилагают усилия к расширению методологической базы, обращаясь к не испробованным ранее подходам и методам. В большей степени это касается инструментария когнитивных наук и цифровых измерений религиозного киберпространства [Напр., см: 9; 27].

Что касается буддологических исследований, то в последнее десятилетие буддизм оказывается в поле зрения физиков, химиков, биологов, физиологов и представителей других наук, интересующихся буддийским объяснением мироустройства в целом и человека в частности. Также наметилась тенденция изучения таких аспектов буддийской культуры, как «кибербуддизм», «киберсангха», цифровыми методами.

Существование этих специфических взглядов на буддологическую проблематику, традиционно рассматриваемую в рамках гуманитарной методологии, обуславливает актуальность анализа изучения буддизма в естественно-научном и техническом планах. Так, проблема настоящей работы заключается в поиске ответа на вопрос о том, действительно ли можно измерить и объяснить буддизм и какие попытки уже предприняты исследователями на данный момент. В соответствии с обозначенной проблемой целью настоящей работы является контент-анализ буддологических публикаций, в которых применяются методы естественных и технических наук.

Традиционно изучение буддизма осуществляется в рамках специальной области знаний – буддологии, сформировавшейся на рубеже XIX–XX вв. и постепенно расширяющей предмет своего исследования. В современной западной науке термины «Buddhology» и «Buddhist Studies» употребляются преимущественно в качестве синонимов, означая сферу гуманитарного знания, обобщающего исторические, антропологические, социологические, культурологические, искусствоведческие, филологические, философские изыскания относительно буддизма, буддийского учения, буддийской культуры. В России превалирует термин «буддология», который с середины XX века распространяется на всю область научных исследований о различных сторонах и аспектах буддизма [10, с. 181–182].

Несмотря на отсутствие границ исследовательских стратегий, буддология традиционно опирается на методологию религиоведения, что предполагает обращение к подходам, принципам и методам гуманитарной направленности. Это обосновано необходимостью перевода первоисточников, описанием культа, осмыслением сущности

и значимости учения. В настоящее время буддологические исследования значительно расширились за счет появления научных работ, авторами которых являются представители естественных и технических наук.

Физики подчеркивают «удивительные» совпадения между квантовой физикой и буддизмом [19, р. 195–205]. Есть исследования, в которых поднят вопрос о возможности интеграции «кварков сознания и репрезентации розы» с диалектикой буддийской вайшешики и виджнянавады [26]. К.М.Фирке, придерживаясь принципа дополненности Нильса Бора, ищет параллели буддийской онтологии с глобальной запутанностью [15]. Б.Марчал предпринял попытку использовать буддийские представления для снятия дихотомии восточной и западной духовности в контексте «теологии универсальных чисел / машин» [25].

Вслед за физиками на буддийскую религию обратили внимание химики, геологи и биологи. Китайские ученые изучили химический состав священного озера Манасаровар, расположенного на юге Тибета и являющегося священным местом для тибетских буддистов [38]. Другой коллектив ученых поставил вопрос о мониторинге и охране редкого вида снежных грифов, которые невольно становятся участниками буддийского ритуала «небесных похорон» [36]. Японские буддийские пещеры Тая были изучены в ходе минералогических, геохимических и петрофизических исследований в сочетании с мониторингом микроклимата и химическим анализом подземных и дождевых вод [16]. Биологи делятся предварительными результатами о конвергенции биологической науки и буддизма как способа объяснения законов живой природы [14].

Более детально буддийскими идеями интересуются нейробиологи, которые наблюдают специфические нейробиологические корреляты религиозности и духовности [29]. Исследовательница из Сингапура Мария Кожевникова охарактеризовала повышенную симпатическую активацию и фазовую бдительность мозга человека, наблюдаемые во время буддийских тантрических медитаций, что может влиять на резкое повышение концентрации внимания [22]. Ананд Венкатраман вместе с коллегами рассматривают буддийскую тантру как способ идентификации тонких изменений в поле сознания человека, не замечаемых в ходе обычного процесса восприятия. Это дает надежды на улучшение когнитивных функций и лечение неврологических заболеваний [34].

Команда исследователей под руководством Алессандро Грекуччи на основе экспериментальных данных заявляет об уникальных факторах, привносимых буддийской осознанностью в процесс регуляции эмоций, и в соответствии с этим предлагает нейроанатомическую схему для такой регуляции [18]. Другое интересное исследование провела группа Марике ван Вугт, взявшаяся за измерение нейронных коррелятов буддийских монахов, не погруженных в медитацию, а активно участвующих в аналитическом изучении буддийских идей и дискутирующих между собой [35].

Российские исследователи также видят большой потенциал в измерении буддизма. Отмечается, что буддийское учение содержит в себе сведения о сознании, посредством которых возможно преодолеть физикализм современной когнитивистики [6]. Нейрофизиологи уже перешли от теоретического осмысления к действиям и запустили работу двух психофизиологических лабораторий в буддийских монастырях на юге Индии, где участники проекта не только применяют устоявшиеся методы западной науки, но и разрабатывают новые подходы, которые являются более приемлемыми в необычном и сложном исследовании феномена медитации [2].

Все указанные выше исследования буддийского потенциала для когнитивных наук стали возможными благодаря революционному направлению энактивизма, сформулированного Франсиско Х. Варелой, Эваном Томпсоном и Элеанор Рош. Ключевая концепция

данного направления «воплощенный разум» (Embodied Mind) гласит, что сознание и мозг человека не просто воспроизводят образы внешних предметов, но и энактивируют окружающий мир, то есть непосредственно участвуют в его построении [33].

Такой подход к сознанию в нейробиологии стал возможен за счет интеграции как западной феноменологии и психоанализа, так и буддийских идей. В итоге Ф.Варела стал одним из соучредителей «Института разума и жизни» (Mind & Life Institute), который поныне ведет масштабные контемплативные исследования, сочетая научные методы с буддийской созерцательной практикой. Этот проект нацелен, с одной стороны, на всестороннее изучение познавательной способности человека, с другой стороны, он предназначен для гуманизации самого научного познания¹.

В этой связи интересна работа Дж. Тхуптена, определившего взаимосвязь контемплативных исследований с развитием этических представлений и сострадания [32]. Этот вывод позволяет увидеть обоснованность ряда медицинских исследований, в которых психиатры и клинические психологи усматривают корреляцию буддийских медитативных техник с улучшением психологического и физического здоровья людей. Тем более, как показали исследования, буддизм проповедует срединный путь не только в философском понимании, но и относительно физического благополучия [17]. Дзянбин Сю, принимая во внимание смысловую систему буддийской религии, полагает, что она может служить руководством для адаптации людей пожилого возраста, а главное – в определенной мере изменить представления геронтологии на преодоление старости [37].

Коллектив исследователей под руководством Тины Чиу провел мониторинг тайваньских буддистов, в силу религиозных представлений выбравших вегетарианскую диету, и пришел к выводу, что такой подход к рациону питания снижает риски заболеваний, в том числе диабета [13]. Санджей Калра с коллегами взял на заметку буддийские средства для профилактики и эффективного устранения профессионального выгорания практикующих врачей, что зачастую недооценивается при анализе системы здравоохранения [20].

Вместе с тем образ жизни буддистов не во всем отличается рациональностью. К примеру, при обследовании буддийских монахов у них была выявлена широкая распространенность пателлофеморального болевого синдрома, обусловленного малоподвижностью и длительным сгибанием колен в процессе обучения и медитации [21]. Дж. Р. Линдал провел осмотр буддистов, вовлеченных в тантрические медитативные техники, и предупредил о вероятных эмоциональных травмах, которые могут возникнуть при чрезмерной и неконтролируемой практике [23]. При этом промежуточные результаты ряда исследований показывают, что традиционные буддийские методы обладают высоким потенциалом для лечения психических заболеваний [30], снятия сильного стресса после утраты [31], купирования боли у онкологических пациентов [28].

Есть ли основания полагать, что и технические науки расширяют свой предмет исследования за счет буддизма? Контент-анализ научных работ выявил преобладание исследований с применением методов информатики, связанных с дизайном и цифровизацией. Весьма интересная работа австралийских программистов посвящена изучению опыта буддийской медитации на культивирование сострадания с точки зрения самонаблюдения при использовании методологии взаимодействия человека и компьютера (HCI – Human-Computer Interaction) [24].

¹About Mind & Life // Mind & Life Institute [Online] URL: <https://www.mindandlife.org/about/#history> (дата обращения: 10.08.2022).

Многочисленные исследования цифрового пространства буддийских сообществ доказывают, что буддисты довольно спокойно относятся к медиатехнологиям, переходу на онлайн-обучение и даже онлайн-практики, а само буддийское наследие посредством оцифровки постепенно дублируется в Интернете и тем самым становится более доступным широкому кругу последователей [12]. Российские религиоведы предприняли попытку применения программных нереактивных методов сбора данных и математического моделирования для построения графовой модели буддийских онлайн-сообществ в популярной социальной сети, что позволило увидеть неоднородную реальность русскоязычного цифрового буддизма [11].

С каждым годом богатое культурное наследие буддизма переносится в интернет-пространство. В первую очередь это касается оцифровки, производимой в целях сохранения и изучения уникальных буддийских текстов. В Отделе изучения Монголии и внутренней Азии Кембриджского университета реализуется специальный проект по систематизации буддийской книжной культуры с учетом технологических преобразований¹. Подобные инициативы предпринимаются в разных странах, причем, как отмечает О.С.Ринчинов, принципы реализации проектов, позиционирование и функционирование результатов варьируются в зависимости от уровня государственной модернизации [8].

В России Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН включает в себя Центр восточных рукописей и ксилографов, который хранит как оригиналы, так и электронные версии огромного количества буддийских литературных памятников². Значительным достижением сотрудников Центра стала совместная работа с новосибирскими учеными по расшифровке древних манускриптов при помощи искусственного интеллекта³.

Таким образом, обзор научных публикаций, в которых применяются методы естественных и технических наук, позволил несколько расширить представление о горизонтах буддологических исследований. Разносторонние исследования физиков, химиков, геологов и биологов доказывают большую заинтересованность представителей естественных наук в буддийской интерпретации окружающего мира. Особое значение буддизм имеет для нейронаук и медицины, поскольку эти науки обращают внимание на практическую сторону буддийской религии – медитативные техники, имеющие серьезный потенциал для улучшения качества жизни людей. В техническом плане вопросы в отношении буддизма связаны в большей степени с дизайном и цифровизацией буддийского наследия, а также измерением активности буддийских сообществ в онлайн-пространстве.

Список литературы

1. Аршинов В.И., Буданов В.Г., Горохов В.Г. и др. Проблема междисциплинарности в контексте реформ российской науки. Материалы «круглого стола» // Философия науки и техники. – 2016. – Т. 21. – № 1. – С. 5–35.

¹Transforming Technologies and Buddhist Book Culture: the Introduction of Printing and Digital Text Reproduction in Buddhist Societies // University of Cambridge. Mongolia and Inner Asia Studies Unit [Электронный доступ] URL: <https://www.miasu.socanth.cam.ac.uk/projects/transforming-technologies-and-buddhist-book-culture-introduction-printing-and-digital-text> (дата обращения: 15.08.2022).

²Буддийский канон в электронном пространстве // Сокровищница мудрости Востока. Центр восточных рукописей и ксилографов ИМБТ СО РАН [Электронный ресурс] URL: <http://tibcanon.imbtarchive.ru/> (дата обращения: 15.08.2022).

³Тайну тибетских рукописей раскрыли ученые из Новосибирска // Сохраним Тибет! [Электронный ресурс] URL: <http://savetibet.ru/2022/01/20/tibetan-manuscripts.html> (дата обращения: 15.08.2022).

2. Бойцова Ю.А., Кокурина Е.В., Бубеев Ю.А., С.В. Медведев. Подходы к объективной оценке успешности медитации во время ЭЭГ исследований // Труды Института востоковедения РАН. Вып. 31. Тибетология и буддология на стыке науки и религии. 2020 / отв. ред. С.Л. Кузьмин, Т.Л. Шаумян. – М.: ИВ РАН, 2021. – С. 40–51.

3. Капица С.П., Курдюмов С.П., Малинецкий Г.Г. Синергетика и прогнозы будущего. – 3-е издание. – Москва : Едиториал УРСС, 2003. – 288 с.

4. Лекторский В.А. Возможна ли интеграция естественных наук и наук о человеке? // Вопросы философии. – 2004. – № 3. – С. 44–49.

5. Лешкевич Т.Г. Сдвиг методологических норм в осмыслении взаимодействий человек-мир в условиях цифровой эры // Мир человека: нормативное измерение – 6. Нормы мышления, восприятия, поведения: сходство, различие, взаимосвязь: сборник трудов международной научной конференции. – Саратов: Саратовская государственная юридическая академия, 2019. – С. 115–122.

6. Литвинцев О.С. Эвристический потенциал буддийской эпистемологии в решении проблем когнитивной науки // Буддологические исследования. – 2018. – С. 225–235.

7. Московченко А.Д. Философия автотрофной цивилизации. Проблемы интеграции естественных, гуманитарных и технических наук: учеб. пособие. – 3-е изд., доп. – Томск: Изд-во Томск. гос. ун-та систем упр. и радиоэлектроники, 2017. – 286 с.

8. Ринчинов О.С. Цифровой буддийский канон в Восточной Азии // Гуманитарный вектор. – 2019. – Т. 14. – № 6. – С. 141–149. <https://doi.org/10.21209/1996-7853-2019-14-6-141-149>.

9. Соколовский К.Г. Государственно-конфессиональные отношения в контексте экспансии религии в интернет-пространстве: новые возможности, новые вызовы // Вестник Башкирского института социальных технологий. – 2022. – № 2(55). – С. 189–195. <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2022-2-55-189-195>.

10. Философия буддизма / отв. ред. М.Т. Степанянц. – М.: Восточная литература, 2011. – 1045 с.

11. Badmatsyrenov T., Ostrovskaya E., Khandarov F., and Aktamov I. Russian-Speaking Digital Buddhism: Neither Cyber, nor Sangha // Religions [Online]. – 2021. – Is. 12. – № 449. <https://doi.org/10.3390/rel12060449>

12. Buddhism, the Internet, and Digital Media. The Pixel in the Lotus / ed. By G.P. Grieve & D. Veidlinger. – NY, London: Routledge, 2015. – 232 p.

13. Chiu T.H.T, Pan W.H., Lin M.N., Lin C.L. Vegetarian diet, change in dietary patterns, and diabetes risk: a prospective study // Nutrition and Diabetes [Online]. – 2018. – Is. 8(1). – № 12. <https://doi.org/10.1038/s41387-018-0022-4>

14. Eisen A., et al. The Enlightened Gene: Biology, Buddhism, and the Convergence That Explains the World. – Lebanon: University Press of New England, 2018. – 160 p. <https://doi.org/10.2307/j.ctv1xx9hgh>

15. Fierke K.M. Contraria sunt Complementa: Global Entanglement and the Constitution of Difference // International Studies Review. – 2018. – Vol. 21. – Is. 1. – P. 146–169. <https://doi.org/10.1093/isr/viy043>

16. Germinario, L., Oguchi, C.T., Tamura, Y. et al. Taya Caves, a Buddhist marvel hidden in underground Japan: stone properties, deterioration, and environmental setting // Heritage Science [Online]. – 2020. – Is. 8. – № 87. <https://doi.org/10.1186/s40494-020-00433-9>

17. Giustarini G. Healthcare in Pali Buddhism // Journal of Religion and Health. – 2018. – Is. 57. – P. 1224–1236. <https://doi.org/10.1007/s10943-017-0402-4>

18. Grecucci A., Pappaianni E., et al. Mindful Emotion Regulation: Exploring the Neurocognitive Mechanisms behind Mindfulness // BioMed Research International [Online]. – 2015. – Vol. 2015. – Article ID 670724. <https://doi.org/10.1155/2015/670724>

-
19. Jaeger L. *The Second Quantum Revolution*. – Cham: Copernicus, 2018. – 339 p. <https://doi.org/10.1007/978-3-319-98824-5>
 20. Kalra S., Priya G., et al. Lessons for the Health-care Practitioner from Buddhism // *Indian Journal of Endocrinology and Metabolism*. – 2018. – Vol. 22. – Is. 6. – P. 812–817. https://doi.org/10.4103/ijem.IJEM_286_17
 21. Koehle M.S. Patellofemoral Pain Syndrome in Tibetan Buddhist Monks // *Wilderness and Environmental Medicine*. – 2006. – Vol. 17. – P. 129–131.
 22. Kozhevnikov M. Enhancing Human Cognition Through Vajrayana Practices // *Journal of Religion and Health*. – 2019. – Is. 58. – P. 737–747. <https://doi.org/10.1007/s10943-019-00776-z>
 23. Lindhal J. R. Somatic Energies and Emotional Traumas : A Qualitative Study of Practice-Related Challenges Reported by Vajrayana Buddhists // *Religions*. – 2017. Vol. 8. Is. 8. № 153. DOI: 10.3390/rel8080153
 24. Mah K., Loke L., Hespanhol L. Understanding Compassion Cultivation for Design: Towards an Autoethnography of Tonglen // *32nd Australian Conference on Human-Computer Interaction*. – NY: Association for Computing Machinery, 2020. – P. 748–754. <https://doi.org/10.1145/3441000.3441065>
 25. Marchal B. The East, the West and the universal machine // *Progress in Biophysics and Molecular Biology*. – 2017. – Vol. 131. – P. 251–260. <https://doi.org/10.1016/j.pbiomolbio.2017.08.017>
 26. Morseth B.K., Liang L. Quarks of Consciousness and the Representation of the Rose: Philosophy of Science Meets the Vaiśeṣika-Vaiḥāṣika-Vijñaptimātra Dialectic in Vasubandhu's *Vimśikā* // *Journal of Dharma Studies*. – 2019. – Is. 2. – P. 59–82. <https://doi.org/10.1007/s42240-019-00030-5>
 27. *New Developments in the Cognitive Science of Religion. The Rationality of Religious Belief* / ed. by H. van Eyghen, R. Peels, G. van den Brink. Springer, 2018. – 226 p. <https://doi.org/10.1007/978-3-319-90239-5>
 28. Ngamkham S., Yang J.J., Smith E.L. Thai Buddhism-Based Mindfulness for Pain Management in Thai Outpatients with Cancer: A Pilot Study // *Asia-Pacific Journal of Oncology Nursing*. – 2021. – Vol. 8. – Is. 1. – P. 58–67. https://doi.org/10.4103/apjon.apjon_43_20
 29. Rim J.I., Ojeda J.C., et al. Current Understanding of Religion, Spirituality, and Their Neurobiological Correlates // *Harvard Review of Psychiatry*. – 2019. – Is. 27(5). – P. 303–316. <https://doi.org/10.1097/HRP.0000000000000232>
 30. Samuel G. Unbalanced Flows in the Subtle Body: Tibetan Understanding of Psychiatric Illness and How to Deal with It // *Journal of Religion and Health*. – 2019. – № 58. – P. 770–794. <https://doi.org/10.1007/s10943-019-00774-1>
 31. Taniyama Y., Becker C., et al. Listening to Sutra-Chanting Reduces Bereavement Stress in Japan // *Journal of Health Care Chaplaincy* [Online]. – 2019. <https://doi.org/10.1080/08854726.2019.1653637>
 32. Thupten J. The Question of Mindfulness' Connection with Ethics and Compassion // *Current Opinion in Psychology*. – 2019. – Vol. 28. – P. 71–75. <https://doi.org/10.1016/j.copsyc.2018.10.016>
 33. Varela F.J., Thompson E., Rosch E. *Embodied Mind: Cognitive Science and Human Experience*. – Cambridge: MIT Press, 1993. – 328 p.
 34. Venkatraman A., Nandy R., et al. Tantra and Modern Neurosciences: Is there any Correlation? // *Neurology India*. – 2019. – Vol. 67. – Is. 5. – P. 1188–1193. <https://doi.org/10.4103/0028-3886.271263>
-

35. Vugt M.K., van, Pollock J. Johnson B. et al. Inter-brain Synchronization in the Practice of Tibetan Monastic Debate // *Mindfulness*. – 2020. – № 11. – P. 1105-1119. <https://doi.org/10.1007/s12671-020-01338-1>

36. Xin L., Dianhua K., et al. Status, Ecology, and Conservation of the Himalayan Griffon Gyps himalayensis (Aves, Accipitridae) in the Tibetan Plateau // *AMBIO: A Journal of the Human Environment*. – 2019. – Vol. 38. – Is. 3. – P. 166-173. <https://doi.org/10.1579/0044-7447-38.3.166>

37. Xu J. Buddhism-as-a-meaning-system for coping with late-life stress: a conceptual framework // *Aging & Mental Health*. – 2018. – Vol. 22. – Is. 1. – P. 100-108. <https://doi.org/10.1080/13607863.2016.1227767>

38. Yao Zh., Wang R., Liu Zh., et al. Spatial-temporal patterns of major ion chemistry and its controlling factors in the Manasarovar Basin, Tibet // *Journal of Geographical Sciences*. – 2015. – № 25. – P. 687-700. <https://doi.org/10.1007/s11442-015-1196-5>

ОБ АВТОРАХ

Бадмаева Екатерина Николаевна	доктор исторических наук, директор Международного научно-исследовательского центра «Ойраты и калмыки на евразийском пространстве» (en-badmaeva@yandex.ru)
Батмаев Максим Манчиевич	доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Калмыцкий научный центр РАН
Батыров Валерий Владимирович	кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова
Боктаева Валентина Лиджиевна	кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков, межкультурной коммуникации и регионоведения, Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова (valid25@yandex.ru)
Виноградов Сергей Вадимович	доктор исторических наук, профессор, Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева
Грищенко Алексей Михайлович	настоятель Кафедрального собора Казанской иконы Божией Матери (г.Элиста), аспирант кафедры философии и культурологии Калмыцкого государственного университета им. Б.Б.Городовикова
Димитрова Светлана Васильевна	доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный университет», г. Волгоград, Россия (sve-dimitrova@yandex.ru)
Есенова Галина Борисовна	аспирант кафедры русского языка и общего языкознания, русской и зарубежной литературы, Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова
Кальдинова Галина Павловна	кандидат социологических наук, заведующий отделом социологических исследований БНУ РК «ИКИАТ», доцент кафедры философии и культурологии ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет им. Б.Б.Городовикова» (gala758@yandex.ru)
Карпенко Инна Николаевна	кандидат исторических наук, доцент кафедры философии и истории ФГБОУ ВО «Ставропольский Государственный Аграрный Университет» (inna.kravchenko.1972@mail.ru)

Качай Илья Сергеевич	старший преподаватель кафедры философии, Сибирский федеральный университет
Крючкова Светлана Евгеньевна	доктор философских наук, профессор Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (svetlana.kryuchkova2015@yandex.ru)
Кярова Мадина Алиевна	кандидат философских наук, доцент, зав. кафедрой истории и философии ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный аграрный университет имени В.М.Кокова», Нальчик, Россия (mad-kyarova@yandex.ru)
Лю Ецзы	аспирант, кафедра зарубежного регионоведения и внешней политики, Российский государственный гуманитарный университет, Москва (liuyezi218@gmail.com)
Майба Вита Викторовна	кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранные языки ФГБОУ ВО РГУПС «Ростовский государственный университет путей сообщения», Ростов-на-Дону, Россия (vita.maiba@yandex.ru)
Манджиева Заяна Игоревна	младший научный сотрудник отдела, Калмыцкий научный центр РАН, г.Элиста, Россия (mandjievazi@kigiran.com)
Маруневич Оксана Викторовна	кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранные языки ФГБОУ ВО РГУПС «Ростовский государственный университет путей сообщения», Ростов-на-Дону, Россия (oks.marunevich@mail.ru)
Никитина Людмила Анатольевна	кандидат филологических наук, кафедра иностранных языков и межкультурной коммуникации и регионоведения, Калмыцкий государственный университет им. Б.Б.Городовикова
Очирова Нина Гаряевна	кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник отдела гуманитарных исследований, Федеральный исследовательский центр «Южный научный центр Российской академии наук» (ngochirova00@mail.ru)
Пахомов Андрей Вячеславович	аспирант, Кубанский государственный технологический университет
Петров Михаил Александрович	кандидат философских наук, доцент кафедры философии, Сибирский федеральный университет

Равочкин Никита Николаевич	доктор философских наук, доцент кафедры истории, философии и социальных наук, Кузбасский государственный технический университет имени Т.Ф.Горбачева; доцент кафедры педагогических технологий, Кузбасская государственная сельскохозяйственная академия
Сусеева Данара Аксеновна	доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и общего языкознания, русской и зарубежной литературы, Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова (suseeva@gmail.com)
Туфанов Евгений Васильевич	доктор исторических наук, профессор кафедры философии и истории, Ставропольский государственный аграрный университет (e.vt@mail.ru)
Убушаев Владимир Бадахевич	доктор исторических наук, профессор, Калмыцкий государственный университет им. Б.Б.Городовикова
Убушиева Жанна Алексеевна	старший преподаватель кафедры калмыцкого языка, монголистики и алтаистики, Калмыцкий государственный университет им. Б.Б.Городовикова (zhanna61297@yandex.ru)
Уланов Мерген Санджиевич	доктор философских наук, профессор кафедры философии и культурологии, Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова
Урбанаева Ирина Сафроновна	доктор философских наук, главный научный сотрудник ФГБУН «Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН (urbanaeva@imbt.ru)
Храпов Сергей Александрович	доктор философских наук, профессор Астраханского государственного университета (khrapov.s.a.aspu@gmail.com)
Эрдниева Эрвена Владимировна	кандидат педагогических наук, доцент кафедры русского языка и общего языкознания, русской и зарубежной литературы, Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова (Ervena_21@rambler.ru)
Эрендженова Юлия Юрьевна	кандидат философских наук, ассистент кафедры философии и культурологии, Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова (yulia.er16@gmail.com)

ABOUT THE AUTHORS

Badmaeva Ekaterina	Doctor of Historical Sciences, Director of the International Research Center "Oirats and Kalmyks in the Eurasian Space" (en-badmaeva@yandex.ru)
Batmaev Maksim	Dr. Sc. (History), Leading Research Associate, Kalmyk Scientific Center of the RAS
Batyrov Valery	Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of General History, Kalmyk State University
Boktaeva Valentina	Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of Foreign Languages, Intercultural Communication and Regional Studies, Kalmyk State University (valid25@yandex.ru)
Dimitrova Svetlana	Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Philosophy, Volgograd State University (sve-dimitrova@yandex.ru)
Erdnieva Ervena	Candidate of pedagogical sciences, associate Professor of the Department of Russian language and General linguistics, Russian and foreign literature, Kalmyk State University (Ervena_21@rambler.ru)
Erendzhenova Yulia	Cand. Sc. (Philosophy), assistant of the Department of Philosophy and Cultural Studies, Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov (yulia.er16@gmail.com)
Esenova Galina	Postgraduate student of the Department of Russian Language and General Linguistics, Russian and Foreign Literature, Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov
Grishenko Alexey	Rector of the Cathedral of the Kazan Icon of the Mother of God (Elista), postgraduate student of the Department of Philosophy and Cultural Studies of the Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov
Kachay Ilya	Senior lecturer at the Department of Philosophy, Siberian Federal University
Kaldinova Galina	Candidate of Sociological Sciences, head. of Social Research Department of the Institute for Comprehensive Research of Arid Areas; Associate Professor of the Department of philosophy and Cultural studies, Kalmyk State University (gala758@yandex.ru)

Karpenko Inna	Candidate of historical Sciences, associate Professor of the Department of philosophy and history of Stavropol State Agrarian University (inna.kravchenko.1972@mail.ru)
Khrapov Sergey	Doctor of philosophical science, Professor of Astrakhan state University (khrapov.s.a.aspu@gmail.com)
Kryuchkova Svetlana	Doctor of philosophical science, Professor of Financial University under the Government of the Russian Federation (svetlana.kryuchkova2015@yandex.ru)
Kyarova Madina	Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of History and Philosophy, Kabardino-Balkarian State Agrarian University named after V.M. Kokov, Nalchik, RF (mad-kyarova@yandex.ru)
Liu Yezi	Postgraduate student, Department of Foreign Regional Studies and Foreign Policy, Russian State University for the Humanities, Moscow (liuyezi218@gmail.com)
Maiba Vita	Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Foreign Languages Department “Rostov State Transport University”, Rostov-on-Don, Russia (vita.maiba@yandex.ru)
Mandjjeva Zayana	Junior Researcher, Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Elista, Russia
Marunevich Oksana	Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Foreign Languages Department “Rostov State Transport University”, Rostov-on-Don, Russia (oks.marunevich@mail.ru)
Nikitina Lyudmila	Candidate of philological Sciences, Associate Professor of the Department of Foreign Languages, Intercultural Communication and Regional Studies, Kalmyk State University
Ochirova Nina	Candidate of Political Sciences, Leading Researcher of the Department of Humanitarian Studies, Federal Research Centre The Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences (ngochirova00@mail.ru)
Pachomov Andrey	Post-graduate student, Kuban State Technological University

Petrov Michael	Candidate of philosophical science, associate professor, Associate Professor at the Department of Philosophy, Siberian Federal University
Ravochkin Nikita	Doctor of philosophical science, Associate Professor at the Department of History, Philosophy and Social Sciences, Kuzbass State Technical University named after T.F.Gorbachev; Associate Professor at the Department of Pedagogical Technologies, Kuzbass State Agricultural Academy
Suseeva Danara	Doctor of philological Science, Professor of Department of Russian language and General linguistics, Russian and foreign literature, Kalmyk state University (suseeva@gmail.com)
Tufanov Evgeniy	Doctor of historical Sciences, Professor, head of the Department of philosophy and history of the Stavropol State Agrarian University (e.vt@mail.ru)
Ubushaev Vladimir	Doctor of Historical Sciences, Professor, Kalmyk State University
Ubushieva Zhanna	Lecturer of the Department of Kalmyk Language, Mongolic and Altaic Studies, Kalmyk State University (zhanna61297@yandex.ru)
Ulanov Mergen	Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Philosophy and Culturology of the Kalmyk State University
Urbanaeva Irina	Doctor of Philosophy, Chief Researcher of the Institute of Mongolian Studies, Buddhism and Tibetology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (urbanaeva@imbt.ru)
Vinogradov Sergey	Doctor of Historical Sciences, Professor, Astrakhan State University

CONTENTS
HISTORICAL SCIENCES AND ARHEOLOGY***Badmaeva E.N.***

ACTIVITIES OF THE REGIONAL ASTRAKHAN ORGANIZATION
 PREVENTING SAND MOVEMENT ON THE TERRITORY OF KALMYKIA
 IN THE 1920s6

Batmaev M.M.

THE DEVELOPMENT OF KALMYK FISHING IN THE XVIII CENTURY
 AND ITS REGULATION BY THE RUSSIAN ADMINISTRATION 14

Batyrov V.V.

ADAPTATION OF KALMYK SHEEP BREEDING
 TO ADMINISTRATIVE AND CLIMATIC FACTORS IN THE XIX CENTURY22

Liu Yezi

SINO-SOVIET RELATIONS REFLECTED
 IN THE NEWSPAPER “PRAVDA” (1949–1953).....28

Ochirova N.G.

PERSONS OF KALMYKIA AND THEIR CONTRIBUTION
 TO THE DEVELOPMENT OF CULTURE: A.U. BADMAEV (1921-2012)37

Pachomov A.V.

UNREST IN KUBAN MILITARY TROOPS IN THE PERIOD
 OF REVOLUTIONARY MOVEMENT IN 190544

Tufanov E.V., Karpenko I.N.

THE SOCIO-CULTURAL IMAGE OF THE REPRESENTATIVE
 OF THE PARTY–STATE NOMENCLATURE – THE BIRTH AND DEVELOPMENT
 OF THE 1920s-1930S (BASED ON THE MATERIALS
 OF THE NORTH CAUCASUS).....52

Ubushaev V.B., Vinogradov S.V.

KALMYK AUTONOMOUS REGION IN THE PERIOD
 OF POLITICAL AND ECONOMIC CRISES IN THE USSR IN 1923–192560

PHILOLOGICAL SCIENCES***Boktaeva V.L., Nikitina L.A.***

CONCEPT *HORSE* IN PROVERBIAL TEXTS
 IN THE LINGUISTIC CONSCIOUSNESS
 OF THE ENGLISH AND RUSSIAN PEOPLES70

<i>Esenova G.B.</i> THE IMAGE OF THE FATHER IN THE CHRONICLE NOVEL BY A.M. AMUR-SANAN “MUDRESHKIN’S SON”	76
<i>Mandjieva Z.I.</i> ON THE CLASSIFICATION OF THE DONGXIANG LANGUAGE.....	82
<i>Marunevich O.V., Maiba V.V.</i> INFORMATION DISTORTION AS A METHOD OF LANGUAGE MANIPULATION IN MODERN RUSSIAN MEDIA DISCOURSE.....	89
<i>Suseeva D.A., Erdnieva E.V.</i> THE BASIC CONCEPT OF THE WORD-FORMATION OF THE MODERN MONGOLIAN LANGUAGE.....	98
<i>Ubushieva Zh.A.</i> THE SYMBOLISM OF YELLOW COLOR IN THE LANGUAGE TRADITION OF THE KALMYKS	106

PHILOLOGICAL SCIENCES

<i>Dimitrova S.V., Kaldinova G.P., Kyarova M.A.</i> ON NEW TYPES OF SOLIDARITY UNDER THE CONDITIONS OF GLOBAL RISKS.....	116
<i>Kryuchkova S.E., Khrapov S.A.</i> INNOVATIONS IN SOCIETY: THE PROBLEM OF THE SUBJECT	124
<i>Ravochkin N.N., Petrov M.A., Kachay I.S.</i> THE ROLE OF CREATIVE INDUSTRIES AND THINK TANKS AS AGENTS OF SOCIAL DEVELOPMENT	133
<i>Ulanov M.S., Grishenko A.M.</i> BUDDHISM AND CHRISTIANITY IN SOCIO-CULTURAL SPACE OF MODERN KALMYKIA: THE DIALOGUE BETWEEN DIFFERENT CHURCHES	143
<i>Urbanaeva I.S.</i> REALITY AS A CONSTRUCT AND MEANING OF SUCHNESS: TO THE PHILOSOPHICAL SPECIFICITY OF THE MADHYAMA AND THE MAHĀYĀNA WORLD	151
<i>Erendzhenova Yu. Yu.</i> APPLICATION OF THE METHODS OF NATURAL AND TECHNICAL SCIENCES IN BUDDHIST STUDIES.....	159
ABOUT THE AUTHORS	170

ТРЕБОВАНИЯ К СТАТЬЯМ, ПРЕДСТАВЛЯЕМЫМ В РЕДКОЛЛЕГИЮ ЖУРНАЛА «ВЕСТНИК КАЛМГУ»

1. Для издания принимаются ранее не опубликованные в других печатных или электронных изданиях авторские материалы – научные статьи, обзоры, рецензии, отзывы, соответствующие научным специальностям: исторические науки и археология, филологические науки, философские науки.

2. Автором (ами) в редакцию предоставляется обязательный печатный и идентичный ему электронный пакет документов:

- текст статьи на русском или английском (с переводом) (печатный вариант статьи подписывается всеми авторами);

- анкета автора (и соавторов);

- заявление автора о праве использования научной статьи в рецензируемом журнале;

- справка с места учебы (для аспирантов).

В статью должно быть включено следующее:

- индекс УДК (располагается в начале научной статьи отдельной строчкой слева);

- индекс ББК (располагается в начале научной статьи отдельной строчкой слева);

- фамилия, имя, отчество полностью на русском и английском языках;

- ученая степень, ученое звание, наименование и шифр научной специальности (по номенклатуре), по которой автор проводит диссертационное исследование, на русском и английском языках;

- аспирантами, докторантами, соискателями, преподавателями вузов указывается кафедра, учебное заведение (магистранты указывают направление подготовки) на русском и английском языках;

- должность, место работы, город, страна на русском и английском языках;

- e-mail;

- название статьи на русском и английском языках (заглавными буквами, шрифт TNR 14, выравнивание по центру);

- аннотация на русском и английском языках (шрифт TNR 14, начертание – курсив, выравнивание по ширине, не менее 600–800 знаков без пробелов);

- ключевые слова на русском и английском языках (10–12 слов или словосочетаний из двух или трех слов, через запятую, шрифт TNR 14, начертание – курсив, выравнивание по ширине);

- статья должна содержать список литературы (15-30 позиций). На каждую статью или монографию должна иметься отсылка в тексте статьи.

Требования к оформлению текста:

Объём текста статьи от 20 000 до 25 000 знаков, включая пробелы.

Набор текста осуществляется в формате MS Word. Гарнитура шрифта Times New Roman. Размер основного шрифта – 14 кегль. Межстрочный интервал для текста – одинарный. Абзацный отступ 1,25 одинаковый по всему тексту. Отбивка абзацного отступа пробелом и клавишей Tab не допускается. Формат страницы А4. Поля страницы (верхнее, нижнее, правое, левое) – 2 см. Текст набирается без переносов, режим «выравнивания по ширине».

Иллюстрации (рисунки, графики) располагаются в тексте статьи и выполняются в одном из графических редакторов (формат tif, jpg в градации серого), с соблюдением ГОСТ 2.304–81 ЕСКД «Шрифты чертежные». Допускается создание и представление графиков при помощи табличных процессоров «Excel». Рисунки и фотографии должны иметь контрастное изображение. Графики, таблицы и рисунки: черно-белые, без цветной заливки. Допускается штриховка.

Формат рисунка не более 12 см по ширине, толщина линий в рисунках не менее 0,75 pt. Рисунки, включающие текст, цифровые или буквенные обозначения, набираются соответствующим текстом шрифтом, индексом – не меньше 8 pt.

Под рамкой рисунка на расстоянии не менее 1 см располагается его номер и подписуемая подпись.

Рисунки в тексте статьи должны быть также выполнены отдельно в формате tif или jpg, иметь единую нумерацию и прилагаться к электронному варианту статьи.

Таблицы оформляются по форме: слово «Таблица» в правом верхнем углу, номер таблицы цифрами (если их более одной), название с большой буквы форматируется по центру таблицы. Содержимое ячеек следует располагать по центру. Если таблица занимает более одной страницы, ниже шапки таблицы на первой странице располагается строка нумерации колонок – по порядку слева направо, вторая и последующая страницы начинаются словами «Продолжение таблицы», далее повторяется строка нумерации. Таблицы размером менее одной страницы разрывать не следует. Размеры ячеек и таблицы в целом следует по возможности минимизировать. В таблице указываются единицы измерения, погрешность. Таблицы должны иметь единую нумерацию. В тексте формируется ссылка к таблице.

Библиографический список (References) оформляется после основного текста статьи на русском и английском языке (шрифт Times New Roman, начертание для заголовка – прописной жирный, кегль 14; для списка – строчный, кегль 14).

Редакция сообщает автору о решении по поводу публикации. В случае отрицательной рецензии редакция направляет автору рукописи мотивированный отказ. Рукописи по почте не возвращаются.

Аспиранты публикуют свои работы на бесплатной основе.

Более подробно с требованиями к статьям можно ознакомиться на сайте Калмыцкого государственного университета: <http://www.kalmsu.ru>.

«Вестник Калмыцкого университета» (возрастная категория 12+) издается для широкого ознакомления научной общественности с достижениями научных школ Калмыцкого государственного университета. В журнале публикуются результаты научных исследований по истории, филологии, философии. Авторами «Вестника КалмГУ» могут быть преподаватели, научные сотрудники и аспиранты университета, а также другие ученые, активно сотрудничающие с университетом.

Журнал «Вестник КалмГУ»
включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Адрес редакции, издателя и типографии:

ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова»
358000 г. Элиста, улица Пушкина, 11. Тел./факс: (847-22) 4-02-97
E-mail: vestnik.kalmgu@yandex.ru
Страница журнала на сайте КалмГУ:
<https://kalmgu.ru/category/vestnik-kalmgu/>

Распространение журнала осуществляется по адресной системе.

Журнал зарегистрирован
в Управлении Федеральной службы по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
по Волгоградской области и Республике Калмыкия
(свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ТУ34-00731 от 8 апреля 2016 г.)

Научный журнал

ВЕСТНИК
Калмыцкого университета

№3(55)/2022

Подписано в печать 28.09.2022 г.
Дата выхода в свет 30.09.2022 г.

Формат 70x108/16. Усл. печ. л. 15,57.
Тираж 300 экз. Заказ №4853. Цена свободная.

ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова»
358000 Республика Калмыкия, г. Элиста, ул. Пушкина, 11. Тел./факс: (84722) 39014